

ТЕМА
ТЕМА
5А

частное издание
1999 год

Изложенные в статьях взгляды принадлежат их авторам и не обязательно отражают точку зрения издателя.

Главный редактор: В. Волов
Обработка фонограмм и набор текста (помимо авторских), сканирование, корректура:
Л. Волова, Н. Федорова,
А. Телятникова, А. Вавржин,
Ю. Дьяченко, З. Хортова, В. Хонякина

Обложка: З.Хортова

Адрес: 630048, Новосибирск 48, а/я 112
E-mile: volov@online.nsk.su

© **ТемаТека № 5**

Тираж 3 номерных экземпляра в цвете, электронная версия, именные экземпляры.
Выходит с 1997 года

При перепечатке ссылка обязательна.

Использованные шрифты True Type Fonts (TTF):

Times New Roman
Times New Roman Cyr
Courier New Cyr
Arial Cyr
AG Futura
ArtsansC
Arbat
Astra
Betina
MonoCondensed
FuturisCameoC
Techno28
Umbrella Cyr
a_BodoniOrtoTitulNr
a_BentTitulRoughNr

Номерной экземпляр

3

СОДЕРЖАНИЕ

Рефлексия-2. Семинар 18 декабря 1998 года, НГАСУ (часть 1)	5
<i>П. Г. Щедровицкий. Проблема рефлексии в теории деятельности и СМД методологии (Перепечатка статей из журналов «Вопросы методологии»)</i>	17
<i>ТЕЗАУРУС (по статье П.Г.Щедровицкого)</i>	46
<i>Волов В.Г. Чертоги И Итоги</i>	48
<i>Хортова З.Ф. История одного нашего дома</i>	60
<i>Дьяченко Ю.О. СТИЛЕВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ</i>	66
Планировочный район в структуре крупнейшего города. Семинар аспирантов Госстроя СССР, Кучино 8 ноября 1988 года	70

Расшифровка аббревиатур.

АЕП	- Адамович Евгения Павловна
АЮМ	- Ануфриенко Юлия Михайловна
БЮС	- Белов Юрий Семенович
ВАЕ	- Вавржин Артур Евгеньевич
ВВГ, ВВ	- Волов Владимир Геннадьевич
ГЕВ	- Горбунова Екатерина Викторовна
ДЮО	- Дьяченко Юлия Олеговна
КАА	- Каменев Александр Александрович
ПЛВ	- Пинтер Людмила Викторовна
ПСБ	- Пешев Сергей Борисович
СЭС	- Селина Эмилия Сергеевна
ТАВ	- Телятникова Анна Владимировна
ХЗФ	- Хортова Зоя Федоровна
ХИБ	- Хомутова Инна Борисовна
ХХХ	- неизвестно (субъект не идентифицирован по фонограмме)

Другие сокращения расшифровываются непосредственно по тексту.

Рефлексия-2

Семинар студентов НГАСУ.

Фонограмма: Волов В.Г., Хортова З.Ф.

Обсуждение темы «Рефлексия» не закончилось после первой попытки прикоснуться к ней (смотрите №4 ТемаТеки). Дальнейшее обсуждение темы, фонограмма которого (первая часть) приводится ниже, основано на моем предложении подготовить доклад по статьям Щедровицкого, посвященных этому вопросу¹. Сами статьи из журнала, тираж которого мал, и найти его трудно, - поэтому текст цитируемых мест из этих статей приводится полностью, и оригинальный текст статьи - чтобы иметь возможность составить собственное представление о предмете дискуссии. Семинар (серия семинаров) по этому поводу интересен хотя бы потому, что именно на нем в полной мере развернулась драма невозможности прорваться к определенному типу знаний со стороны участников. Именно после этого семинара (серии семинаров) его участники «разделились» на две основные группы - тех, кто остался, и тех, кто построил свою защиту от подобных встреч своими ногами. Но мне, все-таки, важно было зафиксировать (здесь и теперь) техники работы с текстом со стороны участников и докладчицы, а также осуществления ими способов коммуникации.

Часть 1.

18 декабря 1998 года, аудитория 437.

ВВ: Рефлексия - явление достаточно сложное, с одной стороны, и, с другой, - вроде простое. В какой-то момент я вас озадачил, привлек ваше внимание очень простым тезисом: *рефлексия как «элемент» мышления* (конституирующий, базовый, «рядом» с мышлением рассматриваемый) есть признак того, что человек «продвинут» в сфере мысли и - таким образом - является не ведущим жизнь «говорящего растения», то есть человека, который не думает (по принципу). Поскольку самолюбие у всех вас нормальное, то после тезиса: «если вы никогда не рефлексировали, значит, вы никогда не мыслили» и ведете в этом отношении «странную» жизнь. После этого я, фактически, запустил процесс внимательного отношения к этому явлению в вашей жизни. И в своей, потому что сама стараюсь использовать в своей работе то, о чем говорю. Когда мы встретились в первый раз на семинаре, посвященном рефлексии², я там «вбросил» достаточно простое представление - рефлексия начинается тогда, или - мысль «просыпается», будится тогда, когда вы отвечаете на вопрос «Что делает ваш собеседник или оппонент?» и второй вопрос «Как он это делает?». Эти вопросы очень просты на первый взгляд. Когда мы начали разворачивать содержание ответов на такие вопросы (на материале докладов НТК студентов) и посмотрели, что там делалось, кем и как, - то оказалось, что все гораздо сложнее и интереснее, чем простой треп про наше присутствие. И сегодня мы не только прикоснемся к вопросу о рефлексии, но и попытаемся работать на этой стезе. Предыстория нашей встречи сегодня такая - я попросил прочитать Зою Хортову статьи Петра Георгиевича Щедровицкого и рассказать то, что было понятно. (К Зое) Слушаем Вас.

ХЗФ: На самом деле я сделала другое, - я действительно читала статью ППЩ, которая называется «Проблема рефлексии в теории деятельности и СМД методологии». Я встала на позицию

¹ Щедровицкий П.Г. Проблема рефлексии в теории деятельности и СМД методологии. - Вопросы методологии, 1991, N 2, с.47-66; N 3, с.72-82.

² Смотрите ТемаТеку № 3.

«ученика»), и, спрашивая, что же такое *рефлексия*, я из этой статьи объяснения автора выписала тезисами. Я сейчас буду эти тезисы произносить. Хотелось бы, чтобы по некоторым понятиям (к ВВ) были некоторые разъяснения. И эти тезисы, возможно, мы будем обсуждать. После прочтения этой статьи, я останавливаясь там, где идея рефлексии изложена в самых общих чертах, - и сейчас я вам ее расскажу по пунктам (цитирует).

Цитата 1: *Рефлексия, оставляя в стороне всякое частное и конкретное определение, находит свое безусловное основание в традиции и практике рефлексирования. Само это суждение, как всякая попытка сделать "рефлексию" понимаемым и в пределе понятым предметом обговаривания и мысли, вводит нас в сферу рефлексии. С этого момента мы "рефлексию" понимаем и "рефлексию" рефлекслируем в соответствии с принципиальной традицией понимания и рефлексии; мы подчиняемся установившейся практике рефлексирования, ускоренной в формах языка и риторики. Вопрос о том, может ли практикуемая рефлексия выйти за рамки предзаданных форм рефлексирования, есть вопрос о социокультурных границах, очерченных тем или иным типом (архетипом) МД³ и вместе с тем вопрос о рефлексивной мощности этого типа МД. Используемая выше грамматическая и риторическая фигура свидетельствует о способе нашего рефлексивно-самоопределения. Понятие о МД для данного контекста является предельным. Вводимые системно-типологические характеристики МД могут определяться с точки зрения их реальной задействованности; другими словами, они отображают практику осуществляемой МД и вне этой практики лишены элементарного смыслового и содержательного контекста. Неявно МД понимается исторически, и именно история служит рефлексивным пространством, допускающим объективацию представлений о МД. Наличие такого пространства позволяет нам говорить о МД и предельным считать понятие о МД, а не понятие МД, которое в этом случае удерживается в снятом виде и составляет базовое содержание понятия, принятого предельным. Настоящий опыт анализа рефлексии осуществляется, таким образом, в установленных горизонтах МД-подхода и МД-формации методологического мышления.*

<смех участников семинара>

ВВ: Кто понял что-нибудь? Зоя, Вы видели реакцию? Никто ничего не понял.

ХЗФ: Я ожидала этого.

ВВ: Но тогда - все заново, - так получается?

ХЗФ: Я могу заново прочитать, а могу некоторые моменты комментировать со своим пониманием.

ВВ: Слушатели воспроизвести не могут и требуют комментария, - так?

ДЮО: Если будешь читать, то читай «как себе», с расстановкой.

ВВ: Она себе сейчас и прочитала.

ДЮО: Я не уверена, что она так читала, когда в первый раз статью увидела.

ВВ: Человек вышел, назвал статью по «шапке» и посчитал нужным для начала что-то произнести.

Аудитория ничего не поняла, если судить по ее реакции и тусклым взглядам. А еще реплика докладчицы - я не смогла понять... Спрашивается - зачем Вы все это читали, зная, что Вас все равно не поймут? Что за издевательство над народом?

ХЗФ: Я рассказываю о статье про рефлексию.

ВВ: Так.

ХЗФ: Я, прочитав статью, могла бы просто сказать - для себя я сделала выводы. И в моем представлении рефлексия, после прочтения этой статьи - вот это, это и это. Мое! Моя цель сейчас - рассказать, как Щедровицкий все это описал, потому что он - грамотнее. И поэтому я его тезисы выношу сейчас для вас. Поскольку я прочитала его первую позицию по рассуждению об идее рефлексии, я могу своими словами ее прочитать!

ВВ: Пожалуйста. Своими словами. Никто не против. Я, например, ничего не понял из цитаты. Я знаю, где находится этот текст - вот тут, на странице 48. Но я ничего не понял. А тут еще и те, кто впервые слышит слово «мыследеятельность» ...

ХЗФ: Я понимаю...

ВВ: ...потом, представление об истории понятия с точки зрения деятельностного подхода, причем как-то мимоходом ввели, - что к чему? Получается, что просто так - прочитать - работа не получается, коммуникации нет.

ХЗФ: Я это прекрасно понимаю. Сейчас я могу говорить, а некоторые слова пояснять, то есть работать как словарь - пояснять, что слово значит.

ВВ: То есть, сейчас Вы начнете все заново, и слушатели будут фиксировать непонятности в виде слов, поскольку смысл они уловить не могут. Но ожидание ими было именно смыслов, а не слов. Теперь, насколько я понимаю, Вы задаете такой ход - раз вы смысла не уловили, то сейчас будем слова читать. Попробуем.

ХЗФ: (цитирует)

Цитата 2: *Рефлексия находит свое безусловное основание в традиции и практике рефлексирования.*

<пауза>

ВВ: (к аудитории) Понятно? Что сделала Зоя? Замените слово «рефлексия» любым другим - и...

³ МД - мыследеятельность

ДЮО: ... получим то же самое: *Архитектура находит свое безусловное основание в практике.*

ВВ: Да, и этот тезис очень важен, поскольку, как это - если вы хотите освоить эту сферу, то вы должны этим заниматься. История любой деятельности так и понимается. Если вы этим не занимаетесь, то вы не можете этого продемонстрировать, и - тем самым - говорить об этом. И, тогда тот, кто начинает говорить о рефлексии, обязан ею заниматься. Да? Если вы не занимаетесь медициной, то нечего обсуждать темы, связанные с этой сферой. Это - бессмысленно. Вы не знаете вопроса, это как минимум. Если вы не занимались проектированием (в широком смысле этого слова), то вы не сможете его обсуждать. Если вы не занимались клубами, то, например, их нельзя обсуждать. Те же кто начинает, например, оценивать «клуб» - ваши проекты, то оказывается, что они оценивают совершенно другое, как оказывается, а не вашу работу по этим траекториям, по этим осмысленностям. Для меня этот тезис очень важен. Давайте дальше продолжим.

ХЗФ: (цитирует)

Цитата 3: Всякая попытка сделать "рефлексию" понимаемым и в пределе понятным предметом обговаривания и мысли, вводит нас в сферу рефлексии. С этого момента мы "рефлексию" понимаем и "рефлексию" рефлектируем в соответствии с принципиальной традицией понимания и рефлексии; мы подчиняемся установившейся практике рефлектирования

Здесь мы находимся на позиции рефлексируемого.

ВВ: Не знаю, не знаю... Сколько раз мы сталкиваемся с ситуацией, когда декларируют одно, а делают вовсе другое.

ДЮО: Можно заявить об этой позиции и не рефлектировать.

ВВ: Да.

ДЮО: И не понимать.

ВВ: Да, заявить, что мы сейчас будем говорить о рефлексии, а о чем на самом деле будем говорить, это еще надо посмотреть. Да, мы сейчас произносим определенные термины. Но вы заметили, что Зоя принципиально не ввела, не очертила границы этого явления, а просто сказала, что оно есть - и все.

ДЮО: Как идея.

ХЗФ: Границы будут очерчены в конце доклада.

ВВ: Тогда мы будем заниматься непонятно чем. Если мы в конце придем к тому, с чего надо начинать, как мы продолжим разговор сегодня? Может, мы и придем к пониманию границы как таковой в рефлексии...

ХЗФ: Да, на сегодня, к той, которую ввел Петр Г. Щедровицкий. Я буду показывать разные позиции, как он двигался. В итоге - позиция, на которой он сейчас видит проблему рефлексии.

ВВ: (к аудитории) Теперь поняли, что будет делать Зоя Федоровна? Посмотрите, она этот момент выпустила из своего начала доклада, - докладчица встала и сказала, что она прочитала статью и будет про нее говорить. Но что делать при этом будет - не сказала. Поскольку вам не были заданы как бы ключи к пониманию того, что будет говориться, то первое же цитирование провалилось в тартарары... сквозь ваше сознание. Цитата прошла, не задев ничего. Я, конечно, возмутился. Поскольку базовой процедуры не было оговорено, не было заявлено. А, оказывается, Зоя Федоровна будет показывать, каким образом автор статьи задает рефлексии и их понимания и к чему он придет после обсуждения их. Первое, что стало понятно, что пониманий рефлексии - много, к явлению относятся неоднозначно. Понятно, что будет делать Зоя? Попробуем теперь дальше. Абзац на этом заканчивается?

ХЗФ: Нет. После такой расшифровки продолжение тезиса будет понятнее (цитирует)

Цитата 4: ...мы "рефлексию" понимаем и "рефлексию" рефлектируем в соответствии с принципиальной традицией понимания и рефлексии; мы подчиняемся установившейся практике рефлектирования, ускоренной в формах языка и риторики.

ДЮО: У нас есть правила и способы - так получается? Или - что? Практика - это как?

ХЗФ: Язык выступает как ограничение того, о чем говорят, в данном случае, о рефлексии.

ДЮО: Да?

ХЗФ: (цитирует)

Цитата 5: Мы задаем вопрос о ... социокультурных границах, очерченных тем или иным типом (архетипом) МыслеДеятельности и вместе с тем вопрос о рефлексивной мощности этого типа МыслеДеятельности.

ВВ: О чем вопрос?

ХЗФ: О социокультурных границах этого типа МыслеДеятельности.

ВВ: Какого типа?

ДЮО: Социокультурного.

<пауза>

ХЗФ: Автор рассматривает рефлексю в границах МД.

ВВ: Секундочку. Кто-нибудь понял что-либо? Кто помнит название статьи, по которой идет рассуждение?

<пауза, в зале девять человек>

ВВ: Все, потерялись!

ДЮО: По теории рефлексии... или чего-то там.

ВВ: (к Зое) Пожалуйста, повторите, а то люди потерялись.

ХЗФ: Проблема рефлексии в теории деятельности и СМД⁴ методологии... Статья 1991 года.

ВВ: Кто как понял этот следующий ход докладчицы? Женя, Вы можете повторить? Нет? Двигаться придется очень медленно. Иначе вся эта работа - бессмысленна. И я реагирую на ваши выражения лиц - вы можете повторить то, что сказала Зоя? Теперь, после всех наших обсуждений. Поскольку столкнулись со очень новой информацией, статья очень серьезная, если не гибельная,..

ДЮО: Сплошная инновация!

ВВ: ...для людей, которые пытаются прикоснуться к этому миру. На мой взгляд, траектория, по которой движется Петр Георгиевич, совершенно четкая, - и он здесь (это один из аспектов, на который необходимо обратить внимание), - демонстрирует некоторые способы работы. Это является, например, одной из граней или, если хотите, позиций прочтения данной статьи, которые можно обсуждать и использовать в будущем. Поэтому для меня важен каждый ваш шаг. И в плане того, что Вы, Зоя, сейчас делаете, с чем я могу соглашаться или не соглашаться, я могу только спрашивать на уточнение и на понимание. Но сейчас перед Вами аудитория, скажем так - неподготовленная к восприятию таких текстов в «чистом» виде, поэтому останавливаться, видимо, придется достаточно часто. Поэтому я возвращаюсь и спрашиваю «Женя, Вы сможете повторить то, что мы здесь обсудили, и как Вы поняли это обсуждение?»

АЕВ: Я попробую. Следуя из названия статьи (Зоя еще раз читает) несколько типов мыследеятельности, и автор конкретно выбирает в их рамках то, как идет процесс рефлексии. Это - как я понимаю.

ВВ: Спасибо, Женя. Зоя, вопрос к Вам - Женя правильно поняла то, что Вы рассказали, как на Ваш взгляд?

ХЗФ: На мой взгляд, нечто подобное делается. Говорится о типе мыследеятельностной рамки и как рефлексия относится к ней.

ДЮО: Она к ней не относится. У меня вопрос: рефлексия может существовать вне такой рамки?

ВВ: Хороший вопрос. С точки зрения представлений, которые Зоя Федоровна разворачивает, задается предельная граница, в рамках которых она будет обсуждать вопрос. Вслед за Вашей репликой, Юля, у меня возникла своя - границы осмысления рефлексии возможно были другими в своей основе. И тогда становится понятным, почему автор проводит эту работу в статье - по выявлению границ обсуждения рефлексии. И тогда не плохо было бы аудитории в лице нас знать, какие другие способы задания границ были описаны им. Или: мы говорим так - если про этот вопрос ничего в статье не говорится, то мы этот вопрос оставляем в стороне, имея его постоянно в виду, «подвешиваем» перед собой, фиксируя, что этот вопрос пока остался без ответа.

ХЗФ: Если я правильно поняла, аудитория требует описания истории разворачивания этой проблемы - «рефлексии», как и кто как бы видел ее.

ВВ: Другими словами, аудитория требует содержательной наполненности Ваших заявлений. Поскольку эти ожидания «включены», и Вами, поскольку слушатели не владеют вопросом, а готовились Вы. А им уже интересно - что там может быть. При этом пока в Вашем докладе о рефлексии не было произнесено ни слова. Пока речь шла только о границах (практика и прочее). А что там на самом деле про рефлексию сказано? - на этот вопрос ничего не доложено.

ХЗФ: Я могу сейчас выделить несколько основных способов и направлений понимания и трактовки рефлексии, которые существовали «до» ... Перехожу на шестой пункт. Таких трактовок у меня будет четыре.

Первый способ: *рефлексия рассматривается как естественный механизм мыследеятельности. Таким образом, рефлексия «захватывает» различные организovanности мыследеятельности и приводит ее в движение. Важным здесь является понятие «механизма», противопоставляющегося понятию «процесс» или «преобразование» некоторых организovanностей. В это понятие неявно входит признак «скрытости» и механизм необходимо*

⁴ СистемоМыслеДеятельность.

выявить. Его просто так не видно. И в такой трактовке рефлексия не обладает содержательностью, а выступает как формальное условие разнообразных содержательных преобразований. То есть, в пределе - это логический механизм. Вот такое представление.

ВВ: Когда мы выходим на представление о «процессе», то со стороны аудитории неплохо было бы попросить показать этот «процесс», и где по отношению к нему рефлексия фигурирует как механизм. И тогда - как и в этом случае - базовую схему деятельности надо держать перед аудиторией и перед собой. В рефлексии здесь нет содержания, это содержание несет на себе процесс, если отнестись к тезису,...

ХЗФ: Я ждала этого вопроса, потому что, когда я готовилась и думала, как я могу рассказать, что такое деятельность, из статьи Георгия Петровича⁵, который показывает, из чего состоит деятельность. Я могу ее сейчас показать (*пишет и цитирует из статьи ГП стр. 109*).

Цитата 6: *Принцип кооперации. Связи и отношения являются существенными и конституирующими для деятельности, структуры кооперации специфическим образом характеризует деятельность и вместе с тем задают способ членения деятельности на составляющие. Деятельность поэтому всегда есть особая связь многих «кооперантов»; что именно выступает в роли кооперантов - это особая проблема, требующая особого обсуждения.* В общем, деятельность состоит из нескольких кооперантов.

ДЮО: Или из системы?

ХЗФ: Связей кооперантов.

ДЮО: Тогда - структура.

ВВ: Все?

ХЗФ: Нет, сейчас - второй пункт. Второе (*цитирует*)

Цитата 7: *... это процесс и механизм воспроизводства деятельности. Деятельность - это то, что непрерывно воспроизводится в своей кинетике, в своих функциональных и своих материально-организационных структурах. Этот принцип теснейшим образом связан с идеей множественности существования каждого образования в деятельности, ибо сам механизм воспроизводства и трансляции предполагает в качестве своего условия ... двойственность, а в общем случае, множественность существования всего того, что должно быть воспроизведено. Различие условий и механизмов функционирования и трансляции определяет различие форм и законов существования различных составляющих целого, а сам механизм воспроизводства деятельности определяет условия и необходимость объединения этих разных форм в целостности.*

<пауза>

ХЗФ: Поговорим?

ВВ: А еще что-нибудь есть?

ХЗФ: Есть, еще семь. Третий момент (*цитирует*)

Цитата 8: *... касается оппозиции «норм» и их «реализации». Целостной единицей деятельности является только то, что имеет свою норму, или образец, движущийся в трансляции, и социальную реализацию этой нормы или образца. Поэтому мы можем говорить, что отправление актов деятельности состоит (в определенном смысле) в реализации норм.*

<пауза>

Четвертый пункт:

Цитата 9: *... функционирование и развитие поляризуются как целостности разного масштаба и, следовательно, разного уровня, но потом они противопоставляются друг другу как два разных процесса деятельности, соединяющиеся друг с другом и создающие соответствующие им специфические организованности на материале деятельности.*

ДЮО: Что это все дает?

ХЗФ: (*повторяет часть цитаты*).

ВВ: Зоя Федоровна, Вы поняли вопрос - что сделала Юля? Что она продемонстрировала своим вопросом?

<пауза>

ВВ: Зачем все это нам говорить?

ХЗФ: Меня попросили. Попросили рассказать, что такое деятельность. Вот я и даю сейчас пункты, после прочтения которых должно быть понятно, что такое деятельность.

ВВ: Да? (к ДЮО) Вот видите, как оказывается. А вы (ко всем), когда она все пункты напишет, задайте себе вопрос, - поняли, что такое деятельность, или - нет? Продолжайте, пожалуйста.

⁵ Щедровицкий Г.П. Рефлексия в деятельности: доклад на семинарах 5 и 12 января 1972 года. - Вопросы методологии, 1994, № 3-4, стр. 76-121.

ХЗФ: (цитирует)

Цитата 10: пятый момент - оппозиция процессов и механизмов в деятельности, которая, подобно оппозиции функционирования и развития, появляется сначала как разномасштабность разных типов структурной организации деятельности, а потом, оформляясь, низводится до оппозиции разных структур, непосредственно сочленяющихся друг с другом: процессы получают самостоятельное существование за счет размножения обеспечивающих их механизмов и за счет фиксации самих процессов в специальных знаниях.

ВВ: Так, знания «пришли».

ДЮО: А можно еще раз?

ХЗФ: (цитирует еще раз)

ВВ: Вы о чем говорили между собой? И о чем говорили в самом начале? О разделении механизмов и процессов? Процессы в деятельности и деятельность как процесс обладают особым механизмом под названием «рефлексия» - я так понимаю все, что сказала Зоя Федоровна? Для того, чтобы очертить процессы в деятельности, докладчица начала рассказывать про деятельность, ее структуру, цитируя статью по докладу Щедровицкого Георгия Петровича 1972 года. И, вместо того, чтобы завершить этот разговор противопоставлением процессов и механизмов, Зоя ввела целый блок «про». Интересно, что будет дальше.

ХЗФ: (цитирует скороговоркой)

Цитата 11: шестой важный принцип - это объединение естественного и искусственного в деятельности, деятельность - это всегда кентавр-система, то есть система, функционирующая и развивающаяся благодаря одновременному действию и соединению естественных и искусственных механизмов.

ДЮО: А при чем тут это все?

ХЗФ: Еще седьмой пункт есть (цитирует)

Цитата 12: особое употребление понятия системы в отношении к деятельности.

Тут уже дается понятие системы, и я могу его ввести.

ВВ: Вот-вот, Вы можете все, что посчитаете необходимым.

ДЮО: Зоя!

ХЗФ: Меня попросили объяснить, что такое деятельность. Я нашла ее составляющие.

ДЮО: Я хочу спросить аудиторию: возможно, что мы второй раз все прочтем?

ВВ: А зачем?

ДЮО: Я не слышала ничего.

ВВ: Все - на доске.

ДЮО: Седьмого нет.

ХЗФ: (продолжает цитату 12⁶)

...понятие системы задавалось через фиксацию отношений противопоставления или оппозиций одних элементов другим. ... Заданное таким образом понятие системы в принципе не допускало какого-либо изменения или развития... Описание всякого объекта как системы требует и предполагает описание по четырем уровням: 1) процессов, 2) функциональных структур, фиксирующих сцепление и связь этих процессов, 3) материальных организованностей и 4) морфологии.

ДЮО: Это система, которая имеет развитие?

ХЗФ: Да.

ВВ: Все, что Вы говорите, относится к понятию деятельности?

ХЗФ: Да. Эти пункты, содержание которых дают представление о деятельности.

ДЮО: Смело.

ВВ: Кто-нибудь что-нибудь понял? Здесь действительно надо делать паузу.

ДЮО: Я скажу, что я поняла. По последнему пункту. Традиционное понимание системы не предполагает развития. А деятельность не допускает такой трактовки - что-то не может развиваться. И понятие системы переосмыслили в такой связи. И ввели четыре уровня структуры.

ВВ: Вопрос: зачем Зоя Федоровна стала об этом говорить? Почему мы получили 7-11 пунктов с заглавием и куда теперь все девать?

ДЮО: У меня есть предположение, что ему необходимо развитие, и он ищет...

ВВ: Нет-нет, такие предпосылки можно и бродячему псу приписать.

ХЗФ: Автор считает, что рефлексия существует в деятельности.

ВВ: Но мы не знаем, что такое рефлексия. Судя по тому, что Вы сейчас сказали, автор еще не знает.

ХЗФ: Но автор делает предположение...

⁶ Оригинальный текст приводится не полностью.

ВВ: Какое?

ХЗФ: ...что рефлексия начинается и отталкивается именно от деятельности. И Георгий Петрович начинает обсуждать вот эти пункты.

ВВ: Грубо говоря, до Георгия Петровича об этом тоже говорили. И идея, что вне деятельности рефлексия существовать не может, - эта идея когда сформировалась? Такая посылка Вам понятна? И эти пункты - не есть предположение по рефлексии, но там зафиксирована четкая позиция по некоторым вопросам. А предположение - в чем? И по теме? (*обращается ко всем*) Вы эту линию уловили из доклада?

ТЕВ: Нет.

ВВ: Тогда надо восстанавливать. Предположение в том, что рефлексия есть естественный механизм мыследеятельности...

<смена кассеты>

... этот тезис не раскрывается тем содержанием, который мы здесь получили. А про пункты из статьи Георгия Петровича - тут можно сказать вот что: раз рефлексия тесно связана с деятельностью, то надо и разобраться было, с чем рефлексия как механизм будет иметь дело. И задает не структуру, а контуры, или фокусы рассмотрения - деятельности. Можно дать другое описание деятельности, я имею в виду ту схему, о которой мы в наших разговорах упоминали. Если вы ее вспомните, и сравните с пунктами с доски, то видно, насколько они не похожи - эти описания «деятельности» между собой. И еще надо помнить, что категорию «деятельность» нельзя оформить понятием, как категория - деятельность задается через соотношение с другими категориями. И в этом смысле она придумывается. И все что Георгий Петрович обсуждал - а это 1972 год - есть рабочие моменты внутри определенных движений. А Петр Георгиевич упоминает еще и 1971, и 75, и 79 - все эти упоминания он приводит в своей статье. Но элементы этой цепи рассуждений докладчица приводить не стала. А еще обсуждались другие трактовки рефлексии, их история. И теперь, возвращаясь к тезису, что рефлексия не обладает своим содержанием, или - является механизмом, то я ожидаю от выступающей определенного разъяснения по поводу возникновения таких трактовок. Это моя установка.

ХЗФ: Я не понимаю, что, следующий пункт зачитывать?

ВВ: Что с тезисами делать будете? Посмотрели на структуру деятельности - и что теперь?

ХЗФ: Это одно из представлений о рефлексии.

ВВ: Это? понятно.

ХЗФ: Теперь я могу другое представление о рефлексии показать.

ВВ: А как можно употребить то или иное представление о рефлексии? Есть одно, другое - и что?

ХЗФ: Это уже следующий ход - для этого представление необходимо вытащить.

ВВ: Конечно. И его надо применить. К чему? К чему-то. К процессам или процессу.

ХЗФ: Я так не читала статью.

ВВ: Зафиксируем это. Здесь - важный момент. Был заявлен тезис и теперь таким образом трактуется рефлексия (а до сих пор непонятно, что это такое), то теперь я буду употреблять такое представление к процессам, которые осуществляются мной или другими.

ДЮО: А одно ли представление?

ВВ: А в статье об этом сказано?

ХЗФ: Я так не смотрела статью.

ВВ: Фиксируем ответ. Он означает, что Вы не стали эту работу делать. И когда Вы вновь вернетесь к статье, и прочитаете с учетом нашего обсуждения, тогда - может быть - вы (ко всем) увидите, что в статье все не так, как говорит Зоя. Но теперь у вас есть что-то такое, на что нужно смотреть в этой статье.

ХЗФ: Если вы встанете на такую позицию.

ВВ: Мы рассуждаем. Вы выкидываете нам все эти тексты, с ними работать крайне тяжело, если - я тут многоточие ставлю - если чего-то не понимаете.

ДЮО: Если не знать, чего хотеть.

ВВ: Да. С одной стороны содержание статьи притягивает, - я не хочу читать о собаках-попугаях, про них мне неинтересно. И когда я беру статью, и читаю, или Вы читаете, то продемонстрируйте - почему Вы так прочитали. Вопрос к аудитории - вы видите эту позицию докладчицы в ее докладе? Каким образом она читает эту статью? Зоя, продолжайте.

ХЗФ: Следующая трактовка понимания рефлексии - рефлексия как характеристика некоторых продуктов мыслительной работы, - понимания или действия. Рефлексивные знания

противопоставляются непосредственным. Например: *я думал, что он думал, что он ехал*. В отличие от непосредственного здесь: *он ехал*. То есть, если я нахожусь на позиции рефлексивного знания, - то получается размышление о своем действии.

ПСБ <тяжело вздыхает>

ХЗФ: Я проговорю еще раз.

ВВ: А толк в этом какой? Что сделала Зоя Федоровна?

ДЮО: Задала рамку.

ВВ: Одна версия. Какие еще?

ТАВ: Показала, как надо думать.

ВВ: Меня удивляет другое - что вы все время не держите нашу основную посылку, которая характеризует то, из-за чего мы все сегодня собрались.

ДЮО: Это - как пример...

ВВ: О какой концепции рефлексии пошла речь? Мы уже все сменили и ушли в другой мир. Миля, Вы можете повторить, какую концепцию рефлексии сейчас применила Зоя Федоровна?

СЭС: Нет.

ВВ: А Юля? Нет? Марина? Нет. Женя? Зоя, смотрите, народ не понимает. Женя, Вы можете спросить у Зои - я правильно поняла, что рефлексия - это продукт рассуждений или еще что?

ХЗФ: Но здесь происходит деление знаний - на рефлексивное и непосредственное.

ВВ: Вы хотите сказать, что в этом случае трактовки рефлексии основанием различий введено «знание»? Перед этим у нас был «механизм» с выходом на деятельность, а теперь - «знание».

Вывод интересный - знание - оно разное, - рефлексивное, непосредственное и так далее. Знаний - много. И все они разные. Их более десятка. Мы никогда не говорили о знании как о каком-то мире, и эти миры - разные.

ДЮО: Может нам писать по пунктам, а то вот основание сменили, а пока она читает абзац, не успеваешь уловить смену.

ВВ: Конечно, можно сказать, что такая фиксация при определенной работе - забота не докладчицы, а слушателя. Слушатель, собеседник, оппозиционер спрашивает себя - а что делает докладчик? Если вы так не будете слушать, вы вынуждены существовать в текстах, которые вам предъявляют. А это означает, что вы будете знать текст, но понимания уже не будет. И слушать так, как вы привыкли, - как интеллектуальный треп вне вас - не надо, нельзя. Нужно держать свою позицию-интерес, самоопределившись по отношению к происходящему. Но для этого необходимо избавляться от того, что вам привилось практикой лекционных занятий в институте, школе. Для меня лекция как способ передачи знаний и формирования понимания бессмыслен, и это для меня очевидно. Этот способ не работает. С ним нужно бороться. Один из методов борьбы - не ходить на лекции. Что вы и делаете довольно часто.

ДЮО: Я поняла. Но я с трудом перехожу к той системе.

ВВ: Надо учиться, практиковать, тренироваться.

ДЮО: Тогда - помедленнее.

ВВ: Да, с остановками.

ДЮО: Я хочу, чтобы Зоя говорила медленнее.

ВВ: Зоя, появились желающие не выпадать из гнезда. Статья еще, наверное, трудная.

ХЗФ: Я продолжаю про рефлексивное знание (*цитирует*)

***Цитата 13:** В такой трактовке остаются не достаточно выявленными основания, по которым предполагается, что это - особое рефлексивное содержание; неясно также, что именно в этом содержании является рефлексивным и составляет рефлексю.*

ДЮО: Непонятно же.

ВВ: Здесь, возможно, надо быть внимательным из-за того, что довольно часто нам приходится иметь дело не с тем, что мы имеем объектом своего внимания, а с заместителем, с подменой. Посмотрите в третьей ТемаТеке статью «Цена», где мной рассматривается классический ход с подменой при применении факторного анализа. Подобные подмены явления на заместителя в сознании делаются постоянно, зачастую неосознанно и в этом смысле, подмены - опасны из-за своей «незаметности». Здесь уже нечто подобное произошло - рефлексия связана с рефлексивным знанием и вы начинаете уже обсуждать знание, «отодвинув» рефлексю в сторону. Подмена понятна? Вне семинара вы приходите что-то там проектировать, - город. Показывают картинку, и называют ее «городом». Сам город на третьем курсе, как вы уже понимаете, никто не проектирует, но все делают серьезный вид и играют с «картинками» под названием «город малый». И к городу все, что вы делаете, уже не имеет никакого отношения. Точно также - на пятом курсе. Поэтому мне важно, чтобы вы видели, что вы делаете и какой «объект» вы «обрабатываете»... Если вы не видите и не понимаете «для себя», что тогда вы будете преподносить другим? И тогда необходимо

тему проговаривать, с ходу содержательная сторона этой процедуры не дается. Иначе для самих себя вы будете заниматься непонятно чем. А людям нести чушь. И будете воспроизводить правила этого мира под названием «насилие бессмысленности».

ХЗФ: Перехожу к третьей трактовке рефлексии (*цитирует*)

Цитата 14: Рефлексия может рассматриваться как предмет описания и анализа в рамках теоретического (уже - научно-теоретического) подхода. Чтобы рассматривать рефлексию как действительность и объект научного знания, необходимо определить рамки предметности и развернуть все необходимые составляющие этого типа предметной организации. Одной из первых характеристик такого рода работы служит появление моделей, модельных изображений и схем идеальных объектов; ясно также, что модели рефлексии, развертываемые в рамках теории деятельности, теории мышления, теории групповых взаимодействий или теории конфликта, будут существенно отличаться друг от друга. Вместе с тем будут отличаться и проблемы данного предмета, и "банки" феноменальных, эмпирических и экспериментальных данных.

Я сейчас сказала и тезис, и проблему, которая из него «вытекает».

ВВ: Юля, Вы согласны с этой репликой? Вы сможете отнестись к этому тексту и прокомментировать реплику?

ХЗФ: Я поняла (*читает заново*)

ВВ: И при чем тут «проблема»? На мой взгляд, вы «проскочили» далее по тексту и стали в нем жить далее, совершенно забыв про объект нашего разговора. И тем запутали аудиторию окончательно.

ХЗФ: Я как бы нахожусь в теории деятельности...

ВВ: Нет-нет, Зоя. Что такое теория деятельности, я не знаю, они не знают. Но вам начитывали предмет «социология». Вот, с точки зрения предмета социологии Вы могли бы быстренько набросать, построить модель, и продемонстрировать, что такое рефлексия.

ДЮО: Я покажу. Общество как предмет социологии...

ВВ: Так, понятно, все согласны с этим тезисом? Да, есть такое определение социологии как дисциплины, изучающей общество. А в философии общество не изучают?

ДЮО: Я и говорю - в социологии своя модель общества, в философии - своя. И эти модели друг к другу отношения не имеют. И если я отрефлектирую эти модели, то и получится, что все эти модели не будут относиться к предмету рефлексии как к таковому.

ВВ: Вопрос стоит - где рефлексия в этих процедурах? Она появляется в том момент, когда мы начинаем все эти различия фиксировать, да? - вот что для меня вы сказали. Я Вас правильно понял?

ДЮО: Рамки определяются предметом, он всегда разный...

ХЗФ: В описании Юлии я ничего не поняла про рефлексию. Что она имела в виду? Я себе представляю совсем другое.

ВВ: Что именно?

ХЗФ: У меня есть представление о деятельности, есть теория деятельности - и внутри этой теории рефлексия выступает предметом в виде модели.

ВВ: Хорошо, и - если я Вас правильно понимал - существует теория общества и разные представления об этом обществе в виде моделей. И в момент рассмотрения этих моделей возникает рефлексия. Ее можно зафиксировать тоже в виде модели.

АНИКА: Это Вы сейчас сказали свою точку зрения?

ВВ: Нет, мы обсуждаем статью. Делаем паузу для тех, кто пришел позже.

<пауза, потом продолжение по третьему тезису>

У нас прорыва нет по представлению о научной дисциплине. Что такое научная дисциплина? Чем отличается социология от ботаники? По предмету рассмотрения - так нам дается в словарях. Предмет изучается на определенных объектах. Эти объекты суть теоретические конструкты - все. Поэтому, когда вам говорят, что социология изучает общество, то имеется в виду не общество за окошком, а модель общества, принятая в социологии. Но есть и другие формулировки того же предмета социологии, и то, что она изучает, делает эту область социологией. А она изучает механизм включения любого социального явления в отношения между социальными группами, совокупность которых она рассматривает как общество. И в этом смысле нет никакого общества как скопления людей. Если внимательно отнестись к такому определению социологии, то получается, что в России нет и не было никогда такой дисциплины как «социология жилища». Но термин употребляется. А сам предмет этой дисциплины еще никто специально не оформил. Кто-то из вас это сделает и станет известным ученым. Но, когда я начинаю осмысливать, каким образом я

построил в данном предмете модель, в этот момент появляется рефлексия. Вот так Вы, Зоя мне сказали.

<смена кассеты>

ВВ: У меня вопрос к аудитории - как вы считаете, отступает ли Зоя в своем докладе от заявленных целей?

ДЮО: Нет.

ВВ: Но при этом наталкиваемся на очень непонятные смыслы и приходится все время как бы «отступать» в сторону. Что Вы хотели сказать?

ДЮО: Сначала я делала акцент, свое внимание сосредоточила на предмете - рефлексия как предмет, и предмет уже связывала с моделью в теории. А теперь я понимаю, что рефлексия это процесс, в результате которого появляется модель.

ВВ: Исследователь описывает по норме, по правилам, принятым в его деятельности, предмет рассмотрения, или исследования «внутри» явления, области рассмотрения. В предмете я отвечаю на вопрос «что я рассматриваю» в явлении. Вы «как архитекторы» проектируете город и отвечаете на вопросы «что такое - архитектор» и «что такое - город», то многие вопросы и проблемы, с которыми вы сейчас сталкиваетесь, становятся псевдопроблемами для позиции, очерчиваемой при ответах на эти вопросы. То есть, то, что вы сейчас «проектируете» в виде «города» является искусственным и придуманным, заслонкой к данным явлениям. Ни проектирования, ни города - они исчезают. Мне важно это понимать. С точки зрения ваших представлений (или тех представлений, которые вам навязывают во время курсового проектирования при обучении в университете) ни один из вас от второго до пятого курсов на эти вопросы не отвечает. Не мне, не на экзамене, а себе. С одной стороны, вас об этом не спрашивают - а что же вы такое делаете? и как кто? Не принято в практике данного университета на сегодня. Чему тогда учат? Или еще жестче - вы чему учитесь? Поэтому ответ на вопрос «что вы делаете?» в рамках представления об объекте в идеале - в виде модели, важен потому, что тогда с вами можно коммуникацию строить и обсуждать тему. А вы все время работаете по одной схеме - «вам что надо?», - и под козырек, как ефрейторы. Хотите быть и дальше «ефрейторами», то и будете, поскольку другого продемонстрировать не можете. И чем дальше, тем хуже - в человеческом, гуманитарном плане. Если не хотите - надо что-то другое делать. А я все время ненавязчиво спрашиваю - а что вы делаете?

ДЮО: Да, уже полтора года.

ВВ: А вы поскольку нормальные, отвечаете - чего пристал? не знаем, не надо нам этого всего. Но тогда я не могу с вами в коммуникацию войти, контакт организовать, поскольку это обоюдный процесс, не односторонний. Работать и учиться ради оценки я не хочу. Все, что вы делаете сейчас, я могу ставить не «пять» а «шесть» - и в этом смысле оценка к делу не относится вовсе. И оцениваются здесь вовсе не ваши достижения, которых на мой взгляд, просто не может быть, поскольку процессы «от достигнутого» не запущены. После того, как вы ответите на вопрос «что вы имеете в виду?» следующий вопрос - «как вы это ЧТО сделали?» и тем самым запускается процедура осмысления механизма формирования вашего представления. Мне важно, чтобы произошло формирование самих себя со стороны ваших представлений. А рефлексия тогда выступает в этом процессе как один из способов получения достижений в этой сфере. И от вас я требую работы в этом направлении, которое к миру «говорящих растений» не имеет никакого отношения. И буду требовать. Сейчас я акцентирую ваше внимание на такой стороне - когда идет диалог между исследователями, например, в рамках естественно-научной картины мира, то через что может произойти проблематизация со стороны одного исследователя представлений другого? Например, по процедуре формирования предмета - оппонент таким образом формирует предмет своего рассмотрения в объекте (то есть, идеальном представлении явления) что этот предмет явно не стыкуется по характеристикам с самим объектом. Для наших рассуждений важно заострить внимание на такой процедуре, поскольку в данном примере один из исследователей демонстрирует рефлексия в том понимании, в каком мы сейчас ее обсуждаем по понятию. Как инструмент.

ДЮО: Тот, второй?

ВВ: Да, тот второй.

ДЮО: Когда анализировал?

ВВ: Анализ соответствия, или связи, как сказала Зоя, связи между объектами в научной деятельности.

ДЮО: То есть, рефлексия - не сам анализ, а рефлексия – это продукт анализа?

ВВ: Можно так – все как продукт. Но сейчас важно как бы догадаться, в какой момент рефлексия появляется. Обратите внимание, первые три тезиса показывают, где (область) рефлексия появляется...

ДЮО: Типа координат.

ВВ: Но есть базовое допущение, которое мы не будем проблематизировать – это то, что рефлексия относится к сфере мышления. Но что это такое, через что ее можно увидеть – мы находимся здесь и так относимся к содержанию доклада. И автор статьи вбрасывает определенное отношение, анализ содержания тезиса, когда говорит о трактовках рефлексии – про механизм (который неуловим), про продукт (сталкиваемся с подменой), про научный предмет и модельное описание явлений (сравнение с аналитикой). Дальше что?

ХЗФ: Дальше – четвертое (*цитирует*)

***Цитата 15:** Рефлексия может рассматриваться как предмет логической, технической и технологической нормировки. Мы сегодня понимаем, что всякий описательный подход в гуманитарных науках содержит в неявной форме определенную техническую компоненту; модели "рефлексии", создаваемые для целей и задач научного описания и исследования, достаточно легко перерастают в организованные и технические схемы рефлексирования. В то же время развитие разнообразных технических подходов выдвигает ряд собственно технических инициатив освоения рефлексии, не связанных с научными и квазинаучными описаниями. Это направление артификации и оискусствления рефлексии за счет поиска, выращивания и конструирования новых форм рефлексирования должно быть признано наиболее перспективным. Рефлексия модальна, и модусы рефлексирования могут и должны быть выявлены.*

ВВ: Кто что понял?

ДЮО: Что-то в районе...

<смех>

... я не знаю, какие-то правила логики.

ПСБ: Как правильно слушать?

ДЮО: Думать надо.

ВВ: Для начала – надо слушать.

ДЮО: Зоя, повтори, пожалуйста.

ХЗФ: (*повторяет цитату 15*).

ВВ: Тут по каждому слову работать надо, - да? Что такое «артификация»? Этого слова нет ни в одном русском словаре, и – Зоя, обратите внимание – слушатели явно не знают его значения.

ДЮО: А в словаре иностранных слов?

ВВ: Там тоже нет. Зоя, Вы употребили ...

ХЗФ: Я могу рассказать, как я его сама поняла, потому что я не нашла объяснения в словарях, которые у меня есть. Артификация – это такое действие, когда, например, произошло явление, и для того, чтобы «схватить» это явление, я пытаюсь для себя как-то зафиксировать. Чтобы потом можно было это явление рассмотреть рефлексивно и увидеть то явление.

ДЮО: Подменить?

ВВ: Стройного представления не получилось. В общем, в тексте про это косвенно есть, его смысл можно реконструировать, но, к сожалению, это трудно сделать. Артификация – латинский термин, и в латинско-русском словаре оно означает все, что *сделано искусственно*. Поэтому «оискусствление» - это слово не просто так здесь появилось.

ХЗФ: Но тогда получается *масло масляное*.

ВВ: Разделим на две части, в одном случае говорится об искусственной природе рефлексии, а в другом – рефлексия осуществляется, запускается искусственным образом, специально организованной процедурой, при которой рефлексия демонстрируется. Возможно, что автор утверждает, что в естественных условиях рефлексии нет и не может быть. Поэтому при запуске разных искусственных процессов по формированию (разных!) рефлексий и, описывая полученные результаты как рефлексии, мы получаем несколько представлений о ней. И взаимосвязи между ними...

ДЮО: Нормируем!

ВВ: Не знаю. Наверное, нормируем сам процесс оискусствления. Поскольку он может иметь разный результат (по ситуации), то эти результаты (по ситуациям) описываем и сравниваем. Зоя, если бы Вы так и не расшифровали слово «артификация», то народ так бы и продолжал «жить в трамвае».

ХЗФ: (*повторяет цитату 15 еще раз*).

ВВ: Обратите внимание еще раз, что здесь нет ничего *естественного*.

ДЮО: Получается, что мы, помимо того, что искусственно выращиваем формы рефлексии, мы потом сами так же искусственно и отслеживаем...

ВВ: А кроме нас этого никто делать не будет.

ХЗФ: После нормирования мы же эти нормы и используем.

ВВ: Да, поскольку нормирование как культурный феномен здесь разворачивается. Нормы существуют в культуре и там осуществляются для воспроизводства. Поскольку важны процессы трансляции культурных образцов, например, для «непрерывности культуры». Нормирование необходимо для «отделения» культурных образцов от их носителей. Этот шаг позволяет рассматривать культурное явление как отдельный объект, существующий сам по себе и описываемый при помощи, например, норм.

ХЗФ: Я считаю, что при помощи норм его можно восстановить.

ВВ: Да, поддерживать его существование при помощи данного механизма. Человек, не задумывавшийся никогда над формированием образца, например, города на 300 тысяч жителей, про этот город говорит – «вот так».

ДЮО: И север должен быть только там.

ВВ: Да. Но если осуществить восстановление процедур формирования образца, то, как представляется, можно прикоснуться к рефлексии как таковой. И продемонстрировать ее при помощи, например, такого восстановления

ХЗФ: Получается, что это надо делать по нормам.

ДЮО: А самый первый?

ВВ: Он – от Бога, я думаю. Сейчас известно, что первый, начавший обсуждать рефлексию в Новое Время – это Джон Локк. Правда это или неправда, – сейчас вопрос не имеет смысла, но знание это фиксировано. Мне важно иметь представление об истории вопроса. И это представление корректировать в зависимости от проработки вопроса (мною или другими).

ДЮО: Но здесь тезис в том, что надо формы рефлексии «выращивать», а не пользоваться все время одними и теми же нормами.

ВВ: Сейчас достаточно овладеть теми, что есть, и демонстрировать их. Как бы пережить на себе и переживать каждый раз. Кто мешает? Получается, что «ловить» рефлексию надо начинать на себе.

ХЗФ: Я вам прочитала четыре способа проявления, понимания трактовки рефлексии. Сейчас я буду показывать, как Петр Георгиевич улавливал и что он уловил сам.

ДЮО: А эти четыре – чьи?

ХЗФ: Я рассказывала про те, которые есть как бы до П. Щедровицкого, уже существуют. А вы сейчас ищите, когда я собою с того, что сказала вначале?

ВВ: Нет. Но я как слушатель могу Вас попросить, для того, чтобы я не отвлекался и не терял хода Ваших рассуждений, – попросить восстановить всю структуру статьи, по которой Вы двигаетесь? Это я для того прошу, чтобы не мне собирать то, про что Вы говорите, а существовать в Ваших границах и не высовываться туда, о чем Вы вовсе и не собираетесь говорить. Вот такая просьба.

ХЗФ: Я попробую. Напоминаю, что я буду говорить, имея в виду саму статью, которую я прочитала, и ее разбила на определенные пункты. И автором – тоже. Эти пункты взаимосвязаны, – за первым идет следующий, из него – следующий. И эти пункты я в виде тезисов начинала рассказывать. Во время первого тезиса был момент непонимания, и меня попросили восстановить видение рефлексии. Я вам это сделала.

ВВ: Но на этом статья не исчерпывается?

ХЗФ: Нет,

ВВ: И тогда для нашего понимания нашего местонахождения в эти полтора часа я попросил Вас – где в статье то, о чем Вы говорите, находится и какую функцию выполняет? Мне кажется, ответы на такие вопросы дают возможность ориентироваться в том, что автор обсуждал и зачем он вообще об этом писал.

ХЗФ: Так я об этом и начала рассказывать. Петр Георгиевич показывает, какие позиции существуют и на какой позиции он находится сам..

ВВ: А как он это делает?

ХЗФ: Так я об этом и рассказываю. В одном из пунктов он показывает, как все же видят рефлексию т в какой момент происходит подмена рефлексии.

ДЮО: И ты говорила об этом как о минусе?

ХЗФ: Да. И в каждом примере я показывала, в чем ограниченность позиции.

ВВ: И дальше что будем делать?

ХЗФ: Я вернусь и буду рассказывать, как Петр Георгиевич вывел свое представление о рефлексии. Но мне нужно восстановить то, что было в начале...

ДЮО: Ты хочешь прочитать первый пункт?

ВВ: То, что хочет сделать Зоя Федоровна и так, как Вы это поняли – это может быть. Но у меня, когда я встаю в позицию докладчика, то я вынужден сказать себе, что на протяжении всей нашей встречи аудитория постоянно «выпадает в осадок». Как только Вы сказали очередные три слова, как тут же – лиц мимолетное невыраженье как тень пробегает, и слушателя нет. Вы тушите сознание людей. Я понимаю, что статья очень тяжелая. Но дело не в ней. Когда мы прошли процедуру – прослушали четыре тезиса, и аудитория все время демонстрировала затухание сознания, я предлагаю рассказать нам, где мы находимся. А сейчас Вы сказали, что придете к первому пункту. А я, между прочим, не помню его. И зачем теперь к нему возвращаться? Поэтому структура статьи могла бы стать инструментом ориентации, тем более, что эта структура не такая уж сложная. Статья состоит из нескольких частей – первая из них связана с историей формирования понятия в виде принципиальных схем и их содержания. Вторая – проблематика вопроса о рефлексии. Третья часть показывает реакцию автора на обсуждаемые интерпретации. И мне непонятно, почему Вы пойдете на первый пункт?

ХЗФ: Я это Вам прекрасно показала. Я показала, из чего состояла статья и что сделала я. Статья состоит из пунктов.

ВВ: Программа КПСС тоже состоит из пунктов. Я состою из пунктов. Университет состоит из пунктов. Поэтому так сказать про статью – ничего не сказать. Вы могли сказать, что статья состоит из абзацев. А мы все знаем, что она состоит из абзацев, поскольку статья – это текст. Там есть заголовок, гарнитура которого называется «антиквой». Вы для меня сказали, когда про пункты сообщили, - «я сейчас буду обсуждать статью, напечатанную антиквой». И я все понял влет, да? Чтобы организовать доклад (или коммуникацию) по результатам прочтения статьи, вообще неважно, из скольких пунктов эта статья. И вообще неважно про это говорить, особенно людям, статью не читавшим. Можно, конечно, двигаться и по пунктам...

<пауза>

Зоя, Вы фактически продемонстрировали студенческую конференцию в данном виде – только там, на конференции с вопросами не дают встречать. Там докладчик оттараторит свой текст, и тот факт, что там на пятом слове уже ничего не понимают – это другой вопрос. Естественная реакция на это всех – «одобряю». Мне такая практика не нужна, как Вы понимаете. Вам она не нужна, судя по всему. И утверждаю, что у нас не будет другой практики, если мы ее сами не вырастим. На себе. Поэтому все реплики со стороны аудитории необходимо воспринимать как благо. И если аудитория в третий раз Вас останавливает и просит – про пункты не надо, - то аудитория и дальше будет себя так вести. И Вы в этот момент, как мне кажется, можете среагировать, например, так: я такую работу не делала, давайте остановимся. А Вас будут дергать до тех пор, пока Вы эти четыре тезиса...

ХЗФ: Не поставлю на место...

ВВ: ... не привяжите, обозначив их функцию в структуре доклада.

ДЮО: Что же, она была должна в начале доклада нарисовать путь, по которому она будет двигаться?

ХЗФ: Не обязательно.

ВВ: Но Юлия говорит простую вещь: мне неважно о чем Вы будете говорить («о чем» здесь есть представления о рефлексии), Вы мне путь покажите, движение, в которое все высказанное будет включено. И функциональное употребление включенного в движение. То ли мы это применим для проектирования, или для самообразования, или понимания. А в статье как этот путь очерчен? Его необходимо зафиксировать потому, что предъявлена определенная норма работы с непонятным для нас явлением. А по жизни сколько таких встреч. Как работать с инновациями? Как на них реагировать? Может, отвернуться? Не получится, убежать невозможно.

ХЗФ: Я поняла. Надо не только содержание рассказывать, но и схему, почему его рассказываешь, вам всем показать.

ВВ: Да. Потому что после сегодняшнего обсуждения мы, наверное, будем читать эту статью. И – может быть - увидим что-то другое. И возникнет вопрос, - почему мы увидели другое, не так как Зоя? И этот момент мне важно зафиксировать.

ДЮО: Мы на другое и обращаем внимание.

ВВ: Нет. Что означает – на другое? Вы не можете обратить внимание на другое, поскольку это – не желание. Вы по-другому все равно не увидите.

ДЮО: Значит, статья так построена, что я не смогу на другое обратить внимание.

ХЗФ: Это как музыка – другую ноту не добавить.

ДЮО: Не знаю.

ВВ: Получится – или не получится? Попробуйте. Я надеюсь, что с моей стороны ход понятен.

Просто так – цитированием текста – Вы не отделаетесь от спрашивающей аудитории. И это – нормально. К аудитории вопрос: как поступим – или вы принимаете правила, обсуждаемые сейчас, или вы не отпускаете докладчицу? А мы все время будем ее дергать и требовать объяснений.

ДЮО: Что толку, она сама сделает так, как сможет.

ВВ: Толк есть в любом случае, тут нет бессмысленных проходов.

ТАВ: Кто-нибудь еще выступит.

ДЮО: Тогда этот доклад пропадет.

ВВ: Ничего не пропадет. Я спрашиваю аудиторию – что вы сейчас будете делать?

ХЗФ: То, что Вы мне предложили, я прямо сейчас продемонстрировать не смогу. Я могу только продолжать. А рассказать про структуру статья я не смогу. Я не готова.

ДЮО: А я - хочу.

<смех>

ДЮО: Хочу структуру, да!

ВВ: Докладчик всегда прав, не надо от него требовать то, чего он не может. Можно сделать так, - вам дадут текст, вы его прочитаете. И сделаете свой доклад. Договорились?

ДЮО: Да.

ВВ: Юлия делает содоклад по структуре обсуждаемой статьи, если мы не восстановим эту структуру по докладу Зои.

(окончание первой части)

П. Г. Щедровицкий.

Проблема рефлексии в теории деятельности и СМД методологии⁷.

Обобщение опыта мышления и рефлексии (вместо предисловия).

Развивая те или иные направления философской работы – логику или психологию, теорию государства или семиотику, – мыслители различных времен и народов параллельно осуществляли огромную работу по описанию, систематизации и схематизации собственного мышления или распространенных в данную эпоху практик мыслительной работы.

При этом *каждый мыслитель* или *философская школа* сталкивались, по крайней мере, с двумя предельными группами проблем. С одной стороны, это были вопросы передачи техник мышления от одного поколения к другому, вопросы воспроизводства и трансляции «живого мышления», являющегося уникальным результатом индивидуальной или групповой истории интеллектуальной работы. С другой стороны, это были вопросы интроспекции, схематизации и экстерииоризации этого опыта мышления в ориентации на построение обобщенной дисциплины – теории мышления, логики, или психологии.

Европейская традиция тесно связала вопросы трансляции и воспроизводства с проблемой экстерииоризации и обобщенного представления «интеллекта». Христианская педагогика требовала перехода от посвящения к воспитанию, противопоставляя такой подходу навязывания определенного опыта и образа жизни в форме эзотерических школ. Однако такая связь имела и свою обратную сторону: она накладывала существенные ограничения на характер логики и теоретических представлений интеллекта.

Действительно, деятельность осуществляется сообща, а вот учиться деятельности и мышлению приходится поодиночке. С этой точки зрения можно сказать, что идея индивидуальной деятельности и индивидуального мышления есть особая абстракция, особая форма фиксации и организации деятельности для воспроизводства.

Таким образом была сформирована специфическая проблемная ситуация: задача воспроизводства требовала анализа и описания деятельности и мышления в обобщенных и, по возможности, объективированных формах. Но, вместе с тем, эта задача требовала особого описания деятельности и мышления в формах, ориентированных на индивидуальный характер процессов учения.

Будучи осуществленной в названной установке, объективация и представление деятельности и мышления как индивидуальной «способности» не позволяли решить задачу трансляции и воспроизводства, ибо оставляли за «бортом» целый ряд *существенных характеристик* мысле-деятельности (МД) как исторически складывающегося и коллективного образования.

При этом, при всех поворотах названного сюжета все время оставались вопросы: не является ли названная теория мышления лишь теорией мыслительной работы данного философа или школы? в какой мере логика есть логика «этого» или «того» мышления (рассуждения)? за счет чего сохраняется грань между описанием конкретного мышления и обобщением. Выходом из данного парадокса традиционно рассматривалась идея логики: будучи нормативной дисциплиной, последняя предписывала правила или метод мышления. Правильное мышление лишь опиралось на описания конкретных форм мысли, но втягивало в себя пласт обязательных норм и приемов мыслительной работы.

Идея рефлексии не может быть понята вне названного контекста. Понятие рефлексии должно было помочь преодолеть грань между анализом

⁷ Печатается по: Щедровицкий П.Г. Проблема рефлексии в теории деятельности и СМД методологии. - Вопросы методологии, 1991, N 2, с.47-66 (первая часть); N 3, с.72-82 (вторая часть). Все авторские ремарки, выделения и пометки, орфография и синтаксис сохранены. По окончании статьи напечатан тезаурус по некоторым терминам, которые представляли трудность на семинарах.

конкретного мышления того или иного философа и теоретическим обобщением. Рефлексией называли все поисковые моменты интеллектуальной работы.

Однако, при этом, первоначально она, в силу существующей традиции, описывалась и представлялась как *якобы-индивидуальная* способность Парадоксы такого рода индивидуализирующего описания заставили отделить рефлексии от психологического субъекта, а вместе с тем и от работы сознания. Однако, как можно обобщенно представить мыслительный поиск? Так был поставлен вопрос об онтологии, в которой возможно представление рефлексии.

Вместе с тем, это принципиально меняло интеллектуальную ситуацию анализа рефлексии. Если первоначально рефлексией называли все ненормированное в интеллектуальной работе, все, что не могло быть схвачено в логике, но без чего не осуществлялась мысль, то на следующем этапе рефлексия стала описываться как технология, как особая логика – хотя и не дискурсивная по принципу.

Эти две различные трактовки рефлексии продолжают сосуществовать в традиции анализа интеллекта. Но, может быть, у интеллекта тоже должна быть своя тайна? Так же, как загадкой должен оставаться вопрос трансляции и воспроизводства опыта мышления? Может быть, в этом суть человеческого самоопределения?

июль 1991 года

Р. С. Работы, публикуемые ниже, написаны в разное время и собирают на себе историю моего понимания проблемы рефлексии так, как она была поставлена в СМД методологии, начиная с 60-х годов.

Горизонты исследовательского и технического освоения рефлексии.

1. Современная ситуация в области изучения «рефлексии» и анализа рефлексивных процессов может быть охарактеризована как ситуация существенной девальвации понятия рефлексии. Это обусловлено, прежде всего, его широким распространением в сферах, не имеющих непосредственной практики рефлексирования. Такой способ употребления понятия напоминает известную басню про мартышку и очки, купленные по случаю. В качестве программы может быть сформулировано требование восстановления реализма понятия. Это, в свою очередь, предполагает создание практических и технических ситуаций, в которых рефлексия осуществляется, и только в меру реализации – описывается тем или иным способом.

2. Вместе с тем, актуальная рефлексия и возможность ее осуществления сопряжена со знанием о рефлексии и содержанием этого знания. Подвижность и мобильность рефлексии, практика рефлексирования во многом связана с наличными представлениями о рефлексии, как абстрактном и конкретном процессе и соответствующей схемой, нормой, императивом рефлексирования. Выделение и оформление способа рефлексирования и превращения его в императив может рассматриваться как особая культурно-историческая и социокультурная характеристика целостного типа и формации МД. Другими словами, нормы и схемы рефлексирования могут рассматриваться лишь исторически, в процессах функционирования и развития, в циклах жизни тех или иных МД формаций. Модельные и технические схемы рефлексии (а также способы их задействования в МД) отражают не только границы и допустимые пределы практики рефлексирования, но и степень имманентной освоенности и перспектив всей МД.

3. Актуальная рефлексия, таким образом, во многом определена и предзадана процессами, принципиальной структурой и формами организации МД. Это означает, что заимствование описаний рефлексии и знаний о ней, схем и моделей рефлексии как таковых, вне и помимо более широких МД контекстов, – принципиально невозможно. Такое заимствование предполагает – в случае последовательного внедрения – принятие техник и практик рефлексирования, а это, в свою очередь, ведет к кардинальной перестройке всей МД. Если же такой перестройки не происходит, то можно быть уверенным: использование термина «рефлексия» и описание неких

феноменов и закономерностей рефлексии есть чистый номинальный миф особого рода, дань моде на «рефлексию» и «рефлексивность».

4. Однако причины девальвации понятия надо искать не только и не столько в таких сиюминутных направлениях, эксплуатирующих всякое модное представление, но скорее в тех философских и психологических областях и сферах, где рефлексия описывается в меру ее осуществления и осуществляется в меру достигнутого понимания и описания. Именно здесь надо искать эпицентр распространения самого понятия и глубинные причины размывания его содержательного ядра. До последнего времени рефлексия относится к так называемым интеллектуальным процессам и рассматривается преимущественно на уровне отдельного индивида и его сознания, а следовательно – в отвлечении от процессов коллективной МД и коммуникации. Такой подход крайне затрудняет выявление механизмов рефлексии и рефлексирования и, главное, различение и разделение разнородных компонентов интеллектуальных процессов – понимания, рефлексии, мышления и коммуникации.

5. Другими словами, на уровне индивидуальной деятельности и индивидуального сознания рефлексия необходимо переплетается, а в описании – путается и смешивается с формами понимания, мышления и коммуникации. Для выделения собственных характеристик рефлексии необходимо отказаться от практики индивидуального решения задач и перейти к формированию совершенно иного типа ситуаций – ситуации коммуникации и коллективной МД, в основании которых лежит «ядерная» структура двух коммуникантов и ряд периферийных участников, задающих вопросы с различных точек зрения. Вопросы типа: что ты понял в тексте? – будут провоцировать у коммуникантов рефлексию процессов понимания и понятого содержания. Аналогичные вопросы типа: что ты хотел сказать? что ты хотел сделать? – будут провоцировать рефлексию мышления и действия, выраженного в исходном тексте коммуникации. Чтобы ответить на такого рода вопросы, необходимо отразить результаты рефлексии во вторичном тексте, а для этого оформить рефлексию за счет тех или иных мыслительных средств. Сопоставляя исходный и вторичный текст, текст и ситуацию, периферийные участники коммуникации вынуждены проделывать новую рефлексивную работу.

6. Такого рода ситуации наглядно демонстрируют, что все так называемые закономерности рефлексии отражают сложившуюся практику МД. Рефлексия вызывается и формируется за счет особой искусственно-технической организации коммуникации; она складывается по сопричастности к коммуникации и зависит от позиции и форм включенности того или иного участника. Рефлексия представляет собой сложное И/Е⁸ образование, и прежде чем изучить рефлексию, ее надо создать.

Способы изучения рефлексии в мыследеятельности.

1. Утверждение и распространение понимания искусственно-технического характера рефлексии и рефлексивных процессов приводит к своего рода эпистемологическому и гносеологическому нигилизму: утверждается, что рефлексию в принципе нельзя изучать, а можно только осуществлять и демонстрировать. Однако, целенаправленная практика артификации⁹ коллективной МД и артификации рефлексии, своих технических исследований МД процессов¹⁰. Если мы хотим получить знание о рефлексии и обращаемся для этого к практике рефлексирования, если мы спрашиваем какова рефлексия? – то ответ требует определенности, которая может быть получена лишь в мета-мышлении. Рефлектирующая инстанция, как бы мы ее не определяли, не знает, что такое рефлексия и какова она.

2. Это выдвигает на первый план вопрос о способах и методах рассмотрения и трактовки рефлексии. Тайна рефлексии – в тех функциях, которые она обеспечивает в МД. Если мы начинаем анализировать и

⁸ Искусственно-Естественное.

⁹ Я думаю, здесь опечатка и надо читать «артификация» - ВВГ.

¹⁰ Здесь явно не чувствуется редакторской руки, поэтому смыслы «провалились» - ВВГ.

обсуждать, за счет чего и как реализуются эти функции, то рефлексия ускользает. Мы отвечаем на поставленный вопрос не в пространстве рефлексии и ее имманентных процессов, а в действительности той формы (мыслительной, коммуникативной, понимающей), которую мы наложили на рефлексия в ходе размышления Мы начинаем оформлять то, что было, как рефлексия за счет тех или иных мыслительных и МД форм; мы упускаем, в конце концов, ее абстрактные характеристики, и в руках у нас остаются лишь рефлексивные функции разных типов понимания, мышления и действия, которые за счет своей организации вытесняют естественную, неорганизованную рефлексия. Рефлексия не имеет своих имманентных форм.

3. Первой очевидной формой бытия рефлексии является бытие через самовыполнение. Самовыполнение всегда сопряжено с оформлением: в этом плане вообще нет рефлексии как таковой, а есть только те или иные типы употребления рефлексии в МД, те или иные способы «поворачивания» ее. Обмысливание рефлексии требует анализа способов успокоения, снятия, завершения рефлексирования. Чтобы представить рефлексия как мыслимую целостность, мы должны включить ее в какой-либо МД процесс или дополнить соответствующей конструктивной процедурой. Поэтому и типология рефлексии возможна только как типология ее конструктивных, действенных продолжений. Это – бытие организованной рефлексии.

4. Поднятый круг вопросов остался бы принципиально не полным вне обсуждения того, что рефлексия. Рассмотрение форм организации рефлексии должно быть дополнено представлением содержания, данности рефлексии. Каждый тип содержания требует своей определенной формы организации. Практика МД и актуальные способы организации коммуникации устанавливают, что рефлексия и как рефлексия тот или иной тип содержания. Вместе с тем, граничным условием рефлексии оказывается данность рефлексия, схваченность и представленность в тех или иных формах. Рефлексия зависит от объективации и онологии¹¹ как таковой.

5. Значит, смешение бытия чистой рефлексии и многообразных форм ее осуществления в МД есть принцип всякой рефлексия инстанции. Как же может быть организовано наше мышление рефлексии – как предмета мысли, если она не имеет своих имманентных форм организации? Как задать действительность рефлексии, если она не дана рефлексия инстанции? Как возможно изучение рефлексии? Можем ли мы сразу рассмотреть рефлексия как организованное и оформленное? Следует признать, что это – принципиальный отказ от описания чистой рефлексии: рефлексия не тождественна оформлению ее. Любую форму организации мы должны рассматривать как нечто «внешнее», проистекающее не из «природы» процессов рефлексии. На уровне рефлексия инстанции будут фиксироваться лишь феноменальные факты разных форм МД, несущих на себе рефлексивные функции и рефлексивную нагрузку; здесь мы обречены оставаться в формах не рефлексии и выдавать их за рефлексия. И можем даже открыть дискуссию о том, является ли рефлексия по преимуществу мыслительной или герменевтической фигурой.

6. Однако, мы можем помыслить чистую рефлексия, увидеть возможность рефлексии раньше самого рефлексирования через схему. Мы можем попытаться описать рефлексия, как внешне данный объект; именно это даст возможность разделить абстрактный процесс рефлексии и различные формы его организации. Тем самым мы открываем новые горизонты понимания и интерпретации рефлексии и рефлексивных процессов. Но тогда мы обязаны определить рамки предметности, в которых будет рассматриваться и схематизироваться рефлексия. Самоопределяясь в МД подходе и претендуя на культурно-историческое осмысление феномена рефлексии, мы вынуждены, таким образом, различать: а) абстрактный процесс рефлексии как таковой (в анализе которого нельзя спрашивать, что и как рефлексия); б) культурно-исторические и социокультурные формы организации рефлексии; в) содержание рефлексии и способы его данности.

Рефлексия и проблематизация в контексте развития деятельности мыслительности

¹¹ Онологии (?).

1. Ставя себя в позицию теоретика, мы приобретаем уверенность, что предметом рефлексии является деятельность. Этим онтологическим допущением очерчены и заданы границы возможных предметизаций рефлексии. Чтобы схватить основные моменты рефлексии и представить их в развернутой форме, методологическая теория деятельности вводит специальные схемы, с точки зрения которых рефлексия выступает как «рефлексивный выход». Базой теоретико-деятельностного подхода является особое изображение рефлексии, использование изобразительной графической формы для моделирования того, что называется рефлексией, плюс категориальная трактовка сути рефлексии. Задание такого онтического¹² объекта, зафиксированного в схеме, открывает путь для теории и теоретического отношения к рефлексии; схема «рефлексивного выхода» служит «первой абстрактной модельной характеристикой рефлексии в целом».

2. Хотя рефлексия осуществляется тот же индивид, который до этого действовал, методологическая теория деятельности представляет ее, следуя псевдо-генетическому методу и принципу функционального задания «мест» в деятельности, как смену «места» или позиции действующего индивида. Объясняя этот эффект рефлексии через идею смены позиции (или точки зрения), через идею перехода из одной позиции в другую, методологическая теория деятельности получает возможность трактовать рефлексия процессуально. Вместе с тем вопрос о рефлексии связывается с описанием процессов и структур кооперации.

3 Если рассматривать рефлексия в плане кооперации, то она должна быть жестко ограничена, зажата в рамки единства и непрерывного развертывания нескольких, а если возможно, то и всех (и тогда, естественно, – согласованное развертывание) организованностей деятельности. Это обстоятельство накладывает ограничения на абстрактную свободу рефлексии; несвобода рефлексии – в соблюдении принципа развития деятельности, а значит и всех организованностей деятельности: человека, знания, языка и т.д. Это, вместе с тем, означает требование предметности рефлексии как условия ее включения в культуру, мышление, разум, это – требование возврата и успокоения рефлексии в прежних организованностях, но такого возврата, который производит развитие.

4. Предположив, что рефлексия задается сменой позиции и кооперацией, развертывающейся на материале различных организованностей деятельности и за их счет, и что рефлексия выступает в качестве механизма развития деятельности и ее организованностей, методологическая теория деятельности вынуждена была постулировать, что без конструктивного завершения рефлексии¹³ не может удовлетворить этим требованиям. Таким образом, в разворачивании анализа рефлексии в предмете теории деятельности вводились: а) контекст развития, б) идея и субстанция деятельности, механизмом развертывания которой становилась рефлексия; в) особые изображения: схемы и модели самой рефлексии. Однако, тем самым, проблема рефлексии оказалась лишь одним из моментов более широкой проблемной ситуации, включающей вопросы логико-эпистемологического анализа знаний, семиотического анализа смысловых структур и теоретико-деятельностного анализа «позиций» и отношений между ними.

5. По сути дела, развитие систем деятельности в методологии теории деятельности понимается как развитие отдельных организованностей и их сложных связей. Чтобы рассмотреть рефлексия как механизм развития деятельности, необходимо спроецировать ее на все возможные организованности и относительно каждой зафиксировать роль и возможные вклады рефлексии. При этом, для каждой организованности надо искать свои особый механизм рефлексивного развития и свою особую «логику» рефлексии. Вместе с тем, рефлексия каждый раз требует некоторого конструктивного, мыслительного оформления и завершения. Вполне объяс-

¹² От греч. Ontos - сущее - ВВГ.

¹³ Здесь скорее надо читать в другом падеже, - «рефлексия» - ВВГ.

нимой тогда оказывается попытка имитировать рефлексию (а точнее, ее вклад в функцию развития тех или иных организованностей) посредством других механизмов, но осуществляя аналогичное развертывание и развитие этих организованностей деятельности.

6. При этом, если раньше делалась попытка трактовать рефлексию как механизм, во многом независимый от содержания и специфики тех или иных организованностей деятельности, лежащий вне процесса изменения самой организованности и производящий на последнюю внешнее воздействие, то мыслительный (мыслекоммуникативный) механизм, замещающий рефлексию, начинает трактоваться иначе. Механизм, в этом случае, как бы объемлет и поглощает организованность и процесс ее изменения. И тогда организованности являются не только изменяемыми и преобразуемыми, но и элементами самого механизма, производящего изменения. Ясно, что для разных типов организованностей роль и функция рефлексии, возможности вытеснения рефлексии за счет мыслительных и МД механизмов и формы ассимиляции организованностей новым механизмом будут различны. Однако можно утверждать, что разработка в МД подходе представлений о проблематизации и введение технологии и схем проблематизации есть установление своего рода аналога рефлексии, обеспечивающего развитие МД.

Позиционная рефлексия в организационно-деятельностной игре

1. Рефлексия находит свое безусловное выражение в традиции и практике рефлектирования. Вопрос о том, может ли рефлексия выйти за рамки предзаданных и организуемых форм рефлектирования, есть вопрос о социокультурных и культурно-исторических границах, очерченных тем или иным типом МД. Существующий и принятый императив рефлектирования и формы отношения к нему (в частности, способы задействования рефлексии в МД) отражают: а) пределы и допустимые формы авто-рефлексии, б) систему «запретов» на практику рефлектирования, в) направленность рефлексии и т.д. Это позволяет говорить о рефлексивной мощности рассматриваемого типа МД в том случае, если в практике МД задействован ряд различных схем и императивов рефлексии. Вместе с тем, целенаправленное развитие МД предполагает поиск, внедрение и освоение новых мощностей рефлексии.

2. Это – направление артификации и о-искусствления рефлексии за счет выраживания, проектирования и актуальной организации нетрадиционных сложных форм коммуникации, схем и способов рефлектирования. Последовательная реализация программ артификации коллективной МД и рефлексии в МД характерна для практики ОД-игр. ОДИ может рассматриваться как своего рода экспериментальный полигон для «запуска» и «испытания» новых типов и форм рефлектирования. Одним из направлений поиска является выделение и осуществление позиционной рефлексии в игре. Всякая ОДИ предполагает организационно-техническое отношение имитации «большой» социо-культурной ситуации в той области, которая очерчена выбором темы и целей игры. В плане организационного проектирования и программирования игры это означает, что формируемые в игре группы отражают сложившуюся в области расстановку сил за счет выделения принципиальных (социальных и культурных) позиций, их оснований и способов взаимодействия между ними. Каждая позиция характеризуется своими специфическими ценностями, целями, установками, средствами, методами, способами мышления и действия, предметом и объектом. Требование позиционной рефлексии связано, таким образом, с предварительным самоопределением в позиции и в ситуации игры.

3. Ситуация самоопределения требует от каждого игрока не только волевого напряжения, но и мобилизации всех интеллектуальных ресурсов. Опыт показывает, что многим участникам игры так и не удается найти адекватную форму самоопределения. На первом шаге позиционное самоопределение предполагает восстановление организационного проекта игры в форме пространства рефлексивных состояний (позиций). Такого рода пространство фиксирует принципиальный состав позиций и тип зонирования этого пространства, обусловленный рангом предполагаемой мыслительной и рефлексивной работы в каждой позиции. Следующим шагом является своего рода выворачивание пространства через принятую в ходе предварительного самоопределения позицию. Это требует четкой

постановки целей относительно всех других позиций-групп и игре, выделение специфических целей принятой позиции, анализа программы игры и вероятных траекторий движения каждой группы-позиции в ходе рабочего процесса, заимствования других позиций и восстановления их имманентного пространства самоопределения и целевых установок на игру, имитацию возможных стратегий и тактик организаторов игры и других позиций-групп и т.д.

4. Ясно, что такого рода анализ опирается на чрезвычайно сложные формы рефлексии и рефлексивного мышления. При этом организаторы игры и игротехники постоянно требуют от участников рефлексивной оценки ситуации и способов действия групп, понимания происходящего в игре (прежде всего, коммуникации и взаимодействия) и рефлексии понятого, рефлексии собственного мышления и действия на игровом плацдарме, в ходе дискуссий и обсуждений. Это провоцируется за счет многократного повторения так называемой рефлексивной инверсии, т.е. оборачивания и замыкания всей сложившейся ситуации на данного участника и его позицию в игре и доопределения целей, установок, средств и программ будущей работы.

5. За счет особой организации коммуникации и взаимодействия в игре начинают формироваться и складываться новые способы и формы рефлексирования; происходит оспособление участников и, по мере включения в коллективную МД, вырабатываются способности к рефлексии. Так, наряду с позиционной рефлексией укореняются схемы и приемы ретроспективной и проспективной рефлексии, субъективирующей и объективирующей рефлексией, рефлексией отражающей и полагающей. Каждый из названных типов рефлексии предполагает свои особые формы организации МД, свои виды мышления и мыслительного оформления, свой способ выражения в коммуникации или в действии.

Сказки о рефлексии.

1. Идея рефлексии, выработанная в методологии, не тривиальна. Сегодня, с легкой руки ММК, сам термин «рефлексия» и интерес к рефлексивным феноменам получил свое как бы второе рождение. Философы, психологи, педагоги – все теперь говорят о рефлексии, но при этом почти никто не понимает, чем понятие о рефлексии, введенное в ММК, отличается от аналогичного понятия у Локка или в немецком классическом идеализме. Сборник тезисов, изданный в Новосибирске (рефлексия в науке и обучении), очень напоминает «профсоюзное собрание детей лейтенанта Шмидта»: мало кто знает, что П. Шмидт был капитаном II ранга. Одна из особенностей такого расхождения понимания «рефлексии» состоит в психологизации и психологистической интерпретации понятия. Рефлексия становится способностью субъекта или особой характеристикой индивидуального сознания. Если мы двумя ногами становимся на эту точку зрения, то развитие деятельности и мыследеятельности также начинает мыслиться под «психологизма». Источником развития и директрисой развития становится человек, его индивидуальное сознание и его воля. Падан к этому перекашивается и переиначивается и тезис о «бесконечности» развития.¹⁴ Если источником развития является человек, то «бесконечное» развитие получает характер «трансфинитности», которая переживается. Возникает мистическое толкование, особая «теософия» развития. Мало того, что «бесконечность» понимается как «несобственная», т.е. объективируется; ей приписывается непостижимость, которая переживается и формирует определенный душевный склад – рефлексия человека.

Такой интерпретации не чужды В. А. Лефера¹⁵, Н. Г. Алексеева, но я хотел бы с самого начала подчеркнуть, что в рамках базовых мето-

¹⁴ Поскольку редакцию текста не дотянули, о чем издатели журнала предупреждают и извиняются за огрехи, то здесь тот случай, когда восстановить смысл предложения крайне трудно, но, наверное, можно. И далее по тексту здесь несколько подобных мест.

¹⁵ Конечно же опечатка, и надо читать - взгляды В.А. Лефевра...

дологических идей была заключена, с моей точки зрения, другая установка. Идея «рефлексии» предназначена была установить такой всеобщий механизм развертывания деятельности, который не принадлежал бы отдельному человеку и которому индивидуум мог бы прикрепляться. Такое отделение идеи развития от человека и выделение развития МД в особую реальность было обусловлено целым рядом обстоятельств. Теократический идеал Средних веков (не важно, в церковной или светской его форме), религиозно-общественный идеал в широком смысле слова — так, как он формировался с V по XI век — нес в себе и утверждал идею воспроизводства. Если в исходных идеалах Христианства и содержалась идея развития как движения к Царству Божию (то есть во всех случаях к определенному конечному состоянию), то к XI веку это стремление уступает место стратегии и тактике утверждения и поддержания вселенской иерархии. В основу кладется непоколебимый авторитет Папы, хилиастические мечты воплощаются в догмах, а пастырский к понтификту Григория VII, потому и привлекают внимание историков, что здесь Церковь определенно встала на путь воспроизводства, и именно с точки зрения идеологии воспроизводства должна быть понята борьба церковной теократии со светской. Вместе с тем, остановившись на идеале воспроизводства, «развитие» можно пустить только через «черный ход», через человека и его индивидуального приобщения к изменению. Спор о свободе, берущий свое начало в столкновении Августина и Пелагия, проходит красной нитью сквозь творения всех отцов Церкви, сквозь патристику и схоластику, вплоть до протестантства, и далее. В этом плане понятие о свободе все время имело эту индивидуалистическую окраску через решение Христианской церковью вопроса о развитии. Утверждение в XI веке церковной теократии и папизма есть полное и окончательное оправдание всей идеологии Возрождения, есть фундамент индивидуализма, ибо развитие в условиях тотального воспроизводства могло найти себе путь только через человека. Когда Возрождение противопоставлялось Средним векам с их «школьной» наукой и «логизмом» и апеллировало к Античности, то это было противопоставлением воспроизводства развитию. Другое дело, что мы сегодня должны признать, что это было неправильное понимание воспроизводства и не верная трактовка развития. Протестантизм оправдывает развитие наряду с Макиавелли. Все остальные претензии Возрождения — его государственность и даже его стремление к возрождению единого языка (вроде бы, и то, и другое суть момента воспроизводства) — могут быть правильно поняты только как указания на условия существования индивидуальных агентов развития. Правовое государство, общественный договор, общение есть фон для автономных лиц, претендующих на развитие.

Философско-методологическое обоснование такого рода агента развития пришло позже. Индивидуум, как канал развития, сначала должен был быть постулирован, XVII век принес ему оправдание в духе философско-психологических моделей. Сама идея познания и познающего субъекта, сама идея науки или *Novum organon'a*, противопоставляемая «идололам» площади и рынки, есть частное «моделирование» каналов и форм развития. В этом плане индивидуалистическая экономика меркантилизма и гносеологический субъект есть явления одного порядка, ибо возрожденный пафос должен был быть теперь оправдан вторично (ретроспективно) через задание каналов и механизмов развития. Дж. Локк, вводя свою идею рефлексии, лишь конкретизировал названные идеи как в общей философско-психологической онтологии, так и в плане конкретной психо-физиологической организации человека (здесь достаточно обратиться к его «Мыслям о воспитании»). Рефлексия не есть только «вторичное представление» — она, вместе с тем, есть орудие преодоления и развертывания представлений, находящее материал в самих представлениях низшего порядка. Рефлексия Локка есть «ключ» к развитию, найденный в человеке, «отмычка», делавшая развитие функцией человека. Такая трактовка досталась нам в наследство от церковной и светской теократии Средних веков — но не напрямую (как у отца-алкоголика вырастает сын трезвенник). Мы уже подчеркнули, что ММК предлагал иную модель рефлексии. Вместе с тем, существует другое, на наш взгляд, не менее распространенное, понимание рефлексии как особого

метода – понимание, которое сближает рефлексию с критическим методом и критицизмом в широком смысле слова. Это понимание также не схватывает важных моментов идеи и концепции рефлексии в ММК, но оно сложнее и, помимо своей психологической интерпретации, сводящей критический метод к критической установке, имеет целый ряд любопытных логико-методологических поворотов

2. Конечно, интересно выяснить, как сложился и оформился критицизм. Последний часто сопоставляют со скептицизмом, либо проводя параллели между Кантом и Юмом (исторически), либо указывая на тотальную утилизацию фактора сомнения (скепсиса) в рамках критического метода (систематически). Ясно, что скептицизм и критицизм сильно отличаются друг от друга, и, более того, критический метод вполне может рассматриваться как гипостазирование и оформление одной, узкой части и идеологии скептицизма. Во всяком случае, имеет смысл обратиться к последнему и рассмотреть его под углом зрения рефлексии и развития. Тем самым мы оставим в стороне все вопросы психологической установки «скептика» и все аспекты психологического содержания в идеологии сомнения (тем более, что они достаточно подробно и любопытно раскрыты Г. Шпетом в его статье «Скептик и его душа»). Гуссерль различает логическую возможность теории, второй отрицает бытие и его познаваемость. Тем самым Гуссерль (см. Prolegom, парагр. 32, 33) связывает гносологический скептицизм с метафизическим, что в общем и целом вытекает из его феноменологии и отличает его от Секста Эмпирика; у последнего тоже можно вычитать два подробных направления скептицизма, но без столь явного параллелизма. По сути дела все исследователи делают упор на метафизическом скептицизме и подвергают его всевозможной критике: действительно, поставив во главу угла референционное отношение (т.е. вопрос о соответствии мнения или знания некоторому объекту или вещи), такой метафизический скептицизм естественно движется в кругу самой исходной постановки вопроса. Отказ от «метафизики» влечет за собой крах всей скептической установки. Гуссерль идет дальше: он утверждает, что в этой ситуации нельзя поставить и подлинную логическую проблему. Причина такой логической импотенции в принципиальной ноэтикономатической корреляции: логические аспекты «скепсиса» не отделяются от метафизики и в логике проявляется метафизическая постановка вопроса.

Вместе с тем, анализ раннего скептицизма не позволяет однозначно трактовать скепсис как автомат референционного отношения. Ни Лотце, ни Гуссерль, ни Шпет в своей критике скептицизма не обращают внимание на то, что сами тропы, систематизированные Секстом, формируют особую действительность. Когда Секст говорит об (эпохе), когда он настаивает на фиксации самого процесса движения мысли к истине или когда он говорит об (исостенейя) – равнозначности положений, т.е. равенства в смысле достоверности или недостоверности, – то тем самым формируется особая эпистемологическая действительность, в которой могут найти свое «место» и апории элеатов, и апоретика (проблематика) знания в широком смысле слова. Это уже не просто сомнение, но, по меткому выражению Гегеля, «мыслящий скептицизм». В этом плане скептицизм является не только реакцией на метафизику, но и сферой эпистемологического анализа; можно даже предложить, что смещение вопроса об истинности в сферу теории знания, замена «референционной концепции истинности» на «эпистемологическую концепцию» есть заслуга античного скептицизма и скептических мотивов Нового Времени.

Именно эта сторона скепсиса нашла свое выражение в критике; сомнение как метод эпистемологии и логики дал основания критическому методу. Если с этой точки зрения взглянуть на десять тропов Секста Эмпирика, то они могут рассматриваться как выделение и фиксация основных эпистемологических проблем в форме обоснования скептицизма. Отказ от доксихеских утверждений и выход в сферу знания разворачивается и продолжается в критике. Г. Шпет прав, что здесь логико-эпистемическая постановка затемняется психологической, но в том-то и состоит дальнейший методологический ход, чтобы выделить эту сторону вопроса и придать ей принципиальное звучание. Не разделяя эти два аспекта, и

Шпет, и Гуссерль практически лишают метод сомнения (критики) собственного содержания, только один сводит содержание сомнения к отвергаемому или конструируемому идеальному предмету, а другой единственным содержанием сомнения считает субъективное состояние скептика. А что: разве нельзя вывести из скепсиса собственное содержание, не сводимое к душе скепсиса? Разве нельзя сделать скепсис орудием Духа?

Критицизм точно также не задавал этот вопрос в принципиальной форме, разворачиваясь прежде всего в круге проблемы истинности. Критицизм в этом плане был далек от метода. Решение проблемы истинности в эпистемологическом духе несомненно способствовало формированию особого отношения к знаниям именно как к знаниям, т.е. как к чему-то временному и относительному, изменяемому и, следовательно, критикуемому. Утверждение такого отношения, несомненно, было подготовлено систематическим и систематизирующим духом XVII века, может быть, в такой же мере, как и скепсисом. Критицизм ставит вопрос о правильности и оправданности знаний, о соотношении их в системе, об особых спорах работы с ними. Но вот этот последний вопрос ставится как-бы тайком, «стеснительно». Критицизм не обращается полностью и окончательно к анализу эпистемологии как способу мышления и деятельности. Отсюда «стеснительность» оборачивается опять тем же психологизмом, апелляцией к познающему субъекту. Даже когда критицизм Марбургской школы обсуждает способы ориентирования понятий, то это выглядит как-то половинчато, стыдливо.

Здесь проходит принципиальная грань: понятие и знание могут рассматриваться (и рассматриваются реально в критицизме) как вещи особого рода, как квази-объекты, противопоставленные исследователю, а не как моменты деятельности. В своих психологических интерпретациях критический метод также говорит не о деятельности (ибо деятельность не обладает объективностью), но о состояниях сознания познающего субъекта. Это действительно составляет очень важный пункт развития критицизма и его связь с идеей рефлексии. В одном случае мы понимаем объект знания и само знание как противопоставленные человеку, в другом – как включенные в его деятельность и составляющие момент ее. В этом втором случае мы имеем подлинную рефлексию, а в первом лишь особую логику и логические переходы, в объективном плане близкие рефлексии и даже эквивалентные ей, а в субъективном плане, в плане деятельности – неэквивалентные. Именно поэтому еще не всякий критический метод равен методу рефлексии и рефлексивного анализа. Рефлексия становится методом лишь когда она направлена на развертывание определенных организованностей деятельности и устанавливает между ними отношения, соразмерно развитию. Простая логическая ориентированность на понятия и знания – пусть даже с критической установкой – не дает еще рефлексии и рефлексивного метода. Критика в лучшем случае задает разрыв между понятием, отрефлектированным и старыми схемами мышления, но на этом работа критики заканчивается. Рефлексия же предполагает не только включенность в более высокие этажи мышления (например, методологического мышления, превращающего саму рефлексию в метод,) но и замыкание рефлексии на процессах развертывания деятельности и ее организованностей.

3. Концепция рефлексии, построенная ММК, опиралась на определенный историко-критический анализ. Г. П. Щедровицкий выделял ряд источников формирования идеи рефлексии, а вместе с тем, ряд ситуаций, в которых формировался смысл и содержание понятия о рефлексии (очевидно, эти доклады Г. П. Щедровицкого 1971, 1972 и 1975 гг., а также дискуссия на ту же тему с О. И. Генисаретским будут опубликованы). Вместе с тем, на передний план выступили задачи научного описания и анализа рефлексии; ММК предполагал построить научное знание о рефлексии, создать «рефлексию» как предмет научного мышления и исследования. Такая постановка вопроса, естественно, выводила того, кто предполагал строить такой научный предмет, в особое отношение к своей будущей работе. Нужно было предварительно спросить, что значит построить такой предмет; в соответствии с принципами деятельностного подхода, устройство научного знания и научного предмета определялось будущими употреблениями. Вопрос смещался еще раз: речь шла уже не о нормах

исследовательской и конструктивной работы, а о функциональных культурно-нормативных требованиях к продукту выполняемой работы. Мне важно подчеркнуть, что вопрос так ставился; хотя можно считать, что этот вопрос, так и не был решен.

Вместе с тем, мало кто соотносит предложенные модели и, схемы нормативного анализа. Задав себе вопрос о требованиях к научному знанию о рефлексии, ММК, конечно же, понимал, что само научное знание и научный предмет могут существовать и существуют в разных вариантах и типах. Из широкого перечня, включающего, по меньшей мере, 10-12 типов знаний, нужно выбрать тот, который действительно «подходит» для анализа и описания рефлексии с тем, чтобы перевести требования к знанию в принципы и правила конструктивной работы.

Отсюда возникла первая очень важная гипотеза: к анализу рефлексии нужно подходить деятельностно, и как особое явление рефлексия может быть «схвачена» только в научном предмете «деятельностного типа». Как утверждение логико-методологического толка, эта гипотеза не могла переводиться непосредственно в онтологический план. Она не означала, что рефлексия существует только в деятельности, хотя создатели модели рефлексии могли так думать и такое утверждать. При этом, приемы и способы конструирования и исследования рефлексии должны удовлетворять всем требованиям и критериям собственно научного воспроизведения объектов. Поэтому нужно (1) выявить и схематизировать все те «свойства» рефлексии, которые были зафиксированы в предшествующих философских исследованиях, (2) выбрать или построить язык, онтологические картины и понятия – одним словом средства, с помощью которых, по предположению, можно изобразить и описать рефлексия таким образом, чтобы эти изображения или описания допускали эмпирическую проверку, (3) выявить и сформулировать наибольшее число парадоксов, возникающих из-за несоответствия между выбранными средствами и схематизированными до того свойствами рефлексии, (4) так преобразовать и развернуть выбранные средства (включая технику конфигурирования и деления), чтобы в изображениях и описаниях рефлексии, построенных на их основе, были бы сняты все отмеченные парадоксы, объяснены зафиксированные свойства рефлексии и, вместе с тем, сохранялась возможность эмпирической проверки всех предложенных изображений и описаний. Только когда такая работа будет проделана, может начинаться – по мнению участников ММК – собственное научное изучение рефлексии в рамках одного или нескольких научных предметов.

Сформулированная таким образом установка и задача определяла как тот ракурс, в котором начиналось рассмотрение рефлексии, так и путь рассуждения. Рефлексия начала рассматриваться не только деятельностно, но и с точки зрения средств теории деятельности, а затем и просто в контексте деятельности и ее базовых схем и единиц. При этом, два аспекта представляются наиболее важными: 1) изображение рефлексии как процесса и определенной связи в деятельности и 2) определение рефлексии как принципа развертывания схем деятельности, т.е. с одной стороны, как формальных правил, управляющих конструированием моделей теории деятельности, а с другой – как механизмов и закономерностей естественного изменения самой деятельности. Однако, если с этой точки зрения напрямую обращаться к рефлексии – как она была представлена предшествующими философскими концепциями, то это представление оказывается слишком многосторонними и неопределенными. Философия связывала рефлексия и с процессами «производства» смыслов, и с процессами объективации смыслов в виде знаний, объектов и предметов деятельности, и с функционированием знаний в деятельности. Но уже и этого, как подчеркивает Г. П. Щедровицкий, слишком много, чтобы пытаться изобразить все это в виде какого-то одного сравнительно простого процесса или простой структуры в деятельности и, соответственно, в виде единого механизма или формального правила для конструирования и развертывания схем деятельности. Следует попытаться свести все моменты, посредством которых характеризуется рефлексия, к более простым отношениям, связям и механизмам, чтобы затем вывести их из

последних и таким образом организовать все в единую систему, изображающую рефлексию во всей полноте ее вариантов и признаков.

В качестве исходной гипотезы онтологического толка ММК принял тезис, что искомые простые отношения, связи и механизмы задаются идеей кооперации деятельности. Исходя из этой идеи, можно описать и изобразить разнообразные единицы актов деятельности, подыскать конструктивные правила развертывания их в более сложные системы и проинтерпретировать процедуры конструктивного развертывания на эмпирически фиксируемых процессах функционирования и развития деятельности. Г. П. Щедровицкий подчеркивал неоднократно, что назначение «кооперации» в трансформации разных форм человеческой культуры и сознания человека признавали многие философы. К. Маркс придавал большое значение «кооперации», указывая, что именно в ней надо искать ключ к объяснению всех форм самосознания человека. Однако, несмотря на обилие подходов к «кооперации» (в политэкономии, социологии, НОТ и теории оргуправленческой деятельности), сами связи кооперации «так и не стали предметом специального научного изучения». Это объясняется, в первую очередь тем, что ни одно из научных направлений не выделило ту абстрактную идеальную действительность, в которой связи кооперации могли бы «существовать» и выступать для исследователя имманентно. И наоборот, можно утверждать, что только задание деятельности в качестве особой и самостоятельной идеальной действительности дает основания для подобного подхода и развертывания собственно научных исследований кооперативных связей самих по себе и для себя.

Однако, при всем том рефлексия приобрела строго определенную онтологическую интерпретацию. С использованием средств теории деятельности строится особое онтологическое или модельное изображение рефлексивного выхода. Рефлексия как бы собирается из конструктивных и модельных элементов теории деятельности. При этом в дело вступает весь категориальный аппарат теории деятельности: идея кооперации, идея воспроизводства и трансляции, оппозиция нормы и реализации, оппозиция функционирования и развития, оппозиция процесса и механизма, связь искусственного и естественного. Включая рефлексию в деятельность, ММК подражает рассмотреть рефлексию с точки зрения основных категорий теории деятельности, определить ее в этих категориях и тем самым задать ей область и формы существования. Но это сразу усложняет ситуацию: рефлексия в силу такой постановки вопроса должна иметь «множественное существование», как бы проходить через все формы существования, задаваемые деятельностью. При этом, являясь, одним, из кардинальных механизмов деятельности, рефлексия находит специфическое отражение в действительности всех предметов, связанных с изучением деятельности и ее организованностей. В каждом предмете может быть создана своя особая онтология рефлексии и свои особые проблемы. Но и, наоборот, те явления, которые относятся к рефлексии, лишь при-сближаются к схеме рефлексивного выхода, относятся к «рефлексии» на основе интуиции и образуют некое синкретическое целое.

Включая модель рефлексии в «тело» теории деятельности, мы получили целый ряд проблем, и до сих пор в среде методологов существует установка на синтез всех имеющихся частных представлений в рамках общей теории рефлексии. Однако, такого рода синтез ни мало не приближает нас ни к конкретному ответу ни вопрос о роли рефлексии в развертывании деятельности и ее отдельных организованностей, ни к анализу того, как осуществляется рефлексия. Модель рефлексивного выхода со всеми ее сложными связями в «теле» теории деятельности не дает ответов на эти вопросы — и в этом лежит корень всех и всяческих направлений «ревизионизма».

4. Приступая к анализу процессов развертывания деятельности, выявляя роль рефлексии в этих процессах, ММК впрямую столкнулся с «диалектикой» процесса и механизма. Здесь в анализе рефлексии проявилось то достаточно известное обстоятельство, что механизм и процесс (как категориальная «пара», регулирующая мышление о «развитии») представляют собой одно целое и должны браться в единстве. Говоря, нельзя рассматривать «механизм» безотносительно к тому процессу, «механизмом» которого он является, и утверждать, что в таком обрывочном виде он может быть объективирован, не потеряв ни своего ка-

чества, ни своих определений механизма. Однако, ход В. А. Лефевра во многом состоял в том, что он начал рассматривать рефлексию как механизм и при том – изолировано, сам по себе. Что, собственно, можно выяснить по поводу такого объекта? Прежде всего, он представляет как процесс другого типа. Оторвав рефлексию как механизм от того процесса развертывания деятельности, который задавал все направляющие рефлексии, мы вынуждены трактовать последнюю уже не как механизм развития деятельности, а как автономный и самодостаточный процесс. Но что движется в этом процессе, что создает реальность этого процесса и поставляет материал для него? Ведь эти функции несет механизм и, значит, положив рефлексию как самостоятельный процесс, мы должны открыть и механизм этого процесса. Не происходит ли здесь того, что схемы такого типа выступают как направляющие рельсы для создания исследователя, остающегося «за кадром», не получается ли так, что сознание исследователя становится механизмом процесса рефлексии?

Если учитывать процессы развертывания деятельности, то рефлексия трактуется как механизм этого процесса и не может (не должна – категорически) браться вне целого. Если же забыть о процессах развертывания деятельности, то рефлексия остается сама по себе; как автономный процесс она может быть посажена только на человека и плюс к этому – механизмом такой индивидуалистически понятой рефлексии становится работа сознания исследователя. Возникает консьенционализм. Конечно, если бы все это рефлексировалось, то можно было бы считать все перипетии «рефлексии» моментами обычной процедуры искусственной ассимиляции: механизм рефлексии схватывается и превращается в организованный процесс, осуществляемый посредством другого механизма. Но как раз этого-то и не было. Не было преемственности идей и понимания того, что делают исследователи. Сознание исследователя проскакивало и проявляло себя «тайком», и схемы рефлексии (будь то вторичные представления у Дж. Локка или рефлексивные многочлены В. А. Лефевра) выступали как организованности, направляющие эти вторичные, не понимаемые и не отрефлектированные движения.

Методология попробовала тесно связать рефлексию с процессами развертывания деятельности и вернуть ей статус механизма.

В этом случае рефлексия выступает как механизм непрерывного развертывания нескольких (если можно, то и всех – и тогда как согласованное развертывание) организованностей деятельности. В этом плане рефлексия не свободна, она связана соображениями непрерывности развития отдельных организованностей. Я уже подчеркивал, что развитие выступает не столько как рефлексивный «выход», сколько как рефлексивный «возврат» в деятельность. Требование непрерывности и единства развития означает по сути дела требование предметного (или какого-то иного) «сплющивания» рефлексии, ее возврата и успокоения в деятельности, но такого, которое бы производило развитие этих организованностей. Следовательно, мы здесь вынуждены по-новому рассматривать деятельности – выделять не то, что именно сохраняется неизменным, а что именно развертывается. По сути дела работа механизма рефлексии должна была быть прослежена для всех типов организованностей. Если двигаться систематически, то необходимо изобразить все существующие и конструктивные моменты деятельности и все отношения между рефлектируемой и рефлектирующей деятельностями. В этом контексте, естественно, придется решать вопрос, что представляет собой развитие всех организованностей, которые возможны в деятельности, и каким оно должно быть (достаточно конкретно) для отдельных знаний, систем знаний, онтологических картин, средств, языков, методов, моделей, категорий, понятий, предметов и т.д. Это, вместе с тем, требует принципиального ответа: что есть сами те организованности.

Вместе с тем, такого рода рассудочный анализ все время наталкивается на то, что в деятельности существуют свои единицы, организмы или индивидуумы, которые непрерывно развертываются и, можно сказать, развертываются сами по себе, преодолевая сопротивление существующих норм, других организмов и т.д. Описанная выше рефлексия (учитывающая и

контролирующая организованности деятельности и линии их развертывания) должна инвертаризировать весь универсум деятельности, чтобы стать механизмом развития деятельности, но при этом она осмыслена лишь в рамках практической установки и методологического мышления; – учитывающего самодвижение механизмов и сфер деятельности. Грубо говоря, помимо самоопределения рефлексии (выражающегося в эnumerации организованностей) должно быть еще и взаимопределение между различными механизмами развития мыследеятельности, где рефлексия составляет лишь один из механизмов. Для этого рефлексия должна хорошо понимать, что она суть рефлексия.

Но вот здесь-то как раз возникает масса сложностей. Прежде всего, рефлексии не достаёт исторического самосознания – она не ведает своего происхождения. Плохо выделены категориально-логические характеристики рефлексии и ее методологический статус. Остаются непроявленными онтологические идеи, положенные в основу модели рефлексии. Короче, «рефлексия» не рефлектирует себя и не знает своих границ – и в этом плане я вижу вторую причину той девальвации понятия о рефлексии и методологической концепции рефлексии, которая, хотим мы того или нет, характеризует современную ситуацию в области гуманитарных дисциплин. Кое-какие моменты я пытался выделить в своих предыдущих тезисах, но на двух аспектах следует остановиться и здесь.

5. Вводя схему «рефлексивного выхода», мы часто начинаем с одного действующего индивида, который из своей позиции и создает новую позицию; вместе с тем, мы можем рассматривать всю структуру, создающую взаимосвязь нескольких разных (как бы одновременно существующих и действующих) позиций. Это означает, что мы получаем две разные трактовки одной и той же схемы – процессуальную и структурную, а вместе с тем определенное соотношение и связь двух разных смыслов и содержаний: процесса рефлексивного развертывания деятельности и связей кооперации между двумя деятельностями, заданными отношением рефлексивного «поглощения». При этом можно, конечно, оставаться в рамках логики и методологии, понимая, что и первый, и второй смысл создается на моделях за счет разных интерпретаций «моментов» нашей собственной деятельности: процесса развертывания схемы и полученного продукта или структурного полагания готовой схемы. Но и то же время ясно, что развертывание деятельности ассоциируется именно с движением «человека» от одной позиции к другой – то, от чего мы хотели уйти.

Другие вопросы возникают при анализе «структуры» поглощения почему мы, собственно, представляем рефлексия как рефлексивный охват или ассимиляцию одной деятельности другой? Конечно, основанием для этого служит тот отчетливо выявляемый и подчеркиваемый всеми факт, что рефлексия направляется на конструктивные моменты прошлой деятельности и делает их своим предметом. Но все равно остаются вопросы что рефлексия делает своим предметом и как она это делает? И хотя мы считаем, что схема рефлексивного поглощения задает основную гипотезу и представляет собой «первое модельное определение рефлексии», мы все же склонны трактовать идею охвата как «рамку» и рассчитываем, что «внутри» будет идти дальнейший анализ и будут даны последующие определения.

При этом мы хорошо понимаем, что «переход на чужую позицию» или заимствование – это все пока лишь образ, притом – весьма неточный и расплывчатый. Конечно, существенный шаг был сделан в связи с трактовкой этих переходов как смены средств. Но тогда перейти на чужую позицию – это значит взять и использовать характерные для нее средства. Если человек (или исследователь) этими средствами не владеет, то и встать на соответствующую позицию не может – такой «канал» рефлексивного выхода, а значит и такой «канал» развертывания деятельности закрыт. Но ведь такая трактовка меняет смысл самой проблемы, ибо главным становится соотношение и объединение разных групп средств в процессах деятельности. Это меняет смысл и значение схем кооперации. Более того, рефлексия, представленная как выход и поглощение, лишь соотносит две группы средств и может ставить задачу связать их друг с другом. Конечно, находясь в позиции теоретика деятельности, мы знаем, что объектом рефлектирующей деятельности является деятельность первого индивида, и этим очерчены и заданы

границы возможных здесь предметов. Но как именно будет представлен этот объект, в виде каких предметов – это зависит опять от средств, которыми располагает рефлектирующая позиция. При этом может оказаться так, что представления и средства легко соединяются и соотносятся – но тогда не нужна рефлексия. Если же их нельзя соотносить в принципе, то рефлексии просто не может быть. Значит сама рефлексия заключается в установлении связи этой, т.е. в разработке места-средств, позволяющих ее установить, в создании таких средств, которые позволяют сплужить рефлексии.

Мы здесь выходим к тому, что свое разрешение рефлексия во всех случаях получает в мышлении, однако не ясно – что это «должно быть за «мышление». Если развертывание деятельности зависит от рефлексивного возврата, то главный вопрос – что приобретено за счет выхода, какие мыслительные средства и представления удалось «захватить» в мышлении и годятся ли они для развития мыследеятельности. Тем самым мы опять ставим рефлексии в контекст более широких процессов и должны рассматривать именно их. Апеллируя к мышлению, мы выходим к такому рода ситуации, где рефлексия уже по сути дела не нужна (во всяком случае в ее единственности и необходимости) тот же самый результат (как в плане синтеза средств, так и в плане развертывания мыследеятельности) может быть получен мышлением путем чисто конструктивного развертывания данных организованностей. И, наоборот, сама по себе рефлексия без этого конструктивного продолжения и завершения не дает необходимого результата и продукта. Этот ход можно развертывать двояко – с одной стороны, можно так и таким образом задавать саму развертывающуюся деятельность, чтобы все линии конструктивного преобразования были достаточно ясны. Если мы рассматриваем предметно организованную деятельность, то она имеет четко очерченную воронку возможных траекторий развертывания в соответствии со схемой предметной организации, с другой стороны, можно выделять особую мыслительную технику – аналога рефлексии, которая бы выполняла ее функции, оставаясь при этом мышлением.

Конечно, здесь возникают все те размышления об ограниченности такого рода конструктивного мышления. Техника проблематизации, претендуя на то, чтобы вытеснить рефлексии, выполняя ее функции, все же не может оставаться чистым мышлением; проблематизация предполагает моменты мыследействия и коммуникации. Значит, постулировав линию развертывания и конструктивного завершения рефлексии в мышлении, мы тем самым из узких рамок схем кооперации.

Можно двигаться и иначе. Мы можем, конечно, спросить, существуют ли такие организованности деятельности и такие процессы их изменения и развития, которые могут обеспечиваться только рефлексией и не могут быть обеспечены никакой конструктивной процедурой, но и здесь мы нарушаем принцип кооперации, ибо отказываем рефлектирующей деятельности в статусе деятельности, оставляем ее на уровне рефлексии.

6. Процедура т.н. рефлексивного «поглощения» задается относительно «актов» деятельности – как особый тип связи этих актов. Вроде бы, на первый взгляд, здесь не может идти речи о том, чтобы ассимилированные акты выступали в качестве объектов деятельности для ассимилирующих актов – это бы выводило нас за рамки рефлексивного мышления. Но тогда встает вопрос, почему мы задаем отношение рефлексивного поглощения, а не ставим эти акты рядом. Одним из конструктивных завершений рефлексии является сама теория деятельности и все представления об «акте деятельности»; исходя из разнообразных результатов рефлексии, следовало задать в онтологии теории деятельности такое «объективное» изображение, которое бы содержало в себе все возможности развертывания, задавая тем самым пределы рефлексии. Поскольку для ММК в тот момент все, что «существовало», существовало в деятельности, то нужно было задать схеме рефлексивного поглощения такую единицу, которая позволяла бы на следующих шагах задать как «существующий» объект любого знания. В этом пункте концепции рефлексии все еще сказывалась естественно-научная, теоретическая установка. Сейчас мы задаем схему «шага» или рефлексивного перехода, где «прошлое» и «бу-

дущее» заданы как «пустые места». Вместе с тем, можно было оставить в стороне исходное отношение «знание – объект знания» и считать, что знания не столько извлекаются из объекта, сколько разворачиваются из других знаний, и именно это разворачивание задает и создает рефлексивно охватываемые «объекты». Тогда рефлексия выступает как особое отношение между знаниями разного рода – знаниями об объекте деятельности и знаниями о самой деятельности. Здесь мы подошли к самому главному. Если теперь брать эту идею в качестве отправной точки, то вся проблема рефлексии может быть сведена к ряду простых положений и принципов:

1) Всегда, в любой деятельности мы должны фиксировать и знать, во-первых, объект деятельности, а во-вторых, саму деятельность – ее средства, операции, организацию и т.д.

2) Эта двойственная ориентация знаний обеспечивалась на первых порах (и впоследствии) сочетанием «прямого» и «рефлексивного» отношений; другими словами, функция и смысл рефлексии заключалась в том, чтобы добавить к «прямым» знаниям об объекте дать еще знания о деятельности.

3) После того, как были построены сложные системы гносеологических, эпистемологических и, наконец, теоретико-деятельностных знаний – сама рефлексия, ее механизм и продукты существенно изменились; она начинает сама подменяться особой системой теоретико-деятельностных знаний и процедурами ее разворачивания.

4) Этот момент не исключает рефлексии как таковую; он просто сдвигает ее: теперь основная задача состоит в том, чтобы в мышлении и через мышление «выбрать» из упомянутой системы необходимые знания о деятельности и связать их с соответствующими знаниями об объекте (или построить соответствующий объект). В рамках этого мышления, несущего рефлексивные функции, рефлексия как таковая играет вспомогательную и периферийную роль, хотя и может в определенных ситуациях становиться важной компонентой мыследеятельности. «Выбор» знания включает в себя по крайней мере два отчетливо разделенных момента: а) выбор языка и представлений и б) эмпирическую фиксацию ситуации; и то и другое нуждается в своем рефлексивном сопровождении.

Вместе с тем, указанное обстоятельство давно было осознано в ММК: по сути дела рефлексия как специфическая связь между знаниями об объекте и знаниями о деятельности была уже выделена и даже объявлена основным моментом методологического мышления. Как мы уже подчеркивали, за счет этого исследование рефлексии сразу же ставится в контекст исследования мышления, хотя и затрагивающих рефлексии. Одна из этих проблем – граница, разделяющая «объект деятельности» и «деятельность». Как только мы вводим теоретическое представление о деятельности, начинаем строить теорию деятельности и создаем для нее онтологию, так тотчас же методологическое мышление начинает осуществляться в форме теоретического, а соединение знаний о других элементах деятельности начинает осуществляться по объектным (онтологическим) схемам деятельности. Конечно, остается вопрос: всегда ли это возможно, и не хотим ли мы опять отнести рефлексии к той сфере, где это невозможно или неправомерно. Однако, если мы покидаем сферу деятельности (относительно которой бралась рефлексия) и выходим в сферу мышления, то здесь сам вопрос о рефлексии, ее месте и статусе нужно ставить особо. Исследование рефлексии здесь граничит с анализом онтологической работы, эпистемологии, знаний и логических норм (в широком смысле слова). Если мы обращаемся к сфере мышления, то нужно ответить: что делает рефлексия с объектом, со знанием и с логическими нормами, как она может в них отражаться или фиксироваться?

Идея деятельности состояла в том, что мы устанавливали две ортогональные плоскости: одна составляла плоскость объектов, другая – плоскость деятельности, в частности, кооперации. Тогда наличие этих двух плоскостей как бы замыкает, ограничивает все возможности рефлексии; цель и задача последней состоит в том, чтобы ставить в соответствие друг другу «точки» этих двух плоскостей. Конечно, это процедура двухсторонняя, и любую их из этих плоскостей мы можем развивать независимо от другой; важно только всегда устанавливать соответствие между ними. Но этот же принцип можно перевернуть: ведь вся эта система в целом, как мы пытались показать, есть формальное развитие – не только «узда» развития, но и система, имитирующая естественный процесс роста

деятельности. Если такая система «оборачивания» построена, то возникает связь двух процессов – естественного роста деятельности и искусственного методологического управления за счет методологического мышления – т.е. тот самый искусственно-естественный процесс развития. При этом рефлексия оказывается лишь частным фактором развития. Если же мы начинаем рассматривать сами процессы мышления, то основное внимание следует уделять процессам идеализации, схематизации, синтеза знаний и т.д. Здесь рефлексивность и рефлексия принимает другое обличье: она становится моментом понимания и схематизации смысла, моментом идеации – полагания смысла как идеального объекта особого рода, моментом интенциональности и отнесения смысла к разным объектам или системам объектов. Из всего этого, в частности, следует, что должна быть выработана типология форм существования рефлексии, учитывающая всю совокупность связей и отношений в мыследеятельности и траектории движения отдельных организованностей (знания, объекта и т.д.) в МД. Точно так же должен быть разработан особый метод генетического конструирования моделей, воспроизводящих последовательные формы рефлексии в их относительной целостности.

Модусы существования рефлексии многообразны; рефлексия составляет «эфир» для других процессов мыследеятельности. В то же время превращение рефлексии в механизм развития требует дополнительных формальных принципов, лежащих за рамками самой рефлексии – в особых способах организации мыследеятельности.

7. По сути дела, мы снова выходим к вопросу о том, чему принадлежит эффект рефлексии – к вопросу, который никогда не ставился в явном виде, хотя ответ на него всегда всегда предполагался. В философской традиции считалось, что рефлексия есть эффект сознания. И ММК (если следовать неопубликованным лекциям Г. П. Щедровицкого о пространстве методологического мышления в мае 1979 года) не спорит с такой постановкой вопроса и даже считает необходимым вернуться к ней – рассмотреть механизмы сознания и их роль для рефлексии. Вместе с тем, даже говоря о сознании, философы и психологи всегда подавали и трактовали эффект рефлексии как процессуальный; даже при отнесении его к сознанию за ним оставляли эту процессуальность и говорили о «процессе сознания» или «о процессе в сознании». Однако, на этом все заканчивалось, ибо как процессы сознания, так и процессы в сознании являются мистикой и недоступны исследователю – во всяком случае в своей процессуальности. Г.П. Щедровицкий и ММК пытались подойти к проблеме совершенно иначе. Рефлексия здесь трактовалась как эффект смены позиции или точки зрения, эффект перехода из одной позиции в другую – и именно в этом переходе заключалась процессуальность рефлексии, а сознание играло здесь иную роль. Сознание за счет своей инерционности, если хотите – непроцессуальности, или того, что принято обычно называть «памятью», «мнемой», обеспечивает связь, со-це-лостность и единство образов, полученных в этих двух позициях.

В результате Г. П. Щедровицкий получал возможность трактовать рефлексиию двояко – с одной стороны, как движение, как переход от первого образа или представления ко второму, с другой стороны – как особую связь, со-целостность и единство двух представлений, полученных в разных позициях или с разных точек зрения. Это была чисто объективная (и уже в силу этого естественная и естественническая) трактовка рефлексии, полученная, вроде бы, даже без всякого участия тех форм и способов изображения, которыми пользовался Г. П. Щедровицкий. Дальше можно было прибегнуть к структурным изображениям самих позиций или соответствующих им образов-представлений и утверждать, что категориальные характеристики выразительных средств соответствуют характеристикам описываемого объекта. Конечно же, это трактовалось как обоснование, повторяющее подлинный ход мысли в перевернутом виде. Если смотреть на проблему рефлексии с «высоты птичьего полета», то этим, по сути дела, новая категориальная трактовка рефлексии исчерпывалась, но чтобы привести новые схемы и представления методологической теории деятельности в соответствии с уже существующими в традиции содержательно-эмпирическими представлениями, нужно было ответить на

вопрос о критериях различия позиции или точек зрения и, соответственно, критериях различия тех образов-представлений, которые вырабатываются в этих позициях. Эта дополнительная характеристика рефлексии на первый взгляд даже кажется принципиально иной, нежели приведенная категориальная характеристика; если последняя представляется формальной и по сути дела неспецифической, то первая, наоборот, вроде бы схватывает уже существо дела (так, во всяком, случае может рассуждать предметно-ориентированное сознание). Но, во всех случаях, в этой установке бесспорно одно – традиционно понимаемая рефлексия уже, чем всякая связь различающихся между собой образов-представлений, а потому стоит указать какие-то дополнительные признаки, выделяющие «собственно рефлексивные отношения» из всех других. Так мог бы рассуждать Г. П. Щедровицкий – не знаю, рассуждал ли он так когда-нибудь.

Но тогда встает вопрос, где искать эти специфические признаки рефлексии. С одной стороны, в традиционных представлениях о ней, в тех культурных значениях и соотнесениях, которые связывались с этим словом в истории науки и философии. С другой стороны, не менее очевидно, что раз ММК задал рефлексии как переход с одной позиции на другую (и как связь образов-представлений, характерных для разных позиций), то эти специфические признаки должны быть такими, чтобы они подходили к общей категориальной схеме введенного представления о рефлексии и могли бы действительно характеризовать различие позиций. Если брать традицию, то разумнее поначалу обращаться к прямым определениям рефлексии – именно в них должны быть зафиксированы ее отличительные признаки: «поворот мысли или сознания к самому мыслящему Я», «обращение сознания на самое себя», «поворот в сторону Я» и т.д. Однако, нужно еще превратить это определение в характеристику самих позиций или отношения друг к другу, и лишь после того, как это сделано, может быть получено достаточно содержательное представление о рефлексии, снимающее в себе традиционные интерпретации ее. Другими словами, надо еще ответить на вопросы, что такое для данных схем и представлений то «Я», на которое происходит поворот «сознания», и в чем, собственно, состоит этот поворот. Именно так может быть поставлена проблема и задача, если подходить к рефлексии предельно узко и непосредственно.

Однако, уже сами используемые схемы многих связанных друг с другом позиций заставляют методологическую теорию деятельности значительно расширять вопрос: чем вообще характеризуются разные позиции? какие отношения могут устанавливаться между разными позициями? и т.д. и тогда вопрос о рефлексии (в узком смысле этого слова) оказывается лишь одним из многих вопросов, касающихся возможных видов и типов отношений, с одной стороны, между позициями, а с другой – между соответствующими им образами-представлениями. Но ведь тоже самое можно спросить и в другом порядке: сначала о возможных типах отношений между образами-представлениями (или, что тоже самое, между знаниями), а затем о типах соответствующих им отношений между позициями. Таким образом, методология и в этом вопросе приходит к характерной для нее постановке вопроса о структурах кооперации и отношениях между ними как средства анализа и объяснения различных знаний, их комбинаций и устанавливаемых (или складывающихся) между ними отношениях и связях. А проблема рефлексии оказывается лишь одним из моментов более широкой и общей проблемы: а) семиотического анализа смысловых структур; б) логико-эпистемологического анализа знаний; в) теоретико-деятельностного анализа позиций и отношений между ними – все три плана оказываются завязанными в один проблемный узел. Вместе с тем, анализ рефлексии как механизма развития предполагает движение в мета-слое, в ходе которого на каждый из названных планов анализа и на отношения между ними накладываются особые категориальные и логико-методологические ограничения. Вопрос о рефлексии ставится в рамках теории деятельности и решается с точностью до теории деятельности и теоретико-деятельностной эпистемологии плюс требования развития. То специфическое решение проблемы рефлексии, которое дает описание и анализ одного из многих отношений между позициями, складывающегося в деятельности, а вместе с тем, как одного из многих процессов развития деятельности.

8. Мы начали обсуждать и следующий шаг, который делает методология, приступая к анализу мышления (и, в частности, методологического мышления) в его отношениях к рефлексии. Здесь на передний план выходят вопросы эпистемологии, смысла и содержания, схематизации и т.д. при таком анализе нас уже не устраивают схемы деятельности – нам нужны специфические схемы мышления, относительно которых можно было бы задавать место и статус рефлексии.

Входя в сферу мышления, мы сталкиваемся с целым рядом проблем. В частности, рассматривая процессы идеализации и схематизации, нам нужно анализировать интенциональные и тенденциональные отношения, отношения подразумевания и отнесения. Здесь, конечно, можно спросить, в какой мере мы можем осознавать и фиксировать в качестве особого явления (и, тем более, трактовать в виде схем) – отнесение знаковой формы к «объекту», подразумевание «объекта», полагание «объекта» и т.д. Ясно, что для этого недостаточно постулировать факт деятельности, указать в нем «человека» с «таблом» сознания и знак «интенции». Может так оказаться, что для этого нужно иметь обязательно два изображения объекта, соотносить их друг с другом, а затем лишь переводить это отношение в план отношения «знания» и «объекта». Однако, чтобы перевести отношения двух знаковых форм в план отношения «знания» и «объекта», нужно уже иметь это отношение как общую форму, как схему. Значит, для анализа рефлексии и ее места в мышлении не хватает собственных схем мышления в отличие от деятельности.

Более того, теперь можно чуть иначе взглянуть на проблему рефлексии. Рефлексия есть универсальный коммутатор, но при этом она пространственна. Она устанавливает отношения в топике, но при этом сама топография должна быть задана. Там, где мы имеем такую топикую, там рефлексия обеспечена. Тогда на методологическую теорию деятельности нужно смотреть иначе. Сама идея позиции и позиционный анализ есть алфавит топикой деятельности. Дело не в том, что схема рефлексивного выхода задает дополнительное схемное содержание помимо исходных категориальных характеристик. Сами идеи «позиции» и «перехода» есть пространственные идеи, есть топография и топология теории деятельности. Те дополнительные пространственные отношения, которые мы устанавливаем привлекая, например, схемы «акта» деятельности, лишь конкретизируют пространство для рефлексии. Теория деятельности задает топикую деятельности и основание для того частного случая рефлексии, который возникает в деятельности и по поводу деятельности. Поверх исходных пространственных схем теории деятельности может возникать особое время. Временизация деятельности также тесно связана с рефлексией. Рефлексия задает темп мыследеятельности, но схемы деятельности, привносимые мышлением, обеспечивают интенсивность мыследеятельности.

Если с этой точки зрения взглянуть на исходное определение рефлексии в философской традиции, то мы опять увидим там те же базовые характеристики рефлексии. Идея поворота сознания, идея «Я» суть топические, пространственные идеи. Английский эмпиризм, французский рационализм, немецкий классический идеализм закладывали основы анализа сознания как особого пространства. В этом контексте могут быть поняты и идеи апперцепции, и идеи бессознательного. И, кстати, в меру того, что удалось определить топикую сознания, уровни сознания, «этажи», состояния сознания и т.д., рефлексия получила статус процессуальности, отвечая на перевод, перебор представлений из одного уровня сознания в другой. «Я» есть «топ», точно также как «ясное» сознание или вторичные «представления». Заданность топикой сознания и здесь оказывалась существенной предпосылкой работы рефлексии.

Однако, если топика сознания и топика деятельности нам была как-то задана и описана, то этого нельзя сказать о топике мышления. Если топика развивающейся деятельности – суть схема ортогональной организации пространства – и рефлексия как механизм развития отвечает за перебор представлений с одной орты на другую, за установление отношений в ортогональном пространстве, то топика мышления еще не прояснена – и уже в силу этого мы не можем анализировать роль и место

рефлексии в сфере мышления. Может быть опять начать строить операционно-мыслительные ряды, где рефлексия играет роль сверхлогического коммутатора? По сути дела, участь рефлексии не завидна. Она всегда опирается на топику деятельности или мышления, связывая и соотнося разнородное, — но если такая топика установлена, то рефлексия все более и более вытесняется мышлением, логическими операциями и процедурами и т.д. Рефлексия опирается на топику, но топика вытесняет рефлексия. Эфир МД вычерчивается более сложными формами организации МД. Однако, рефлексия всегда сохранит свой статус в МД. Понимание несет смысл, а вот закрепление этого смысла — задача рефлексии. Топика формируется в мышлении и за счёт мышления, но полагание топики, удержание ее и перенос смысла и содержания из одного «клокуса» пространства в другой — удел рефлексии. Каждый процесс деятельности или мышления как бы пронизывается рефлексией, она сопровождает все движения в МД. Чем более сложным является МД процесс, тем больше «вес» рефлексии, тем больше она должна контролировать и удерживать.

Именно поэтому, говоря о развитии МД, мы уделяем столь большое внимание процессам рефлексии. Именно поэтому в меру того, что ОД-игра представляет собой практику развития МД, мы отдаем в ней такую большую дань рефлексии.

Часть 2.

Идея рефлексии изложенная в самых общих чертах

1. Рефлексия, оставляя в стороне всякое частное и конкретное определение, находит свое безусловное основание в традиции и практике рефлексирования. Само это суждение, как всякая попытка сделать "рефлексию" понимаемым и в пределе понятием предметом обговаривания и мысли, вводит нас в сферу рефлексии. С этого момента мы "рефлексию" понимаем и "рефлексию" рефлектируем в соответствии с принципиальной традицией понимания и рефлексии; мы подчиняемся установившейся практике рефлексирования, ускоренной в формах языка и риторики. Вопрос о том, может ли практикуемая рефлексия выйти за рамки предзаданных форм рефлексирования, есть вопрос о социокультурных границах, очерченных тем или иным типом (архетипом) МД и вместе с тем вопрос о рефлексивной мощности этого типа МД.

Использованная выше грамматическая и риторическая фигура свидетельствует о способе нашего рефлексивного самоопределения. Понятие о МД для данного контекста является предельным. Вводимые систематипологические характеристики МД могут определяться с точки зрения их реальной задействованности; другими словами, они отображают практику осуществляемой МД и вне этой практики лишены элементарного смыслового и содержательного контекста. Неявно МД понимается исторически, и именно история служит рефлексивным пространством, допускающим объективацию представлений о МД. Наличие такого пространства позволяет нам говорить о МД и предельным считать понятие о МД, а не понятие МД, которое в этом случае удерживается в снятом виде и составляет базовое содержание понятия, принятого предельным.

Настоящий опыт анализа рефлексии осуществляется, таким образом, в установленных горизонтах МД-подхода и МД-формации методологического мышления.

2. Здесь, однако, следует спросить, в каком смысле наше самоопределение рефлексивно. Оно рефлексивно потому, что осуществляется в рефлексии и за счет рефлексии» как некоего естественного механизма размышления и рассуждения. Но рефлектируется ли при этом сама работа рефлексии?

Мы несомненно пользуемся синонимическими и метанимическими возможностями языка, осуществляя такую псевдопроблематизацию. Однако нельзя обсуждать этот вопрос в чисто естественной модальности; нельзя говорить, что те или иные выражения речи синонимичны. Можно говорить лишь об установлении синонимии, о производстве синонимизации.

В то же время мы устанавливаем "фокус" отождествления или разотождествления смыслов не непосредственно, а всегда опосредованно,

например, в отношении к объекту, в который они (смыслы) должны быть вложены, оставаясь при этом разными смыслами. Мы строим свое движение на различии своего рода "экстенционалов" и "интенционалов", производим то смысловые противопоставления за счет различия векторов-интенций и перспективы, то отождествления за счет отнесения к одному оптическому объекту (либо к рамке общей МД).

Но тогда, двигаясь в плане смыслового противопоставления и различая "рефлексию" как своего рода естественный механизм мышления и мысли-речи при самоопределении и "рефлексию" как искусственную работу, произвольно направляемую на те или иные аспекты МД, мы волей-неволей выделяем "рефлексию" как особый онтический объект. Мы тем самым полагаем "рефлексию" как некоторую реалию, которая существует в МД - в противоположность той идеальной действительности, которую мы можем сконструировать.

Вместе с тем мы вступаем на путь анализа "рефлексии", и складывающуюся аналитику, все ходы и повороты осуществляемого рефлексивного и мыслительного движения следует считать "протокольными" - с точки зрения демонстрации (практики) и описания (дескрипции) определенных фигур рефлексирования. Мы рефлекслируем "рефлексию"; точнее, мы рефлекслируем само рефлексирование, выделяя условия нашего рефлексирования и специфические характеристики "рефлексии" как содержания рефлексии.

3. Однако такой способ нашего рефлексивного самоопределения открывает нам и один из основных парадоксов нашего мышления, который при реализации наивно объективирующей точки зрения может быть приписан "рефлексии". Рефлекслирующая инстанция, как бы мы ее ни определяли, не знает, что такое рефлексия и какова она. Рефлексия практикуется и осуществляется во многом не рефлексивно. В плане мысли-коммуникации рефлексия существует как особая реалия МД и особый онтический объект. Но если мы хотим получить знание о "рефлексии", если мы спрашиваем: какая есть "рефлексия"? - и обращаемся к практике рефлексирования, то ответ требует и определенности, создаваемой лишь метаинстанцией. Ответ требует размышления, но обязательно как метамышление; вместе с тем мы начинаем оформлять то, что было "как рефлексия" за счет тех или иных мыслительных форм. Мы отвечаем не в пространстве рефлексии и ее имманентных процессов, а в действительности той формы (мыслительной, коммуникативной или понимающей), которую мы наложили на рефлексию в ходе размышления.

Это, таким образом, вопрос о способах и методах рассмотрения и трактовки "рефлексии". Тайна "рефлексии" - в тех функциях, которые она обеспечивает в МД. Если же мы начинаем анализировать и обсуждать, за счет чего и как реализуются эти функции, то "рефлексия" ускользает. Мы упускаем ее абстрактные характеристики, и в руках у нас остаются лишь рефлексивные функции разных типов понимания, мышления и действия. Эти исторически и ситуативно определенные понимание и мышление сохраняют свои метарефлексивные функции в МД, но за счет своей собственной организации выталкивают, вытесняют естественную, не организованную рефлексию. Рефлексия не имеет своих имманентных форм.

Могут возразить, что временность есть такая собственная форма рефлексии. Это не так: историческое мышление заменяет и вытесняет рефлексию; прямое понимание фактов прошлого и настоящего уступает место рефлекслирующему мышлению, устанавливающему временной характер событий -неважно, имеем ли мы дело с формами конкретного членения или с самим фактом члененности на состояния "прошлого", "будущего" и настоящего.

Значит, смешение бытия чистой рефлексии и многообразных форм ее осуществления есть принцип всякой рефлекслирующей инстанции. Как же может быть в этой ситуации организовано наше актуальное мышление "рефлексии", каковы способы задания "рефлексии", если она не имеет своих имманентных форм организации? Как задать действительность "рефлексии", если она не дана рефлекслирующей инстанции?

Можем ли мы с самого начала рассматривать "рефлексию" как организованное и оформленное? Это – принципиальный отказ от описания "рефлексии в себе", или чистой рефлексии; мы должны признать, что "рефлексия" не тождественна оформлению, и оформление не тождественно "рефлексии". И любую форму организации мы должны рассматривать как нечто "внешнее", проистекающее не из "природы" процесса "рефлексии". Это вместе с тем правило мышления, эксплуатирующего категории "форма – содержание".

Мы возвращаемся тем самым к процессу самоопределения. Первой очевидной формой бытия "рефлексии" есть бытие через самовыполнение. Самовыполнение (практика рефлексирования) сопряжена с оформлением: в этом плане вообще нет рефлексии как таковой, а есть только те или иные типы употребления рефлексии в МД, те или иные способы "поворачивания" ее. Мышление "рефлексии" требует от нас анализа способов "успокоения", способов снятия и завершения рефлексирования. Тогда успокоение "рефлексии" в онтологии философского знания или в онтологии эпистемологического знания (знания о разуме) – это совсем иная рефлексия, чем успокаивающаяся в тех или иных предметных структурах. Следовательно, чтобы представить "рефлексию" как мыслимую целостность, мы должны включить ее в какой-либо мыследеятельностный процесс или дополнить ее соответствующей конструктивной процедурой. Поэтому и типология рефлексии возможна только как типология ее конструктивных, действенных продолжений. Это – бытие организованной рефлексии.

Можем ли мы на этом остановиться в развитии нашего понимания? Должны ли мы признать необходимым тот факт опыта, что на уровне рефлектирующей инстанции (как бы мы ее ни определили) будут фиксироваться лишь феноменальные факты разных форм МД, несущих на себе рефлексивные функции и рефлексивную нагрузку, тот факт, что мы будем всегда оставаться в формах нерефлексии и выдавать их за рефлексию? И можем даже открыть дискуссию по вопросу о том, является ли "рефлексия" по преимуществу мыслительной или герменевтической работой.

"Рефлексия" существует в знании о ней; мы можем фиксировать и описать ее как внешне данный объект. Но тогда мы обязаны определить рамки предметности. Вместе с тем мы можем помыслить "чистую рефлексию" конструктивно, увидеть возможность "рефлексии" раньше самого рефлексирования через схему.

4. Поднятый круг вопросов оставался бы принципиально неполным с точки зрения принципов МД-подхода вне обсуждения того, что рефлектируется. Рассмотрение абстрактного процесса рефлексии и фиксация рассмотренного в содержании понятия должны быть дополнены представлением содержания рефлексии. Тип рефлексии и рефлексирования, форма рефлексии зависят от того, что рефлектируется; каждый тип рефлексивных содержаний требует своей определенной формы организации рефлексии, другими словами, "что" я рефлектирую и "как" я это делаю, какая при этом есть (должна быть) форма организации. Может сложиться иллюзия произвольности и свободы рефлексирования. Анализ "рефлексии" с точки зрения ее содержания, направленности и возможных форм осуществления дает обширное поле для экспансии типологического подхода. Однако типологический энтузиазм, выявляя типы рефлексирования, не гарантирует (и не предназначен к этому) практики рефлексии. Ее еще надо реализовать.

Рефлектируется то, что рефлектируется; это определено социокультурными и культурно-историческими составляющими ситуации – тем, что мы назвали традициями и практикой рефлексирования. Они вместе с тем оформляются и отправляются не на пустом месте, отражая практику МД в целом. Формация и тип МД устанавливают, "что" рефлектируется и "как" рефлектируется тот или иной тип содержания. Устанавливается и система "запретов": выявляется то, что не рефлектируется ни при каких обстоятельствах, и то, как не следует рефлексировать. Формы рефлексирования и рефлекслируемое во многом предзаданы. Традиция и практика рефлексирования есть существенный канал консервации и воспроизводства самой формации МД, даже в том случае, если внутри этой формации выдвигается претензия на развитие.

5. Вступая в сферу анализа предзаданности рефлексии и форм рефлексирования, мы прежде всего должны обратиться к самим представлениям о "рефлексии". Ясно, что актуальная рефлексия коммутирована со знанием о "рефлексии" и содержанием этого знания; подвижность и мобильность рефлексии во многом связана наличными представлениями и схемой рефлексии.

Установление способа рефлексирования и превращение его в императив есть вместе с тем очерчивание, определение исторического типа и формации МД. Направление внимания к практикуемым способам рефлексии и формирование императива есть особая характеристика самой формации МД, степени ее имманентной освоенности и перспектив. Представления о рефлексии (какими бы удивительными, с нашей определенной точки зрения, они ни казались), нормы и схемы рефлексирования могут рассматриваться лишь исторически, в структурах функционирования и развития, в циклах жизни тех или иных МД-формаций. Укоренение соответствующей модельной и технической схемы рефлексии есть своего рода итог, способ "окукливания" и рефлексивного замыкания сферы, типа, формации МД.

Мы будем говорить о рефлексивно "открытых" формациях. В императиве рефлексирования находят свое предельное выражение все принципы, все установки и все программы данной формации. Идея рефлексии и схема рефлексирования отражают границы и допустимые пределы авторефлексии; и наоборот, формы авторефлексии координируют с идейной и мыследеятельностной базой представлений о "рефлексии".

Существующий императив "рефлексии" и формы отношения к нему, в частности способы задействования в МД, являются не только культурно-исторической характеристикой МД, но и социокультурной; мы будем говорить о мощности (рефлексивной мощности) рассматриваемой формации (типа) в том случае, если в практике рефлексирования задействован ряд схем и императивов.

6. Итак, актуально осуществляемая рефлексия во многом предзадана, в том числе наличными представлениями о "рефлексии" и способами их задействования. Мы вынуждены обращаться к распространенным представлениям и производить своего рода инвентаризацию, типизацию и схематизацию этих представлений. Несомненно такая работа предполагает имманентную оформленность норм и схем рефлексирования; анализ реальной практики рефлексирования, для которой такая первичная схематизация и выделение императива еще не произведена, требует совершенно иного подхода и является предметом отдельного обсуждения.

Вместе с тем обращение к наличным представлениям о "рефлексии" подчинено задачам реинтерпретации этих представлений; мы не предполагаем проводить ни исторического обзора, ни герменевтического восстановления ситуации возникновения и оформления типизируемых схем.

Мы сегодня находимся в ситуации существенной девальвации понятия "рефлексии", обусловленной как широким распространением этого понятия в областях и сферах, не имеющих непосредственной практики рефлексирования, так и формами использования этого понятия в тех зонах, где рефлексия осуществляется и является фактом МД и опыта. Первая группа ситуаций может иметь в качестве модели интерпретации известную басню про мартышку и очки, купленные по случаю, и в силу этого не требует сколько-нибудь углубленной характеристики. Вторая группа ситуаций должна быть рассмотрена типологически.

Производя особую генетическую и структурную редукцию, можно сказать, что принципиальная способность человека видеть и понимать предметы окружающего мира, с одной стороны, а с другой стороны, одновременно мыслить и осознавать самого себя, мыслящего и воспроизводящего окружающие предметы, - эта способность, а также наличие двух процедур и их одновременное осуществление были осознаны и выступили как факт, свидетельствующий о существовании рефлексии. Однако развернутые вокруг этого факта способы интерпретации, установления сути рефлексии и характера рефлексирющей инстанции многообразны и противоречивы. Факт осознания и непосредственного опыта представал то как факт познания, то как факт сознания, знания, деятельности, мышления, коммуникации.

В то же время рефлексия как всякое И/Е-образование не только не рассматривалась с разных сторон, но и разворачивалась реально практически в разных направлениях соответственно тому, как она представлялась.

Можно выделить несколько основных способов и направлений понимания и трактовки "рефлексии".

а) Рефлексия может рассматриваться как естественный механизм МД (в усеченных случаях: мышления, деятельности, "интеллигенции" и т. д.). Понимаемая таким образом рефлексия "захватывает" различные организованности МД и приводит их в движение. Базовым является понятие "механизм", которое противопоставляется понятию "процесс" или понятию "преобразование" некоторых организованностей (объектов). В понятие механизма неявно входит признак "скрытости" или "завуалированности": видим ли мы сам процесс или результаты преобразований, которые можем фиксировать и описать в определенной форме, а "механизм" еще должен быть выявлен и реконструирован. Важно, что в такой трактовке "рефлексия" не обладает содержательностью, а выступает как общее и формальное условие разнообразных содержательных преобразований. В рамках такого подхода можно было задать "рефлексию" как логический, в пределе, механизм, в его общих характеристиках, не обсуждая вопроса, что именно и во что преобразуется. Понятие "рефлексия" выступало как форма, инвариант особого рода по отношению к меняющимся содержаниям преобразования или процесса.

б) Рефлексия может рассматриваться как характеристика некоторых продуктов мыслительной работы, понимания или действия. Мы говорим, что некоторые знания, представления или структуры деятельности являются "рефлексивными", фиксируя тем самым, что они получены путем рефлексии или того, что мы называем осознанием. В этом контексте рефлексивные знания противопоставляются непосредственным. Приводя в качестве примера высказывания типа: "Я думал, что он думает, что он уехал", считают, что оно выражает особое рефлексивное содержание в отличие от непосредственного содержания "он уехал". Важно, что в такой трактовке остаются не достаточно выявленными основания, по которым предполагается, что это - особое рефлексивное содержание; неясно также, что именно в этом содержании является рефлексивным и составляет рефлексию. Очевидно, что если в этой характеристике фиксируется способ получения этого знания или представления, то необходимо проводить эпистемологический анализ способов получения других содержаний, которые считаются непосредственными. Может оказаться, что и они получены за счет рефлексивных механизмов, но сами эти механизмы скрыты и не проявляются феноменально. В этом плане второе направление трактовки рефлексии ограничено проработанностью и оформленностью представлений о "рефлексии" в контексте первого из названных направлений.

в) Рефлексия может рассматриваться как предмет описания и анализа в рамках теоретического (уже - научно-теоретического) подхода. Чтобы рассматривать рефлексию как действительность и объект научного знания, необходимо определить рамки предметности и развернуть все необходимые составляющие этого типа предметной организации. Одной из первых характеристик такого рода работы служит появление моделей, модельных изображений и схем идеальных объектов; ясно также, что модели рефлексии, разворачиваемые в рамках теории деятельности, теории мышления, теории групповых взаимодействий или теории конфликта, будут существенно отличаться друг от друга. Вместе с тем будут отличаться и проблемы данного предмета, и "банки" феноменальных, эмпирических и экспериментальных данных.

г) Рефлексия может рассматриваться как предмет логической, технической и технологической нормировки. Мы сегодня понимаем, что всякий описательный подход в гуманитарных науках содержит в неявной форме определенную техническую компоненту; модели "рефлексии", создаваемые для целей и задач научного описания и исследования, достаточно легко перерастают в организованные и технические схемы рефлектирования. В то же время развитие разнообразных технических подходов выдвигает ряд собственно технических инициатив освоения рефлексии, не связанных с научными и квазинаучными описаниями. Это направление артификации и

оискусствления рефлексии за счет поиска, выращивания и конструирования новых форм рефлектирования должно быть признано наиболее перспективным. Рефлексия модальна, и модусы рефлектирования могут и должны быть выявлены.

7. Претензии мыслительного, понимающего и МД-освоения рефлексии, как мы это пытались показать, сталкиваются с существенными трудностями; основания этих трудностей лежат в области распространенных привычек и догм языка и мышления. Однако выделение такого рода стереотипов понимания и мышления и даже критика их не гарантируют ни дескриптивного, ни технического освоения "рефлексии".

Мы можем зафиксировать, что абстрактная рефлексия вообще не может быть целостным предметом изучения, а доподлинная – встроенная в структуры МД и связанная с теми или иными конструктивными продолжениями – должна рассматриваться типологически.

Мы можем указать на то, что оформление и выделение "рефлексии", описание ее и построение нормы рефлектирования требуют описания и нормирования всего, более широкого целого мышления и МД, взятых не только и не столько в своих структурных характеристиках, но и процессуально.

Мы можем отмечать факт множественности форм организации рефлексии и множественности способов осуществления рефлексии в МД. Мы можем, наконец, встать на позиции своего рода гносеологического нигилизма и утверждать, что реффлексию в принципе нельзя изучать; ее можно только осуществлять и демонстрировать.

Самоопределяясь в рамках МД-подхода и претендуя на культурно-историческое осмысление феномена рефлексии и разных модусов рефлектирования, мы прежде всего вынуждены в своей рефлексии и своем мышлении разделять:

- а) абстрактный процесс рефлексии как таковой, или чистой рефлексии (в анализе которого нельзя спрашивать "что" и "как" рефлектируется);
- б) культурно-исторические и социокультурные формы организации рефлексии;
- в) рефлектируемое содержание и способы его данности (представления).

8. Итак, в чем суть чистой рефлексии и что есть рефлексия как таковая? Выделение первой, абстрактной сущностной характеристики рефлексии является чрезвычайной задачей, ибо требует выхода за границы языка; это вытекает из проделанного рассуждения. Если такой выход не осуществлен, то мы вынуждены либо: а) сознательно обращаться к тем или иным абстрактным модельным характеристикам и тем самым характеризовать не чистую реффлексию, а тот или иной тип рефлексии в той или иной МД-формации, б) нерефлексивно использовать такие частные характеристики рефлексии, укорененные в языке, как характеристики рефлексии как таковой.

Чистая рефлексия является универсальным коммутатором, и суть рефлектирования состоит в коммутировании.

Задав таким образом первую абстрактную характеристику, мы предполагаем рассматривать такие процессы, как сравнение и сопоставление (так называемую "логическую реффлексию"), установление отношений, отождествление и различение, соположение и отнесение, рефлексивный выход и поглощение, трансляцию, осознание – как частные и специфические формы и виды коммутирования рефлексии в МД.

9. Граничным условием коммутирования является данность коммутируемого. Привлекая понятие "данность", следует оговорить способ его использования в настоящем контексте. В философской традиции понятие "данность" тесно связано с концентрианизмом вообще и распространенными в настоящее время способами интерпретации как самого понятия "сознание", так и места, роли и функции сознания и работы сознания в жизнедеятельности и МД человека. Не будет преувеличением утверждать, что такой подход трактует "данность" как данность-в-сознании; возникают и формируются вспомогательные представления о "непосредственной данности" (например, переживания) и о медиации,

опосредовании данности за счет тех или иных культурно-исторических и социокультурных форм.

Однако такой подход, как мы уже отмечали, в принципе не позволяет рассматривать ни чистую рефлексию, ни формы ее МД-организации. На уровне сознания (даже если мы говорим о сознании трансцендентального или гносеологического субъекта) данность есть смысл; рефлексия здесь всегда будет смешиваться с пониманием, а понимание с рефлексией.

Вводя представление о данности коммутируемого, как условия коммутирования рефлексии, мы принципиально меняем как контекст употребления (использования) понятия, так и его базовое содержание. Данность является организованностью, или, точнее, организованностью эквивалентом тематизации (хотя может также рассматриваться как результат тематизации). Реализация тематизации в имманентных формах является чисто рефлексивной процедурой; она может быть названа также логико-риторической тематизацией, а формой ее фиксации будет тема. Реализация тематизации в формах тематического анализа будет рефлексивно-мыслительной процедурой; она может быть названа гипотетической тематизацией, а соответствующая форма фиксации – тематизмом. Реализация тематизации как тематического синтеза является рефлексивно-понимающей процедурой; мы называем ее фундаментальной тематизацией, а форму фиксации – рамкой. Мыследействительным коррелятом тематизации или ее трансцендентной формой будет являться анализ ситуации, а формой фиксации – сюжет.

Первичная характеристика форм тематизации, намеченная нами, позволяет осуществить выделение двух предельных типов данности: первый тип условно может быть назван условной данностью или схватываемостью; второй – безусловной данностью или представленностью. Тогда тематизация, ориентированная на предельные формы условной данности, будет выражаться в номинации, а тематизация, ориентированная на формы безусловной данности, будет выражаться в схемах объекта.

Наметив таким образом реализационные формы тематизации как процесса в МД, мы получаем возможность связать тематизацию и "данность", осуществить принципиальное ориентирование понятия "данность" относительно нового контекста и новых категорий. Введение понятия "данность" в логико-методологический и МД-контекст есть вместе с тем задание несущих конструкций нового содержания.

Граничными условиями коммутирования рефлексии оказываются схватываемость (как условная данность рефлектируемого) и представленность (как безусловная данность). Другими словами, данность может быть задана (и тогда рефлексия осуществляется прежде всего в формах мышления), а может формироваться и выращиваться за счет тематизации и использования как бы естественных возможностей речи-языка, за счет построения новых слов и заимствования новых терминов. При этом понятия и категории, как формы данности, несут на себе латентную функцию объективации. Усвоение через рефлексию новых слов и новых терминов, вплоть до придания им статуса понятий и эксплуатации в рамках взаимопонимающей коммуникации, оказывается связанным с принципиальным переходом от условной данности к тем или иным формам представленности.

Рефлектируемость, таким образом, состоит в актуальной схваченности и представленности (в пределе – объективированности) и в потенциальной схватываемости и представимости.

10. Рефлексия, как возможное и актуальное коммутирование, оказывается теснейшим образом связанной с наличными онтологическими представлениями и онтологией как таковой. Представленность и представимость (как модальные характеристики безусловной данности) оказываются вместе с тем новыми характеристиками МД-формации, ее оптических и объективирующих потенций.

Представимость того или иного типа данности (а значит, и определенного типа содержания) есть характеристика используемой категориальной парадигмы, онтологии и ее внутренних возможностей. Мы можем переводить позитивное определение в отрицательное: в пределах данной (той или иной) онтологии такой-то тип данности (содержания) не представим.

Тогда виды и формы коммутирования (а значит, и типы рефлексии) могут быть определены только относительно конструктивного и оперативного развертывания онтологии (схем объекта). Другими словами, то, что мы называем коммутированием-рефлексией, есть лишь определенный принцип конструктивного развертывания объектов, представленных онтологически.

Вместе с тем мы получаем возможность определить условия усложнений и детализации форм коммутирования; на первый взгляд изменение структур и форм коммутирования может происходить сколь угодно дифференцирование вплоть до чрезвычайных рангов рефлексии. Однако, если приглядеться внимательнее к процессам тематизации и усложняющимся формам данности коммутируемого содержания, окажется, что рефлексия целиком и полностью определена представленностью и способами развертывания онтологических картин; мы мыслим рефлексия в знании относительно изменения этих объектных конструкций, и так называемые уровни и ранги рефлексии фиксируют не что иное, как тип изменения этих объектных конструкций.

Однако рефлексия не только сопряжена с объективацией и связана наличной онтологией – рефлексия есть как бы эпицентр объективации, агент объективирующего энтузиазма в МД. Осуществление и развертывание рефлексии требуют текущего представления того, что рефлектируется в особых формах; рефлексия вызывает конструктивную, мыслительную инициативу. Этот феномен зачастую приводит исследователей рефлексии к выводу, что именно рефлексия создает идеальные объекты, схемы и онтологические представления. Рефлексия тем самым смешивается с мышлением, а мышление с рефлексией.

Мы подчеркиваем совершенно иной аспект участия рефлексии в процессах представления, онтологизации и объективации: рефлексия не создает онтологии, но она подготавливает место для тех или иных форм данности (в том числе и для схем объекта, трактуемых онтологически). Рефлексия – в силу внутренней имманентной необходимости самовыполнения, в силу практики и правил рефлектирования, в силу вынужденного поворачивания и направления ее на те или иные аспекты и моменты МД – творит своего рода топик, исходное пространство для коммутирования. Это – пространство для соположения и соотношения коммутируемого и рефлектируемого, различных форм данности и представленности. Это, тем самым, пространство рефлексии.

11. Рефлексия пространственна, однако это пространство неоднородно. В рамках данного пространства "плавают" различные МД-образования и организованности, своего рода "блоки", имеющие разный статус данности и представленности, а следовательно, и разную степень включенности в процессы и структуры коммутирования. Рефлексия как бы "обтекает" с разных сторон эти блоки, захватывая те или иные и создавая композицию блоков либо проникая внутрь того или иного блока, реорганизуясь в соответствии с его внутренним строением.

Пространство рефлексии определено прежде всего тем, что входит в это пространство, его составом. Обвод пространства есть граница рефлексии, а значит и граница существующего для данной рефлексии; это своего рода универсум. На уровне состава все данности заданы без учета характера и формы их схватываемости и представленности.

Неоднородность, гетерогенность пространства рефлексии обусловлена не столько различиями в формах данности коммутируемого содержания, сколько отношениями между данностями, связями блоков в композициях и композиций между собой (образующих внутреннее членение на подпространство). Пространство задается отношениями в его топике; пространство рефлексии определено его топологией.

Однако топология не является уже собственной характеристикой пространства. Совокупность блоков, "плавающих" в пространстве рефлексии, задает полный набор тех МД-образований, которые рефлектируются и могут быть использованы (по-разному и в разных связях) данной рефлексией, или, точнее, рефлексией, протекающей и ограниченной наменным пространством. Теперь в рамках этого пространства начинается особый МД- или мыслительный процесс и передвижение. Это передвижение связано с переносом, транслокацией, связыванием, соотношением, сравнением и

сопоставлением, соединением разнородного и нахождением общего, сопологанием, погружением и вхождением внутрь.

Рефлексия может двигаться вверх и над, коммутируя те или иные данности, может стимулировать, имитировать и воспроизводить МД как таковую. В этом случае она входит в выбранный блок, ядерную композицию блоков и начинает жить по правилам и в соответствии с порядком этого блока; это будет уже автономное представительство этой МД внутри рефлексии и пространства рефлексии.

Эта складывающаяся соорганизация (а следовательно, и топология) будет тогда задаваться не чисто тематически, но целевым образом; она определяется рефлексивным процессом, который стягивает и объединяет все необходимые (в границах наличного состава) образования. При этом могут происходить разные фокусировки и центрации в пространстве; одни блоки становятся ведущими, другие - вторичными и обслуживающими.

Пространство как состав будет оставаться одним и тем же, а пространство как топология будет изменяться и функционализироваться телеологично. Пространство как состав не имеет мерности; оно гетерогенно и гетерархично-вано в силу множественности форм данности и многообразия видов и типов потенциального коммутирования. Пространство как топология характеризуется введением определенных отношений, особым типом замыкания пространства. Выделение центральной, ядерной для данного пространства композиции блоков предполагает наличие целевых процессуальных регулятивов рефлексирования; это - направленность рефлексии.

12. Рефлексия - направлена, и эта направленность отражает определенные тенденции и векторы освоения и организации МД. Направление рефлексии лежит не в тех процедурах, за счет которых рефлексия стягивает и соорганизует различные МД-образования. Рефлексия это процесс. Процесс беззаконный (ибо рефлексия обладает множеством законов соответственно тому, что она рефлектирует), но направленный. Точнее было бы сказать, что направленность рефлексии отражает не столько процесс рефлексирования, сколько процессуальную развертку функций рефлексии в МД.

Рефлексия не просто коммутирует - это коммутирование подчинено кинетике МД, направлению МД, а вместе с тем определенным тенденциям и перспективам развертывания МД. Это - коммутирование для развертывания, и уже в силу этого "схватывание" и "представимость" также должны пониматься как моменты развертывания. Схема рефлексии фиксируют те исторические процессы, которые на данном этапе признаны ведущими. В этом - культурно-исторический смысл принятого императива рефлексирования. Укоренение данного императива свидетельствует не столько моменты "империалистического захвата" тем или иным мышлением, так или иначе организованным мыслительным конструированием рефлексивного пространства; это прежде всего установление определенных тенденций разворачивания МД. Вместе с тем рефлексия выступает как механизм развертывания МД и в пределе как механизм развития последней. Другими словами, мы должны говорить о процессах коммутирования, на которые наложена функциональная зависимость "быть механизмом развертывания и развития МД".

13. Как пространственная, рефлексия интенциональна, как направленная - тенденциональна.

14. Ограниченное пространство задает все существующее. Введение направления и развертывания МД, указание на исторические тенденции предполагают работу с открытыми пространствами. Идея развертывания предполагает установление активного агента, источника развертывания и развития МД. В рамках обсуждения рефлексии этот вопрос выступает как проблема выделения рефлектирующей инстанции. Ясно, что вопрос о рефлектирующей инстанции означает переход к анализу превращенных форм существования рефлексии. В рамках проводимого рассуждения он может быть снят за счет апелляции к "эфиру" рефлексии; конечно, вторично этот эфир может конденсироваться на тех или иных организованностях МД. Однако материализация рефлектирующей инстанции выступает не столько как результат трактовки рефлексии как таковой, сколько как продукт осмысления и описания процессов развертывания деятельности.

Развертывание МД не может быть признано исключительным достоянием рефлексии. Мы должны признать, что развитие МД имеет множество источников и движущих сил, значит, должна быть задана онтология развития. Выделение естественных и искусственных компонентов процесса развития выступает как требование самой категории развития. В онтологии искусственная составляющая развития может получить характеристику активного агента или источника преобразования в противоположность естественному превращению. Перенос категориальных и онтологических характеристик развития на "рефлексию" как один из механизмов развития выражается в ложном представлении самой рефлексии.

Другими словами, идея рефлектирующей инстанции есть несобственная характеристика рефлексии. Вместе с тем интенциональность и тенденциозность рефлексии получают свою вторичную эксплуатацию. Рефлексия обретает свой источник и своего носителя. Однако в дальнейшем трактовка рефлексии как эфира и трактовка ее как эманации той или иной рефлектирующей инстанции будут постоянно сталкиваться и пересекаться, порождая целый класс специфических парадоксов рефлексии.

15. Действительность рефлексии первоначально обусловлена двумя сопряженными представлениями данности. Несомненно, предметом следующей рефлексии может стать само отношение инстанции в ее конкретизированной форме к "предмету", к данности, или отношение разных представлений к данности или друг к другу. Однако условием рефлексии и в этом случае остается "схваченность" и "представленность", а в пределе - объективация самой инстанции и представлений, возникающих в ней. Другими словами, объективирующий энтузиазм распространяется на рефлектирующую инстанцию, а значит - на активного агента и источники развертывания МД.

Может быть выдвинуто возражение: в том случае, когда мы в качестве рефлектирующей инстанции полагаем сознание и говорим о состояниях сознания, требование объективации является чрезмерным. Существует посылка о "непосредственной данности". Однако немецкая классическая философия реально вводила рефлексию только по мере объективации "сознания" и "Я". Другими словами, в пределах принятой онтологии классический идеализм соблюдал требование объективации и полагания рефлектирующей инстанции как данности особого порядка. Там же, где сегодня распространены вульгарные трактовки "самосознания", там рассуждение исходит из постулата естественной данности "самости", или "себя". В этом случае отрицание необходимости объективации на деле принимает вид неконтролируемого оестествления определенных форм "данности", тех или иных метафизических гипотез.

Вместе с тем "данность в переживании" ни в коем случае не может быть названа "непосредственной". Переживаемость как данность задана в культурно-исторических парадигмах организации эстетического и герменевтического опыта.

Однако полагание в качестве предмета рефлексии отношения инстанции к данности, а вместе с тем и превращение самой инстанции в данность и действительность рефлексии есть во всех случаях результат чисто конструктивной процедуры на базе выработанной онтологии. Тогда все зависит от характера принятой онтологии и самого конструктора - набора конструктивных элементов и способов их сборки.

Изменение типов отношений, а значит, и типов конструирования самой рефлектирующей инстанции будут осуществляться в подразумеваемом плане - а следовательно, в чистом мышлении или в мысли-коммуникации. Но так как предметом рефлексии являются "отношения", а точнее - определенный тип отношений, то мышление и мыслительное конструирование будет создавать все новые и новые "отношения", все более и более сложные "связки" и структуры "отношений" из выделенного в первоначальной, отправной точке базового отношения.

Значит, вопрос сводится к тому: какое же отношение в границах принятой онтологии мы задали в исходной точке, пользуясь доступными нам конструктивными средствами, и какой контекст был тем самым определен?

1986 год.

Тезаурус.

АРТИФИКАЦИЯ - от lat. artificiosum - искусно сделанный, искусственный [из: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. - М.: Русский язык, 1986. - 840 с.; со стр. 78].

ГЕРМЕНЕВТИКА - гр. hermeneutike (techne); истолковательное (искусство) - традиция и способы толкования многозначных или не поддающихся уточнению текстов (большой частью древ. них) [из Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. - 624 с.; со стр. 124].

ИНТРОСПЕКЦИЯ - от лат. introspecto - смотрю внутрь, в широком смысле - то же, что самонаблюдение, в узком специальном смысле - то же, что аналитическая интроспекция (см.: Интроспективная психология) [из: Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840 с.; со стр. 216]

ИНТРОСПЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ - одно из ведущих направлений в психологии конца 19 века - начала 20 века, положившее в основу психологического исследования метод самонаблюдения (интроспекции). Главные представители - Вундт и Титченер. В развитой ими концепции "аналитической интроспекции" собственно самонаблюдение как наблюдение, осуществляемое в условиях психологического эксперимента и удовлетворяющее основным принципам научного метода, было противопоставлено "внутреннему восприятию", протекающему в естественных условиях (Вундт, 1888). С другой стороны, самонаблюдению, проходящему при наивной, обыденной установке наблюдателя, противопоставлялось наблюдение при особой "психологической" установке ("интроспекция" в узком смысле, Титченер, 1912), позволяющей непосредственно постигать само переживание в его психологической реальности. При этом в силу сенсуализма и атомизма вундтовско-титченеровской концепции психологически реальным признавалось только то, что могло быть описано в терминах основных элементов сознания (ощущения, представления, чувства) и их атрибутов (качества, интенсивности и тд). Все, что не укладывалось в эту жесткую схему, должно было устраняться из интроспективного описания как "ошибка стимула" (Титченер). Кризис "аналитической интроспекции" наметился уже после работ вюртсбургской школы. Но коренному пересмотру ее положения подверглись в гештальтпсихологии. Возникла необходимость заменить расчленяющую "аналитическую" установку наблюдателя на естественную, "феноменологическую", предполагающую свободное и непредвзятое описание характера переживаемого во всей полноте и конкретности способов, которыми оно обнаруживает себя наблюдателю. Как самостоятельное направление интроспективная психология перестала существовать к началу 20-х годов 20 века (см.: Ярошевский М.С. История психологии. М., 1976) [из: Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840 с.; со стр. 216]

СЕМИОТИКА [гр. semeiotike учение о знаках] - 1) иначе семиология - общее название комплекса научных теорий, изучающих различные свойства знаковых систем (естественный, разговорный язык, языки программирования, физ. и хим. символика, логические

и математические исчисления и т. п.); основные аспекты семиотики: синтактика, семантика и прагматика; 2) мед. раздел диагностики, изучающий признаки болезней [из Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. - 624 с.; со стр. 459].

ОНТОЛОГИЯ [гр. on (ontos) сущее + -• логия] - философское учение о бытии; в буржуазной философии о. противопоставляется теории познания и логике; в марксизме-ленинизме о. трактуется в единстве с теорией познания и логикой [из Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. - 624 с.; со стр. 355].

ХИЛИАЗМ - от греческого chilias - тысяча; вера в "тысячелетнее царство" бога и праведников на земле, то есть в осуществление мистически понятого идеала справедливости еще до конца мира. Термин обычно применяется к раннехристианским учениям, осужденным церковью в 3 веке, но возраздавшимся в средневековых народных ересьях и позднейшем секстанстве. Некоторые мотивы хилиазма повлияли на развитие утопического мышления. [из: Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - 1600 с. Со стр.1462]. | греческое chiliasmus -тысяча; иначе "милленаризм"; религиозно-мистическое учение о тысячелетнем земном "царствовании Христа", которое должно наступить перед "концом мира"; хилиазм характерен для раннего христианства, для многих еретических учений в средние века, а также для иеговистов, адвентистов... [из: Словарь иностранных слов. - М.: Русский язык, 1989. - 624 с. Со стр. 559].

ЭКСТЕРИОРИЗАЦИЯ - (франц. exteriorisation - обнаружение, проявление; от лат. exterior - наружный, внешний) в психологии - процесс, в результате которого внутренняя психическая жизнь человека получает внешне выраженную (знаковую и социальную) форму своего существования. Принципиальное значение понятию Э. впервые было придано Л.С.Выготским в его культурно-исторической теории поведения: человек овладевает собой как одной из сил природы извне - при помощи особой техники знаков, создаваемой культурой, так что овладение тем или иным внутренним психологическим процессом предполагает предварительную его экстериоризацию. Дальнейшую разработку проблема экстериоризации получила в работах советских психологов А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и др. [из: Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840 с.; со стр.793]

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ - термин, употребляемый для обозначения теории познания [из: Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840 с.; со стр.803]

Волов В.Г.

Чертоги И Итоги...

У меня есть подозрение, что представленные ниже материалы являются единственной (по объему и проработке) информацией в России по данному вопросу. Если вам, читатель, повезет натолкнуться на хоть какую-нибудь публикацию про описываемые факты, то просьба - дать знать об этом автору статьи по любому из предлагаемых в журнале адресов (почта, телефон, факс, Интернет). Сама статья формировалась не только на основе материалов выставки, но и проведенного мной этой весной семинара со студентами НГАСУ. Особое чувство - теплое - благодарности я хочу выразить Кире Константиновне Карташовой, без чьей поддержки этой статьи не было бы никогда.

С 1 (четверг) по 7 (среда) декабря 1994 года в московском Центральном Доме Художника на Крымском валу 10 (в «чемодане», на сленге москвичей) состоялся смотр результатов закрытого конкурса на проект жилого дома для очень богатых семей. Под «богатыми» подразумевались семьи банкиров и высокопоставленных чиновников, военных и гражданских. Выставка широко не рекламировалась, просуществовала недолго, результаты и некоторые итоговые цифры мне неизвестны. Официальное название звучало так: *Международный жилой комплекс в Крылатском. Западный административный округ. Москва, 1994 год.* Проведен конкурс под шапкой Международной Академии Архитектуры. **Авторами** генплана, макет которого находился посреди выставочного зала, значились фирмы *Альфа Эстейт*, *АОЗТ Ясенево*, *АО Моспроект Мастерская № 14*, а официальными архитекторами - Вавакин Л., Розанов Е., Гришин Д., Соколов В.

На стендах находились 68 проектов 49 авторов¹⁶ из 18 стран. *Россия* была представлена тридцатью восьмью проектами - 56% выставленных на обозрение. Второе место по количеству представленных проектов занимала *Грузия* - 6 (9%), третье - *Мексика* (4 проекта, то есть 6%). Далее - *Армения* (3 проекта); *Болгария*, *США* и *Узбекистан* - по два проекта; остальные - по одному (*Австралия*, *Англия*, *Аргентина*, *Голландия*, *Греция*, *Италия*, *Мальта*, *Турция*, *Украина*, *Швейцария*, *Япония*).

Фотографировать что-либо запрещалось. Как я понял, делать зарисовки - тоже. Каждые 15-20 минут ко мне подходил кто-нибудь (то ли сотрудник «чемодана», то ли спецслужб), бесцеремонно смотрел мне через плечо в мои записи, иногда спрашивал или говорил какую-нибудь глупость. Я смог зафиксировать у основной части проектов (44) состав помещений по функциональному признаку, их количество и площади (если представлялись). Планы этажей (от одного до четырех) и другие данные остались

¹⁶ Полный список имен с указанием представляемой страны смотрите в конце статьи, пожалуйста (Приложение 1). Поскольку некоторые авторы сделали несколько вариантов, а каждый из последних учитывался как отдельный проект, то количество авторов не совпадает с количеством проектов.

незафиксированными. Записи велись с 10 часов утра до закрытия зала в 18 часов 7 декабря¹⁷. Работа прерывалась несколько раз на отдых (непрерывно стоять надоедало) и некоторое время отняли сами авторы проектов и организаторы конкурса, которые прямо в зале собрались на итоговое совещание.

Названия помещений авторами применялись без какой-либо договоренности между собой, вплоть до применения варваризмов, сленга или на языке страны участника. Иностранцы, как правило, не только не представляли легенду, описание состава помещений, но и не представляли количественных данных по площади отдельных помещений или по общей (и/или жилой) площади спроектированных домов, строительному объему и стоимости. Часть состава помещений восстановлена по графическому оформлению, а там, где этого не удавалось сделать, описание не фиксировалось. Здесь я констатирую большой диапазон свободы по графическому представлению проектов - от простой карандашной зарисовки до компьютерной графики. Что-нибудь сказать по этому поводу трудно, поскольку условия конкурса где-либо на стендах отсутствовали. В связи с вольным характером описания проектов в некоторых случаях мне пришлось применять общепринятые названия помещений, а для обработки - заменить некоторые несуразные авторские названия или сделать перевод на русский язык.

Полный перечень названий помещений в авторских работах включает 91 единицу (таблица 1). Все они приводятся ниже в виде последовательного списка с указанием принятого мной сокращения (для дальнейших описаний и применений), Каждое помещение (где это было возможно зафиксировать) сопровождается двумя цифрами - это нижнее и верхнее значение его площади в квадратных метрах, которые авторы проектов применяли в своих работах.

Список помещений в проектах закрытого конкурса.

Таблица 1.

			Площадь мин	Площадь макс
1	БЛК	Балкон	-	4,5
2	БЕЛЬ	Бельведер	-	30
3	БАР	Бар	5,2	28
4	БАС	Бассейн	7	104
5	БИБ	Библиотека	9,2	33,7
6	БЛРД	Бильярдная	16,5	45
7	БУФ	Буфет	-	7,9
8	БОЙ	Бойлерная	...	14,5
9	ВК	Ванная комната	2,6	5,1
10	ВЕР	Веранда	11,3	18
11	ВЕСТ	Вестибюль	17,3	36,4
12	ДВРв	Двор внутренний	...	-
13	ГЛР	Галерея		14,3
14	ГРЖ	Гараж	25	56
15	ГРБ	Гардероб	5,1	12,1
16	ГРБг	Гардероб гостевой		3
	ГЛА	Гладильня		5
17	ГРБсп	Гардероб при спальне	4	16,2
18	ГСТ	Гостиная	20,4	140
19	ГСТм	Гостиная малая	23,4	30,0

¹⁷ Если на каждый проект в среднем затратить по 10 минут, то общее количество времени на записи будет 7 часов 20 минут без какого-либо перерыва.

20	ДЕТ	Детская	17,5	21
21	ДК	Душевая комната	1,1	6
22	ДКсп	Душевая комната при спальне		1,8
23	ЖК	Жилая комната	6,5	22
24	ЖКп	Жилая комната прислуги	10	16,3
25	ЗС	Зимний сад	6	40
26	ИГР	Игровая	10	57,7
27	КАБ	Кабинет	9,6	71,34
28	КАМ	Каминная	18	42,4
29	КЛ	Кладовая	0,8	33,5
30	КЛв	Кладовая для вещей	2	16,5
31	КЛп	Кладовая для продуктов	7,8	85
32	КОМз	Комната для занятий	11	25,5
33	КОМо	Комната отдыха	7,8	25
34	КОМсу	Комната сушильня		9
35	КОМх	Комната для хозяйственных работ		да
36	КОР	Коридор	3	50
37	КТЛ	Котловая	5,3	25
38	КОСМ	Косметическая	да	да
39	КУ	Кухня	9	23
40	КУр	Кухня рабочая		да
41	КУст	Кухня столовая	14	40
42	ЛЕД	Ледник	3,7	3,8
43	ЛСТ	Лестница		
44	ЛСТв	Лестница винтовая		
45	ЛСТм	Лестница маршевая		
46	ЛИФТ	Лифт		
47	ЛО	Лоджия	10	22
48	МСТ	Мастерская	6	17,8
49	МУСс	Мусоросборочная камера		5
50	ПОГв	Погреб винный		6,8
51	ПДС	Подсобная		
52	ПРА	Прачечная	7	23,5
53	СПРТз	Спортивный зал		20,2
54	ПР	Прихожая	4	26,6
55	ОК	Общая комната	24,0	48
56	КОМр	Комната рабочая	5,9	20
57	САЛиг	Салон игральный		19,4
58	САЛму	Салон музыкальный		28,5
59	СУ	Санитарный узел	3,5	14,7
60	СУг	Санитарный узел гостевой		-
61	СУсау	Санитарный узел при сауне	4,3	10
62	СУсп	Санитарный узел при Спальне	3	15,1
63	САУ	Сауна	5	45
64	СП	Спальня	10,5	40,6
65	СПгор	Спальня горничной	9	11
66	СПг	Спальня гостевая		
67	СПох	Спальня охраны	10	40
68	СПбу	Спальня-будуар	15,4	35,9
69	СТ	Столовая	10	58,8
70	СТз	Столовая для завтраков		6

71	СТп	Столовая парадная		30
72	Стсем	Столовая семейная		11
73	ТМБ	Тамбур		
74	ТЕР	Терраса		
75	ТЕРсп	Терраса при спальне		
76	ТЕРо	Терраса остекленная		
77	ПОМт	Помещение техническое		
78	ПОМх	Помещение хозяйственное		
79	ТРЖ	Тренажерная	9	69
80	ТУ	Туалет	1,1	3,5
81	ТУсау	Туалет при сауне		
82	ТУсп	Туалет при спальне		
83	ТУх	Туалет при холле		
84	УМх	Умывальная при холле		
85	УМ	Умывальная		
86	ХОЛ	Холл	5,1	48
87	ХОЛм	Холл малый	5,8	14
88	ШКФ	Шкаф хозяйственный		
89	ЭЛЩ	Электрощитовая		
90	ИНЖу	Инженерный узел		
91	ХЛД	Холодильная		8,1

Необходимо отметить, что функциональные наборы помещений от проекта к проекту гораздо беднее всего списка таблицы. Общая площадь варьировалась от дома к дому: самый «маленький» дом имел 198 кв.м, а самый большой - 620 (средняя цена за квадратный метр - 1000 долларов США).

Составы помещений, которые характеризуют содержание авторских предложений, будут анализироваться ниже. Но, если балкон присутствовал в каждом проекте, то бельведер был только в одном. Бар у авторов «дальнего» зарубежья в жилой единице как правило отсутствовал, - этим баловались наши соотечественники и - в основном - коллеги из Грузии. Бассейн в виде плавательной дорожки (ширина 120 или 160 см и длиной 16 и более метров) проектировалась только иностранными участниками и - естественно - под открытым небом. Хотя зимой такой бассейн можно подогревать, все равно зарубежные архитекторы не чувствовали специфики российской природы - это можно понять, например, через отсутствие тамбуров в их проектах как специального устройства воздушного защитного слоя, или толщины стен и применяемых стеновых конструкциях, а то и вовсе в отсутствии Прихожей. Буфет предложен только некоторыми авторами, зато бильярдная явно была одним из основных помещений в условиях конкурса.

В одном случае мной был увиден такой интересный прием как внутренний двор, который позволил применить балкон внутри жилой единицы. Хотя внутренние балконы применяют при проектировании домов (мезонет), здесь они, конечно же, вроде как неуместны. Галерея у иностранных авторов - это иногда (помимо собственно комнаты) всего лишь коридор с одной стеной (с экспозицией или без нее), а с другой у него - какое-либо помещение. Нечто подобное, правда, доведенное до гротеска, можно помыслить про переход из прихожей в кухню в наших «хрущевках», но подоплека такого элемента вовсе не относится к культуре галереи в домах на Западе. Там все это несравнимо больше и длиннее, сформировано из анфилады как композиционного приема, но задача «ликвидации» проходной комнаты «превращает» часть ее в галерею.

С гардеробом трудно (очень трудно) как у авторов с советским прошлым, так и приглашенных из-за рубежа. В основном культивирована идея гардероба как большого платяного шкафа. Судя по планам и функциональным связям

гардероб как деятельность принципиально недоступен авторам. Поэтому все решения и предложения по гардеробу редуцированы - упрощены, если не примитивны. Безобразия в этом нет, хорошего - тоже, фиксирую как уровень развитости представлений, не более. Так же упрощены, на мой взгляд, все предложения по кабинету и библиотеке. Бросилось в глаза полное (!) отсутствие каких-либо намеков на компьютер, - ни понимания, ни представления о нем как базовом информационном ядре будущей организации пространств жилого дома ни в одном проекте (тем более российских авторов) я не увидел.

Каминная в фаворе - явный элемент условия конкурса. Он даже проектируется чисто декоративным антуражем (иначе не объяснить его наличие на третьих этажах при отсутствии опор на нижних), а значит - элементом эклектики и безвкусицы. Возможно, в таком виде он и красив, хотя вовсе бессмыслен, но навязывание образцов китча - налицо. А вот косметическая применяется редко, даже в персонифицированных санитарных узлах (чего тогда говорить о выделении специальных пространств), - для меня это тоже показатель уровня представлений, очень характерный. С другой стороны, очень развитыми оказались предложения по столовой - кроме собственно ее самой и примитивно-плебейской кухни-столовой (европейский вариант из римской традиции) тут и столовая для завтраков, и семейная, и парадная (парадиз!).

А со спальнями - конфуз. Надо сказать, что жилая комната прислуги или охраны (собственно - спальня комнаты) никак не дифференцированы. А такой функциональный элемент как личная спальня супруги и супруга (у авторов - госпожи и господина) встречается только один раз, а в других случаях (их три) называется спальня-будуар. Правда, в последнем случае будуар спроектирован как рядовая спальня комнаты больших размеров, а не как собственно будуар - то есть гостиная хозяйки дома для приема посетителей, при этом сама хозяйка находится в постели (прием, введенный при дворе французских королей еще в 14 веке). Никаких вторых входов, дверей, лестниц или потайных проходов, никакого зонирования самого помещения, никаких развитых сопутствующих пространств - в общем, будуар на закваске «совковых» примитивов.

Конечно, личная спальня комната как культурный феномен якобы у нас утрачен. Недаром строки из сказки Корнея Чуковского - «как из маминой из спальни...» преподносятся как принципиально непонятные большинству населения России. Хочу привести интересный случай - недавно отмечался юбилей всемирно известного русского писателя Владимира Набокова (все титулы я перечислять не буду). Передачу готовил и осуществил некто Парфенов (его титулов я не знаю, да и не хочу) на 10 канале НТВ. Передача велась поздно ночью, и мало кто в Новосибирске из моего окружения о ней знает (известный прием цензуры). Часть передачи посвящена была условиям проживания семьи будущего писателя. Конечно же, там были показаны личные апартаменты его матери (дом сохранился), и привычные формы организации жилых пространств они воспроизвели и в изгнании. Из всего сказанного автором передачи мне крайне не понравилась его идеология, интерпретация таких форм жизни как исключительно утраченных навсегда элементов русской дворянской культуры.

Во-первых, эти элементы не утрачены и, мало того, возрождаются.

Во-вторых, это элементы вовсе не дворянской культуры.

В-третьих, интерпретации подобного рода, особенно в лице теле-ведущих, сильно смахивают на восприятие «кухаркиных детей» каких-либо сформировавшихся элементов жилого дома и искажение функций этих помещений впоследствии при попытке воспроизводства. Для меня классическим примером такового действия (искажения) является БУФЕТ (помимо спален и прочих элементов). Функция буфета известна - хранение сервизов, особой и

простой посуды и столовых принадлежностей. Как помещение он формируется на связке Кухня-Столовая¹⁸ в тесном контакте с Моечной и *комнатой*, которой пользовался дворецкий (хранитель и распорядитель вещей семьи из драгоценных металлов, хрусталя и т.д.). Поскольку кухаркиных детей дальше буфета не пускали, то они в нем и кормились украдкой. После 1917 года представления о буфете «расплодилось» в России как о помещении с едой (как иллюстрацию смотрите отрывок из романа Булгакова в Приложении 2 к данной статье). Дошло до того, что *буфет как место еды* стал нормальным явлением театров и высших учебных заведений (директора театров и ректора ВУЗов после известных зачисток - одного поля ягоды). Точно так же - и в представленных на конкурс проектах домов для богатых россиян (не в культурном смысле, естественно).

Винный погреб кажется естественным для такого дома. Он был предложен только одним из участников конкурса, о чем можно сожалеть, поскольку явно не был включен в программу конкурса.

Совершенным анахронизмом выглядят в составе помещений «шкаф хозяйственный»¹⁹ - как можно догадаться, он предложен нашими академиками от архитектуры. «Пахнуло» советским СНИПом, славно, что антресоли не догадались устраивать. Лифт фактически отсутствовал (один проект), а тренажерная и сауна - это, предполагаю, из условий конкурса. В этом же ряду - гараж, в основном на две, реже - на три машины. Гараж для велосипедов не предложен ни одним из авторов. Наверное, только потому, что с детьми у богатых явно бедно. Как можно было догадаться, самое большое количество детей у стандартной богатой российской семьи предполагается двое. Только зарубежные коллеги предлагали варианты для многодетных родителей или варианты расширения дома при росте семьи.

Приятно отметить практическое отсутствие в проектах винтовых лестниц. Но и предлагаемые решения вертикальных коммуникаций не были блестящими - только на уровне эскизной прорисовки.

Генплан, проект которого возвышался в виде макета посреди зала, вызвал у меня недоумение, если не шок. Практически он представлял собой результат, который получился при строительстве Левиттауна (см. Рис.1), только гораздо хуже. Хуже в плане организации подъездных путей и их общей концепции. А в

¹⁸ Как помещение Буфет реализуется достаточно редко, как правило, гораздо чаще он «входит» составной частью **Сервировочной комнаты**, она же - комната дворецкого. Здесь уместно привести пояснения из словарей: *Дворецкий - butler - a man servant having charge of the wines and liquors in a household; the head male servant of a household. Butler's pantry - a room where provisions, wines, and liquors are kept: a room between a kitchen and a dining room equipped with a sink, counters for serving, and cabinets for storing, glassware, china, and silver: a butlery.* Перевод: Дворецкий - слуга, отвечающий за вина и ликеры в домашнем хозяйстве. Глава слуг в домашнем хозяйстве. Комната Дворецкого - комната, где хранятся вина, и ликеры: комната между кухней и столовой, оборудованная мойкой, столами для сервировки, и шкафами для хранения стеклянной посуды, фарфора и серебра; *butlery* - кладовая для хранения провизии и вина (из: *New Webster Dictionary. - Delhi: Surjeet Publications, India, 1989, стр. 212*). Еще: Дворецкий - 1) глава дворцового управления в Русском государстве 15-17 вв., с 17 века - придворный титул; 2) управляющий хозяйством в помещичьих имениях и городских особняках в России (из: Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1980, стр. 368). Смотрите ПРИЛОЖЕНИЕ 3, пожалуйста.

¹⁹ Шкафы как элементы мебелировки (а не помещение) - естественное явление, но только в советских СНИПах регламентируется их наличие или отсутствие. Можно спорить о необходимости регламентации ширины спальной комнаты как это имеет место в нормах России или США, но этот момент не мешал делать моим соотечественникам ширину жилого помещения в 95 сантиметров - сам видел такое, при длине в 4,5 метра.

остальном - те же маленькие участки, так же плотно поставленные дома, то есть - полное непонимание того, как организуются владения богатых заказчиков.

«Изобилие» помещений заставляет произвести процедуру «сжатия», для того, чтобы все многообразие названий свести к усваемому одним взглядом составу (но не в ущерб качеству). После такой процедуры весь состав помещений, предложенных авторами проектов, сведен в таблицу №2.

Рис. 1. Левиттаун, штат Нью-Йорк, округ Нассау на Лонг-Айленде (дальний пригород Нью-Йорка), снимок одного из первых кварталов 1949 года - застройка из односемейных домов для малообеспеченных семей (военнослужащих). Яркий пример периода формирования социального стереотипа, который известен как «американский образ жизни». С 1947 по 1951 год было сооружено 17511 практически одинаковых двухэтажных коттеджей (Фото: Америка, 1973, № 202; комментарии: Эхо планеты, 1991 №20).

Здесь «всего» 15 наименований. Из таблицы видно, что наиболее недифференцированными оказались предложения по Библиотеке, далее - по Прихожей, Кухне, Гардеробу, Кабинету и помещению по Физкультуре. Наиболее

Таблица 2.

Функциональные помещения, применяемые участниками конкурса, после их «группировки».

ХОЛ	ПР	КУ	СП	СУ	ГСТ	ЛП	КЛ	СТ	ГРБ	КАБ	КХР	БИБ	ФЗК	ТЕХ
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
ХОЛм	ПР	КУ	СП	ВК	ГСТ	БЛК	КЛ	СТ	ГРБ	КАБ	КХР	БИБ	СПРТз	КТЛ
ХОЛ	ВЕСТ	КУр	ЖК	ДК	ГСТм	БЕЛЬ	ГРЖ	СТсем	ГРБг	КОМз	ГЛА		ТРЖ	ЭЛЩ
ДВРв	ТМБ	КУст	ЖКп	ДКсп	ГЛР	ВЕР	КЛв	СТп	ГРБсп	МСТ	КОМсу		БАС	ИНЖу
КОР			СПох	КОСМ	ДЕТ	ЛО	КЛп	СТз			КОМх			ПОМт
ЛСТ			СПг	СУсау	ЗС	ТЕРо	ЛЕД	БАР			ПДС			БОЙ
ЛСТв			СПгор	СУсп	ИГР	ТЕРсп	МУСс				ПРА			
ЛСТм			СПбу	СУг	КАМ	ТЕР	ПОГв				КОМр			
ЛИФТ				САУ	КОМо		ХЛД				ПОМх			
				ТУ	ОК		БУФ				ШКФ			
				ТУсп	САЛиг									
				ТУх	САЛму									
				ТУсау	БЛРД									
				УМх										
				УМ										

дифференцированными оказались Санитарный Узел и Гостиная, далее - Кладовая и Комната Хозяйственных Работ. От пяти до девяти модификаций представлены Холлом, Спальной комнатой, Летним Помещением, Техническим помещением и Столовой.

В группу «Холл» - **ХОЛ** - вошли все те помещения, которые «отвечают» за перераспределение движения и позволяют попасть в определенное место. В группу «Прихожая» (**ПР**) «попали» те помещения, которые «встречают» нас при входе в дом, а «Кухня» (**КУ**) сформирована по функции соответственно названию. Группа «Спальня» (**СП**) составлена теми помещениями, где явно есть место для сна, а группу «Санитарный узел» - **СУ** - помещениями личной гигиены.

Тематика №5

«Гостиная» (ГСТ) - это те помещения, что связаны с приемом гостей, играми, общением, некоторыми видами отдыха, увлечениями и развлечениями. ЛП - «Летние помещения» традиционны, как правило, это разного вида и назначения балконы, лоджии и террасы, модификации которых могут и имеют свои собственные названия. «Кладовая» (КЛ) по своему составу разнородна, но все помещения объединяет функция хранения. Признак помещений группы «Столовая» - СТ - прием пищи (еда и питье), а группы «Гардероб» - ГРБ - все, что связано с переодеванием и подготовкой одежды к выходу из дома, к встрече гостей, для участия в церемонии и так далее. «Кабинет» (КАБ)²⁰ - это уже личные, персонифицированные пространства для занятия чем-либо. «Комната Хозяйственных Работ» (КХР) имеет название, не нуждающееся в расшифровке. А вот помещения для «Физкультуры» (ФЗК) представлены универсальным помещением «Спортивный зал» без указания на специфичность предполагаемых процессов, «Тренажерной» с определенным набором тренажеров (в проектах не разъяснялось) и «Бассейном» - то есть помещением для упражнений в воде. Группа ТЕХ - «Техническое помещение» включает в себя помимо собственно такового (ПОМт) еще и «Котельную», «Электрощитовую» и «Инженерный узел» - то есть все то, что «отвечает» за прием, поддержание и распределение теплоносителей, электроэнергии, воды, телекоммуникаций и разного рода технической связи с внешним миром²¹.

Таким образом представленное все многообразие и разнообразие помещений в проектах конкурса дает возможность записать достаточно кратко функциональный состав помещений каждого авторского варианта. Минимальный состав из 8 помещений представлен одним проектом²², а максимальный - из 15 - тоже одним²³. Во всех предложениях по функциональному составу присутствовали Гостиная, Спальня, Санитарный Узел, Кухня²⁴ и Кладовая²⁵

²⁰ Я вынужден был поставить в эту группу *мастерскую*, имея в виду все-таки смысл *мастерская художника*, а не *лесопилка*, которую в составе помещений дома для богатых представить трудно, хотя люди с советским прошлым это делают спокойно и без надрыва в душе.

²¹ Представленная так «разбивка» помещений рассматривается мной как рабочая. В процессе дальнейших исследований возможны дополнения, каковы сейчас имеются в сравнении, например, с моими предложениями в начале 90-х годов и которые в несколько ином варианте представлены в итоговой работе (диссертация 1995 года). Но уже сейчас можно отметить (на основании реализованных проектов иных времен и авторов), что группа «Библиотека» включает такие отсутствующие в проектах конкурса помещения как **Комнату для Размышлений** и **Часовню**, то есть **Комнату для общения с Создателем**. Группа ФЗК могла бы иметь **Комнату для Физкультуры** в **детской** зоне (ее отсутствие не может быть странным как и отсутствие санитарных узлов (**СУ детский**) со специальным оборудованием, разработанным для детей). Группа ТЕХ почему-то лишена **Коммуникационных Шахт** - специальных достаточно объемных конструкций и помещений, а также вовсе нет упоминания о **Насосной** или **Вентиляционной Камере**. В группе КАБ отсутствуют **Лаборатория**, а в группе ГРБ - **Гримерная** (наподобие Косметической в Санитарном Узле). Отсутствует и **Столовая Детская**, а в группе КЛ - **Гараж для Велосипедов**, **Чулан** (место хранения ненужных вещей, но не чердак), **Тайник** - специальное помещение с оборудованием для хранения ценностей, а также такая редкая форма как **Колумбарий**. Странно, но никто из конкурсантов не предложил **Оранжереи** или **Телевизионной** (ГСТ), **Моечной** и упоминавшейся **Сервировочной** (КУ). Отсутствуют **Аванзалы**, **Лифтовые Холлы** и **Кулуары** (все в ХОЛ), а также **Солярий** (СУ).

²² Этот случай можно считать конфузным - в планах и описаниях этажей отсутствовала Кухня, что можно объяснить только спешкой выполнения чертежей.

²³ Некоторые авторы вовсе даже не представляли чертежей, ограничиваясь надписью типа «Вариант два - общая площадь ... кв.м». или «Три варианта». Можно сделать вывод, что этот конкурс по правилам проведения подобных мероприятий и за конкурс то нельзя считать, а его результаты (если они где-нибудь опубликованы) - есть подтасовка и профанация.

²⁴ Со скидкой на конфуз - смотрите предыдущую сноску.

²⁵ Отсутствии, например, гаража, отнесенного мной в эту группу (хранение автомашин) можно объяснить только тем, что проектом не предусматривался гараж в составе дома, а он выносился достаточно далеко к въездной части участка, -

(таблица 3).

38 из 44 авторов предложили в составе помещений Кабинет (86%), и практически столько же - Столовую. Еще меньше было предложений по помещениям для занятий физкультурой (ФЗК) - у 80% участников. И далее - в порядке убывания - Холл (75%), Летнее помещение (75%), Гардероб (73%) и Техническое помещение (68%). Еще менее часты предложения по Комнате для хозяйственных работ (64%). Тринадцатой по счету прибавления появляется Прихожая (41%). И самое редкое из предложенных помещений - это Библиотека (36% из участников).

Здесь интересно отметить, что весь диапазон состава помещений был «задан» российскими архитекторами (от 6 до 15 помещений в составе дома), а предложения зарубежных коллег «уместились» в диапазоне от 10 до 12. Функциональный состав помещений в предложениях зарубежных коллег отличается своими акцентами (таблица 4). Основное отличие касается базового состава (верхняя строка).

Таблица 3.

Функциональный состав помещений конкурсных проектов.

	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ														
	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ КАБ+СТ														
	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ КАБ+СТ ФЗК														
ХОЛ	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ	КАБ+СТ	ФЗК	ЛП	ГРБ	ТЕХ									
ХОЛ	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ	КАБ+СТ	ФЗК	ЛП	ГРБ	ТЕХ	КХР								
ХОЛ	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ	КАБ+СТ	ФЗК	ЛП	ГРБ	ТЕХ	КХР								
ХОЛ	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ	КАБ+СТ	ФЗК	ЛП	ГРБ	ТЕХ	КХР	ПР							
ХОЛ	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ	КАБ+СТ	ФЗК	ЛП	ГРБ	ТЕХ	КХР	ПР	БИБ						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15

Этот базовый состав шире, чем представленный в таблице 3 и дополнительно содержит еще Летнее помещение и Гардероб, которые у бывших советских архитекторов появляются в предложениях гораздо реже. А такой элемент как Прихожая предлагается реже всего именно у зарубежных архитекторов, - она заменяется ими Холлом. Также редко предлагается ими и Комната для хозяйственных работ, а Библиотека - чаще, чем российскими участниками.

Таблица 4.

Функциональный состав помещений в предложениях зарубежных участников.

	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ+ЛП+ГРБ														
	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ+ЛП+ГРБ СТ														
	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ+ЛП+ГРБ СТ КАБ+ФЗК+ТЕХ														
ХОЛ	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ+ЛП+ГРБ	СТ	КАБ+ФЗК+ТЕХ												
ХОЛ	КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ+ЛП+ГРБ	СТ	КАБ+ФЗК+ТЕХ	БИБ	КХР	ПР									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15

Обратите внимание на то, что Столовая не вошла в базовый состав помещений дома для очень богатых домовладельцев. Этот факт достаточно глубокого непонимания как феномена таких домов, так и полного отсутствия знания о социальных характеристиках будущих клиентов. У меня сложилось впечатление, что все приглашенные из-за рубежа архитекторы - это выходцы из

Тематика №5

СССР, - только так можно объяснить такое «упущение». Для сравнения приведу план одного из «домов для богатых» (рис. 2).

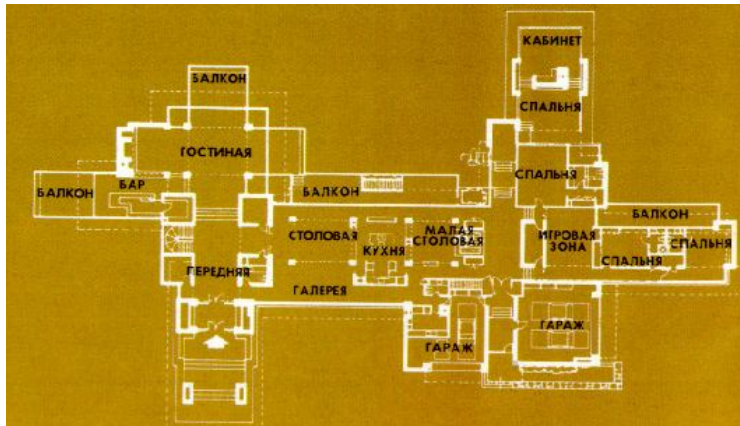

Рис. 2. Особняк на окраине Лейквуда (Нью-Джерси, США). План. 1972 год. Архитектор: Маллоу Д. (из: Америка, 1973, № 202)

Здесь (на рисунке 2) - план особняка (250 тысяч долларов), который причислен к «дому года» (1972) редакцией журнала *The Architectural Forum*. Дом расположен на участке 1,6 га²⁶. Длина дома - 72 метра, высота гостиной - 4,9 м, а ее размеры в плане - 13,7 на 8,5 м. От входа до балкона по прямой через гостиную - 30 м.. В особняке - 24 комнаты. При строительстве дома использовано 100 тонн стали. Стены - из песчаника, полы - из норвежского кварцита, деревянная отделка - американская пихта и тайландский тик.

Попробуем представить функциональный состав этого дома. Вход начинается с тамбура и далее - передняя (как говорят иммигранты первой и второй «волны», а в нашей терминологии - прихожая, - почувствуйте социальную подоплеку и связанное с ней поведение и организацию пространств). Из нее есть вход в кладовую (налево) и санитарный узел (направо). Чуть дальше - холл и из него - две лестницы: налево - на следующие этажи, а прямо - подъем в гостиную. К гостиной примыкает бар, имеется два балкона. Кухня является ядром нескольких помещений - столовой с галереей, малой столовой с буфетом. Бросается в глаза полное отсутствие в кухне естественного освещения (что немыслимо по нормам, разработанным в СССР для строительства жилищ). На плане виден гараж (два гаража с отдельными входами) на три машины, блок спален и игровая, многочисленные санитарные узлы, умывальные, туалеты, подсобные помещения, вход в техническое подполье, а самый дальний от входа - кабинет. Бассейн начинается сразу под балконом в гостиной. Даже из такого описания можно представить себе функциональный состав помещений, например, таким

ХОЛ ПР КУ+СУ+СП+ГСТ+КЛ+ЛП+ГРБ СТ КАБ+ФЗК+ТЕХ

Нет библиотеки (она не просматривается, и, хотя и нет плана второго этажа, можно догадаться о ее отсутствии - дом американский). Нет (просто не может быть) комнаты для хозяйственных работ (богатым она ни к чему), каких-либо мастерских. Нет сауны, спортивного зала или тренажерной (может - на втором этаже?), каминной, лифта (а дом в три этажа). Отсутствует зимний сад (всегда тепло), а значит и солярий, что естественно. И так - далее.

Основные выводы, которыми можно подытожить описание моего видения результатов конкурса на дом в Крылатском, - что 1) по составу помещений

²⁶ Как я отмечал выше по тексту, проекты конкурсантов «обеспечивались» очень маленьким участком, чуть ли не в 10 соток. Таким образом, организаторы конкурса полностью игнорировали все вопросы, связанные не только с имиджем будущих домовладельцев, но и вопросы по организации безопасности дома и его владельцев.

представленные на обозрение проекты действительно относились к достаточно нераспространенному виду современного жилища - виллам, особнякам, домам для состоятельных людей, дорогим коттеджам. Другими словами, как сейчас принято отписывать - к элитарному жилищу. Но 2) - с существенной оговоркой - в представлениях авторов проектов, архитекторов, организаторов конкурса. Поскольку эти представления оказались непродуманными, то 3) - многое из специфики организации пространств элитарного дома (набор помещений, например, или характер функциональных связей) авторам, на мой взгляд, оказалось неведомым.

Что касается осмысления такого феномена как «элитарное жилище» - про то совсем другая статья, и не сейчас.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Полный список авторов, проекты которых были представлены на выставке в ЦДХ 7 декабря 1994 года в Москве.

Альдо Ван Эйк (Голландия), Ахмедов Абдул Рамазанович (Россия), Ахмет Бефик Альп (Турция), Батиашвили Георгий Ираклиевич (Грузия), Белоконь Александр Николаевич (Россия), Боков Андрей Владимирович (Россия), Восбек Рандел (США), Гинзбург Владимир Моисеевич (Россия), Гнедовский Юрий Петрович (Россия), Давиденко Вадим Петрович (Россия), Давитая Вахтанг Владимирович (Грузия), Дахинден Юстус (Швейцария), Деметрикос Фатурос (Греция), Демин Николай Мефодьевич (Украина), Егерев Виктор Сергеевич (Россия), Зайдлер Гарри (Австралия), Захарьина Наталья Михайловна (Россия), Зблудовски Абрахам (Мексика), Зеви Бруно (Италия), Итгленд Ричард (Мальта), Кеглер Альфред Рудольфович (Россия), Красильников Владлен Дмитриевич (Россия), Кубасов Владимир Степанович (Россия), Кудрявцев Александр Петрович (Россия), Курокава Кишо (Япония), Мгалоблишвили Нодар Михайлович (Грузия), Минаев Юрий Николаевич (Россия), Новиков Феликс Аронович (США), Платонов Юрий Павлович (Россия), Погосян Грач Григорьевич (Армения), Покровский Игорь Александрович (Россия), Попов Владимир Васильевич (Россия), Посохин Михаил Михайлович (Россия), Розанов Евгений Григорьевич (Россия), Рочегов Александр Григорьевич (Россия), Сара Топельсон де Гринберг (Мексика), Соколов Виталий Петрович (Россия), Стоилов Георгий (Болгария), Сутягин Серго Михайлович (Узбекистан), Теодоро Гонзалес (Мексика), Теста Клориндо (Аргентина), Торосян Джим Петросович (Армения), Турсупов Фархад Юсупович (Узбекистан), Хажакян Михаил Николаевич (Россия), Хорхе Гонзалес Клаверан (Мексика), Шарп Деннис (Англия), Шестопалов Всеволод Николаевич (Россия), Щербин Владимир Николаевич (Россия).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Отрывок из романа М. Булгакова «Собачье сердце»:

«- Извиняюсь, - перебил его Швондер, - вот именно по поводу столовой и смотровой мы и пришли поговорить. Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовых нет ни у кого в Москве.

- Даже у Айседоры Дункан, - звонко крикнула женщина.

С Филиппом Филипповичем что-то сделалось, вследствие чего его лицо нежно побагровело и он не произнес ни одного звука, выжидая, что будет дальше.

- И от смотровой также, - продолжал Швондер, - смотровую прекрасно можно соединить с кабинетом.

- Угу, - молвил Филипп Филиппович каким-то странным голосом, - а где же я должен принимать пищу?

- В спальне, - хором ответили все четверо.

Багровость Филиппа Филипповича приняла несколько сероватый оттенок.

- В спальне принимать пищу, - заговорил он слегка придушенным голосом, - в смотровой читать, в приемной одеваться, оперировать в комнате прислуги, а в столовой осматривать. Очень возможно, что Айседора Дункан так и делает. Может быть, она в кабинете обедает, а кроликов режет в ванной. Может быть. Но я не Айседора Дункан!.. - вдруг рявкнул он и багровость его стала желтой. - Я буду обедать в столовой, а оперировать в операционной! Передайте это общему собранию и покорнейше вас прошу вернуться к вашим делам, а мне предоставить возможность принять пищу там, где ее принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской» (цит.: Булгаков М. Собачье сердце. Электронный диск «Библиотека в кармане»: Выпуск 2.- М., 1999).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

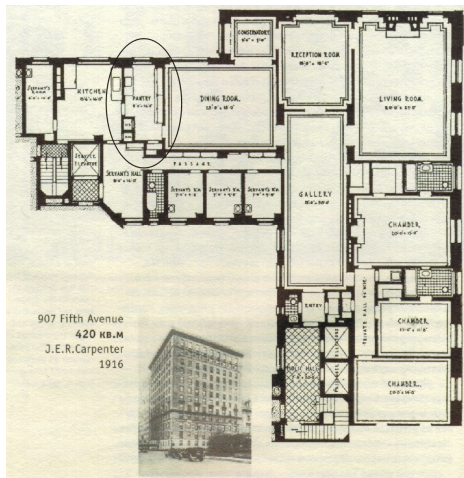

Рис. 3. План «роскошных апартаментов» одного из домов в центре Нью-Йорка постройки начала 20 века (из: Проект Россия, №6, 1998).

Этот план приведен мной для иллюстрации **Сервировочной комнаты** (на плане она находится в центре эллипса -Pantry), она же - комната **дворецкого**. Здесь видно, что вход в нее осуществлен через кухню-Kitchen, а другая дверь ведет в столовую - Dining room..

Хортова З.Ф.

ИСТОРИЯ ОДНОГО НАШЕГО ДОМА

Выбор темы дипломной работы для меня был сложен. «Ищите объект для дипломного проектирования» - говорили мне. Специализация по реставрации и реконструкции, о которой было заявлено при поступлении в НГАСУ, диктовала условие, что это должен быть объект либо для реконструкции, либо - реставрации. Предложение М. Н. Мельникова²⁷ обратить внимание на памятник по адресу «Чаплыгина 36» меня заинтересовало. Так получилось, что уже сейчас на нем необходимо провести реставрационные работы.

Осмотрев этот привлекательный особнячок и выслушав догадки владельцев о том, что это было за здание, я решила изучить его историю, каким же он был, какие изменения в нем произошли до настоящего момента и что его может ожидать в будущем. Я рассматривала и конструктивное решение здания, и его архитектурные элементы, но только в той степени, в которой они помогли мне увидеть функциональные изменения в памятнике архитектуры местного значения. Целью данной статьи не является предоставление проекта восстановления памятника. Я лишь делаю попытку воссоздать хронику существования здания, представить особняк на момент его постройки, и главное - показать, что этот памятник - не статичное явление.

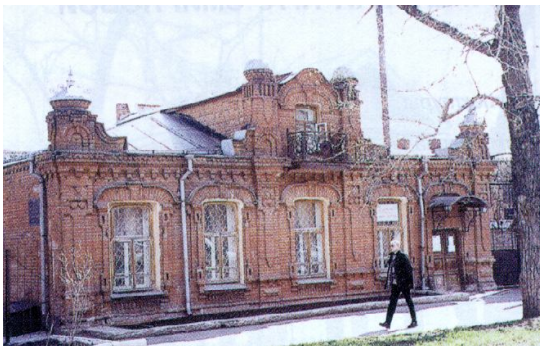

Рис. 1. Особняк на Чаплыгина 36. Северный фасад (из: [2, стр. 152]).

Памятники в городе Новосибирске - явление странное и неоднозначное. Рассматривая любой из них, сразу понимаешь, что, несмотря на 100-летний возраст города, информации про них мало и многое остается загадкой. Существуют такие плоскости, которые никогда не затрагивались в публикациях, или рассматривались частично. Иллюстрацией этому может служить материал о городском особняке, построенном в начале века по адресу: ул. Чаплыгина 36. Первый источник, в котором упоминается о нем как о памятнике, - «Перечень памятников истории и культуры Новосибирской области», напечатанный в 1978 году. Наименование - «Дом жилой с мезонином (одноэтажный)», датирован началом XX века и охарактеризован, как единственное в городе кирпичное жилое здание с элементами стиля модерн [1]. По словам Смирновой

²⁷ Мельников Михаил Никифорович (1923-1998), кандидат филологических наук, профессор, член-корреспондент Петровской АН и Искусств, член союза писателей. Внес большой вклад в возрождение традиционной славянской культуры. (русской, белорусской, украинской).

С.В.,²⁸ дом был построен после пожара 1909 года, а в документах (например, технический паспорт БТИ) дата постройки – 1923 год. Вышедший в 1998 году перечень памятников содержит более полную информацию об этом здании [2]. Акцент в тексте сделан на описание архитектурных деталей, конструкций и материалов, из которых оно выполнено. Приведены недатированные планы первого этажа и мезонина (рис. 2).

Для характеристики памятника «Чаплыгина 36», не достаточно описать его архитектурные детали и объявить здание памятником, ссылаясь на это описание. В литературе, как правило, встречаешь дату и авторов проекта здания, при этом не фиксируются ни современное состояние, ни промежуточные владельцы, которые приспособляли памятник под свою деятельность, изменяя в нем не только планировку, но и элементы фасадов, достраивая и перестраивая его. Сведения, собранные мной, представлены в хронологической последовательности от современного состояния до времени его постройки. Не имея напечатанных текстов, я попыталась восстановить этапы жизни памятника, визуалью осматривая его, беседуя с людьми, расспрашивая тех, кто что-либо знает о нем.

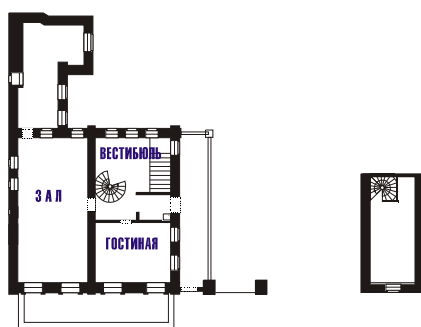

Рис. 2. План первого этажа и мезонина особняка на Чаплыгина 36 (из: [2, стр. 152], надписи на плане поставлены мной - З. Х.)

Ниже приводится выдержка из текста, сопровождающего рисунок в каталоге:

«Имеются сведения, что участки, на которых построен дом, принадлежали торговому дому Е. Г. Иконниковой... Здание имеет зальную планировочную схему. В плане структура дома представляет квадрат, поделенный надвое капитальной стеной. В одной половине располагается зал, имеющий вход в пристройку, в интерьере которой оставлен участок наружной стены с кирпичным декором. Вторая половина делится перегородкой на гостиную и вестибюль с лестницами, ведущими в подвал и мезонин».

Визуальный осмотр показал, что «Чаплыгина 36» реставрировали и реконструировали несколько раз с использованием различных методов. Правый пилон въездных ворот выложен из современного кирпича в упрощенных формах, заменена кровля и восстановлен мезонин с использованием современных модульных материалов. Обследование несущих элементов показало, что в здании была проведена скрытая реконструкция. Проем в перекрытии первого этажа усилен металлическими профилями. Интересно и конструктивное решение мезонина. При осмотре выяснилось, что он передает нагрузку на двутавр (№36, длина примерно 11 метров), который в свою очередь опирается на наружные несущие стены. Есть винтовая лестница из металла в вестибюле (и на планах в альбоме [2]).

Если предположить, что мезонин восстановлен как подлинный, то подлинность конструктивного решения его несущей наружной стены вызывает сомнение. Дело в том, что свободное опирание на перекрытие вряд ли могли допустить строители того периода. Вероятнее всего, западная стена мезонина опиралась не на перекрытие, а на столб, проходящий через первый этаж и подвал. Тогда нет уверенности в том, что перегородка вестибюля и положение в ней дверного проема - подлинны.

Интерьер здания не сохранился, форма некоторых значительных элементов изменена. Винтовая лестница, например, расположенная в вестибюле, не существовала изначально, если судить по аналогичным постройкам Новониколаевска. Без сомнения, дом отапливался печью. Но от нее не осталось ни одной детали, и невозможно визуалью

²⁸ Смирнова Светлана Владимировна, историк, краевед.

определить ее место. Я предполагаю, что печь находилась в геометрическом центре основного объема здания для наиболее равномерного распределения тепла. По мнению арендаторов, дымоход проходил в капитальной внутренней несущей стене, той, что делит план здания на две части.

По рассказам о использовании дома, оказалось, что здание не раз меняло своего хозяина. И каждый владелец приспособлял его под свою деятельность. В период с 1997 по 1999 год в здании размещается «Центр Русского Фольклора и Этнографии». «Центр» перефункционалировал здание (см. рис 3), изменил интерьеры, используя в оформлении традиционные русские росписи.

В послевоенный период в здании размещалось новосибирское балетное общество «Терпсихора». Им было создано клубное помещение, для которого были изменены интерьеры. Элементы интерьеров клуба присутствуют и сейчас. По словам Каменевой В.А.²⁹, именно для этого общества был откопан подвал и сконструирована межэтажная лестница. Проживавший на Чаплыгина 36 во время второй мировой войны (в разговоре с Каменевой В.А.) подтверждал, что подвал в доме не эксплуатировался, а зальные пространства были разбиты на мелкие комнаты и функционировали как коммунальная квартира. Отсюда в 1941-1945 годы памятник – жилой дом.

Как был задействован особняк после 1917 года и до Великой Отечественной войны включительно, мне не известно.

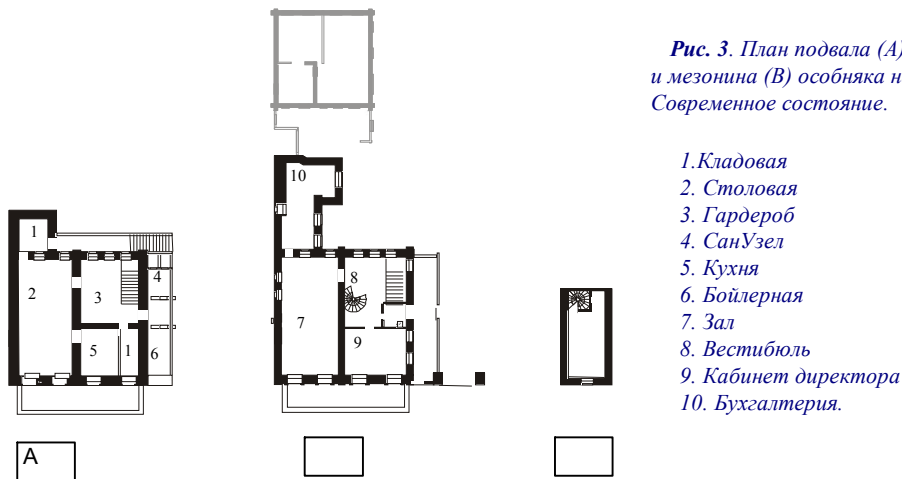

Рис. 3. План подвала (А), первого этажа (Б) и мезонина (В) особняка на Чаплыгина 36. Современное состояние.

- 1. Кладовая
- 2. Столовая
- 3. Гардероб
- 4. СанУзел
- 5. Кухня
- 6. Бойлерная
- 7. Зал
- 8. Вестибюль
- 9. Кабинет директора
- 10. Бухгалтерия.

Зданием интересовались архитекторы, историки, филологи, музыканты, администраторы. Каждый из них видел памятник по-своему.

НПЦ по СИКН (в частности, О.В. Коссовская³⁰), подходит к нему формально – есть документ, - проект о восстановлении, согласно документу необходимо дом восстановить.

Арендатор памятника В.В. Асанов³¹ рассматривает его как «оболочку», в которой он размещает и необходимые для центра функциональные единицы. (например: сейчас необходимо выделить помещение для размещения оргтехники; директор прилагает усилия для возведения перегородки в мезонине, не задумываясь над вопросом - была ли она здесь изначально?).

Архитектор К.П. Зайцев³² утверждает, что террасы на западном фасаде не было, а

²⁹ Каменева Вера Александровна, кандидат архитектуры, доцент кафедры Архитектуры и градостроительства НГАСУ. Сотрудничает с НПЦ по СИКН, занимается исследованиями и обмерами памятников архитектуры.

³⁰ Коссовская Ольга Владимировна, сотрудница НПЦ по СИКН Новосибирской области, наблюдатель за памятником по улице Чаплыгина 36.

³¹ Асанов Вячеслав Владимирович, директор Русского национально-культурного Центра, композитор.

³² Зайцев Кузьма Петрович, кандидат архитектуры, занимается исследованием истории памятников архитектуры.

Их готовили, начиная с семилетнего возраста, к поступлению в иногородние гимназии. Эта гимназия впоследствии была преобразована в женскую гимназию и оплата за обучение в ней составляла 70 руб. в год. Сыну Ф. М. Маштакова принадлежал первый автомобиль появившийся в городе. Так же в близлежащем квартале № 33 проживал купец А. И. Рунин, который перевез свой дом из Кольвани. Рунин вел активную общественную жизнь в городе, был избран городским уполномоченным, занимался меценатством. В 1905 г. открылась библиотека Общества взаимопомощи торговых служащих (Общество приказчиков), фонд которой составили 700 книг классиков художественной литературы, подаренных купцом Руниным. Так же активно в городе действовал торговый дом под вывеской «Братья Каменские». Купцы и торговцы считали, что город Новониколаевск своим возникновением обязан им.

Не удалось ничего узнать об общественном деятеле Г. И. Жернакове, а В. И. Жернаков был головой города Новониколаевска [3].

Таким образом, оказалось, что основная часть участков принадлежала представителям одного из богатых сословий – купечеству, которые кроме торговли занимались общественной деятельностью и меценатством.

Для определения номера участка, на котором расположен особняк, произведено геометрическое деление периметра квартала на участки, размеры которых известны. Расчеты на месте показали, что дом стоит либо на 14, либо на границе 13 и 14 участков. В дом входили и с восточного фасада по адресу Чаплыгина 38 (с участка № 13).

Восточный фасад «Дома с мезонином» полностью лишен архитектурных украшений. Интерес представляет деревянная изба (Чаплыгина 38), пристроенная к южному фасаду памятника и возведенная в одно время вместе с ним. В кирпичной пристройке особняка оставлены конструктивные пазы для их соединения, один из которых до сих пор используется. Сохранился входной узел между избой и особняком в виде фрагмента. Фундамент избы выполнен из кирпича с габаритными размерами, характерными для практики строительства начала 20 века. Очень вероятно, что пристройка к памятнику и деревянная изба были объединены общей кровлей. Предположительно, с этой стороны прислуга заходила в дом, так же возможно размещение в ней комнаты для обогрева наемных рабочих, вследствие того, что здание относилось к торговому дому Иконниковой Е. Г.³⁷, а сохранившиеся с того времени постройки на 13 участке являлись складами этой компании.

Отдельно организованный вход с восточного фасада комплекса является примером действия правил иерархичного устройства жизни общества того времени на организацию планировки жилища, а изба служила домом для прислуги. (рис 5).

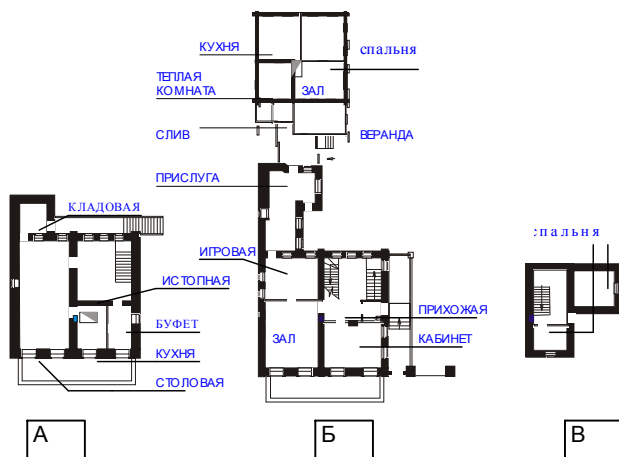

Рис. 5. План подвала (А), первого этажа (Б) и мезонина (В) особняка на Чаплыгина 36. Реставрация.

Планы реставрированы на основе представлений о доме на Чаплыгина 36 как будто он был жилым домом с самого начала, а объекты комплекса построены первыми владельцами. При реставрации учитывались требования НПЦ по СИКН к восстановлению западной части мезонина.

Считается, что подвальное помещение эксплуатировалось владельцами, а в последующие годы было отведено для размещения прислуги.

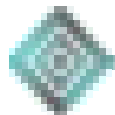
Тематика №5

³⁷ Данные по торговому дому Е.Г.Иконниковой заимствованы из [2], и они явно не стыкуются с документом из архива, предоставленным Богомазовой С.Н.

Чаплыгина 36 на протяжении своей короткой истории претерпевал существенные изменения, люди не видят в нем памятника, включая его в свою деятельность. На таком малом примере я хочу показать сложность описания характеристик существующего здания и восстановление его истории. Всевозможные взгляды на памятник как таковой показывают³⁸, что до сих пор в городе Новосибирске не сложилось понятия памятника. Современное употребление понятия памятника в нашем городе требует корректировки существующей концепции, и даже выработки новой. Такие разработки важны, поскольку место памятников в городе весьма значительно и «вычеркнуть» (по документу) их из городской жизнедеятельности нельзя. В наши дни к ним проявляют большой интерес люди из многих профессиональных сфер с различными надеждами и требованиями к ним, при этом понятие и подходы к памятникам самые разнообразные. Консервация здания-памятника как метод «выключает» его из процессов деятельности и развития города. Одновременно указанный метод, применяемый в реально существующих правовых и социально-экономических условиях, «включает» процессы саморазрушения памятников. Вольное и бесконтрольное использование памятников нередко приводит к потерям и утратам. «Включение» горожан в формирование понятия «памятник» в Новосибирске может стать приближением решения названных проблем.

ЛИТЕРАТУРА.

1. *Памятники истории и культуры Сибири.* / Отв. ред. А. С. Московский. - Новосибирск: Наука, СО, 1978. – 184 с.
2. *Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Книга 1. Новосибирск (памятники состоящие на государственной охране).* / Андрианова И.Ю., Гусаченко В.Л., Матвеева Л.Л., Тимяшевская Л. В. Под ред. П. В. Грес, - Новосибирск, 1998.- 200 с.
3. *Новосибирск. 100 лет. События. Люди.* - Новосибирск: ВО "Наука", Сибирская издательская фирма, 1993. – 472 с.

³⁸ Подробнее смотрите материалы круглого стола, организованного НПЦ весной 1998 года по историческому центру Новосибирска, они напечатаны в ТемаТеке №3 – прим. редактора.

СТИЛЕВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ квартала на

Красном проспекте 13

Дьяченко Ю.О.

Всегда актуален вопрос о сохранении и использовании культурного потенциала памятников, исторических зданий, создающих среду либо представляющих единичный экземпляр того или иного концептуального направления в архитектуре. Существуют различные методы сохранения и включения среды в современную ситуацию: консервация, ремонт, реставрация и многие другие. Каждый метод работы является производной от концепции памятников в той или иной культурной среде.

Работая с архитектурными объектами, как элементами культурной среды, методами консервации, ремонта, реставрации мы можем сохранить их внешний и внутренний облик без малейшего изменения, сохранить неизменными части, детали, планировки, комплексы.

Работая с памятниками, мы видим, что их первоначальная функция, сохраняя свое значение, остается неизменной, но ее содержание, как правило, оказывается мобильным. Именно здесь **необходимо** говорить о разработке новой программы функционального включения здания в городскую, - культурную среду. При создании такой программы следует ответить на ряд основных вопросов, например, таких:

- востребованность первоначального функционального содержания;
- соответствие внешнего облика памятника нашему представлению его функции;
- включение (интерполяция) или противопоставление (экстраполяция) памятника окружающей городской среде.

Этими и другими вопросами можно и не задаваться и получать «мертвые» функциональные пространства в городе.

Можно утверждать, что первоначальное функциональное содержание памятника очень редко является востребованным (отсутствуют носители культурных образцов). Из этого тезиса вытекает то, что новые деятельности могут «захватить» имеющуюся структуру здания и «разрушить» содержание его функции, саму функцию, вплоть до ликвидации других структур. Во избежание социо-культурных утрат новые деятельности не могут быть любыми, так как потеря всех структур ведет к исчезновению целостности памятника и его «выпадению» из городской среды.

Памятник в городе может оказаться в различных ситуациях. Каких?

1. Среда состоит из зданий приблизительно одного периода, одного архитектурного направления и одного функционального назначения.
2. Среда представляет собой набор зданий разных стиливых эпох с различной датировкой постройки, разных функций.
3. Естественное состояние города со всеми сохранившимися атрибутами формировавшейся среды, разной степенью износа и сохранности ее элементов.

Первый случай дает хорошую возможность использовать часть города с сохранившейся средой какого-либо периода истории для формирования, например, ансамбля. В этом случае встает вопрос о включении ансамбля в уже изменяющуюся городскую инфраструктуру.

Во втором случае решаются вопросы о гармоничном взаимоотношении между памятником и окружающей застройкой.

Последнюю ситуацию можно рассматривать как начальную площадку для создания какой-либо среды на основе разработанной программы.

Новосибирск - город, в котором можно найти многие средовые ситуации. На примере одной из них я попробую проиллюстрировать изложенные тезисы.

На пересечении Николаевского (ныне Красного) проспекта и улиц Гудимовской и Болдыревской (ныне Коммунистическая и Октябрьская) находились три двухэтажных здания (рис. 1). Угловые дома относились к «кирпичному» стилю [1], среднее здание было из дерева.

Рис. 1. Дома на Новониколаевском проспекте (застройка после пожара 1909 года) [из: Никольков А. В. Современник из прошлого: Н.Г.Гарин-Михайловский. - Новосибирск: НКИ, 1989]

В 1933 году архитекторами Гордеевым и Вороновым при сотрудничестве с художником Тейтелем каменные здания были реконструированы, в результате чего они были надстроены еще двумя этажами и объединены центральной шестиэтажной частью. Конструктивизм, являвшейся главной архитектурной идеей начала 30-х годов в Новосибирске, был взят авторами за основу реконструкции этих домов.

Главная программа строительства в Советской России тех лет имела одним из основных этапов коренную реконструкцию имеющегося капитального фонда. Примером такой реконструкции можно привести реконструкцию здания Хлебоэкспорта в Москве, которое было так же надстроено и получило новые планировки и фасады, согласно идеям конструктивизма (рис. 2 и 3).

Рис.2. Здание в Москве, послужившее объектом для реконструкции и получившее название «Здание Хлебоэкспорта». Фасады до реконструкции [из: Дом Хлебоэкспорта в Москве. - Современная архитектура, 1927, N 2, с.33-35].

Рис. 3. После реконструкции. Здание Хлебоэкспорта.

Идея коренной реконструкции были той основой, благодаря которой появился дом, являющийся объектом для памятника Дом «С часами».

Но рассматриваемое мной здание не стало памятником конструктивизма, и на то есть ряд причин. Свойственные конструктивизму, «чистые» (без декора) плоскости в этом доме

и идея конструктивизма которой в Новосибирске сейчас средовым конструктивизма - это

отсутствуют, стены здесь имеют рустовки и пилястры, хотя остекление полностью соответствует принципам освещения, принятыми в конструктивизме. Яснее видны принципы конструктивизма во внутренней структуре. Здесь присутствуют идеи коммунального жилья и рациональные квартирные секции.

Вокруг дома Облснаба (Дома «С часами») на период 1930 года располагались постройки, которые сохранились по сей день, в так называемом «кирпичном» стиле [1] начала века (дом купчихи Жернаковой, Коммунистическая 43); Типография (Красный проспект 22); дом купца Маштакова (Красный проспект 9).

В период с 1928 по 1938 год здесь же осуществлялось строительство конструктивистских зданий - дом «Динамо», спортивный клуб «Динамо», Коммунистическая 60, / арх. Б.А. Гордеев, С. П. Тургенев; инж. Н.В. Никитин/, крайисполком, Красный проспект 18, /арх. А. Д. Крячков, Б. А. Гордеев, С. П. Тургенев/. Вокруг Дома «С часами» существует еще ряд домов, использующих приемы конструктивизма только внешне.

Также в ближайшем окружении можно выделить постройки период неоклассицизма и рационального модерна [1] и ряд более поздних построек, которые группируются так:

- начало века (1905-1917) – эклектика;
- 1924-1930 – неоклассицизм, рациональный модерн ;
- 1931-1936 – конструктивизм .
- и позднее.

Есть идея - о создании своеобразной площадки, включающей в себя тот исторический этап архитектуры, когда дома начала века соседствуют с домами конструктивизма. Эта площадка будет нести на себе смысл периода перемен и реконструкции, периода конструктивизма в архитектуре Новосибирска, где каждое здание играет определенную роль: здание начала века – наследие, которое возможно могло быть реконструировано под более прогрессивные конструктивистские дома-комплексы; здания в конструктивизме – как образцы идей в архитектуре того времени; здания, которые смогли вобрать в себя и наследие города и новые веяния в архитектуре.

Инструментом создания такой площадки в городе, на мой взгляд, является стилевая реконструкция. Чтобы создаваемая среда полноценно включалась в функциональные процессы города, необходимо детальное исследование всех процессов в этой части города. Должна быть создана картина структуры функционирования данной площадки, по возможности полно отвечающая всем городским запросам к ней.

Примером создания такой площадки может служить проект стилевой реконструкции квартала, включающий в себя здания, описанные выше. Функции квартала объединены в комплекс, отвечающий принципам конструктивизма, комплекс жилья, обслуживания, мест приложения труда. В результате исследования данной части города, определились ряд функций, которые могли создать структуру квартала:

1. Деловая функция – офисные и конторские здания.
2. Обслуживающая функция - центр обслуживания (магазины, химчистки, почта и т.д.).
3. Досуговая функция – спортклубы.
4. Культурная функция – галерея.
5. Жилая функция – жилые дома квартирного типа
6. Питание – закусочные, ресторан.

В данном примере работы был осмыслен и проработаны планы и фасады одного из объектов – жилого дома (Красный проспект 13), давший идею стилевого решения всего квартала (рис. 4).

Рис. 4. Дом на Красном проспекте 13. Современное состояние. Фотография декабря 1998 года.

Не четкое выражение стилового решения фасадов повлекло за собой их изменения по принципам конструктивизма. Этот жилой дом, имеющий коммунальные квартиры и ряд небольших жилых секций не отвечал интересам горожан, и с их стороны было выдвинуто предложение к архитекторам, создать в доме приемлемое для современной ситуации качество жилья. Заказ на проект реконструкции жилого дома был выполнен. В рассматриваемой работе предложено еще одно прочтение реконструкции данного дома. Функциональная структура дома включила досуг, обслуживание, жилье. В доме располагается ресторан на 100 мест, галерея, ряд магазинчиков и квартиры. В тех этажах здания, которые принадлежат постройке начала века, устраиваются квартиры в двух уровнях (сделать это позволяет высота этажа). В остальных случаях квартиры одноуровневые. Квартиры с общей площадью до 300 м², не представляют собой экономичное решение жилья, они пытаются вместить в себя максимально возможные комплексы деятельности семей в городе Новосибирске на данный период времени.

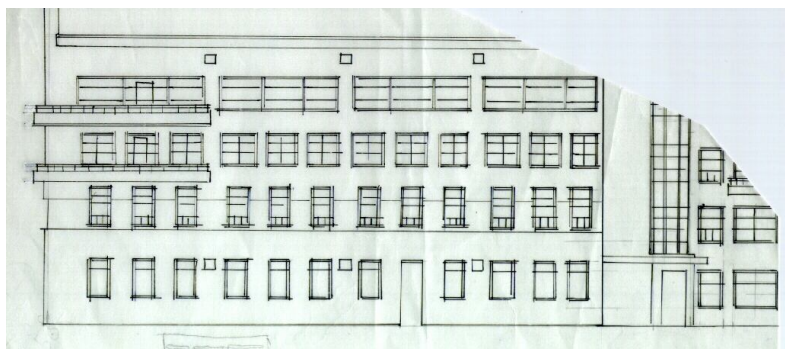
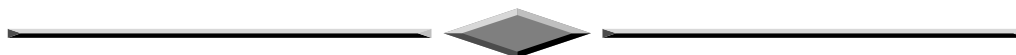

Рис. 5. Фасад дома на Красном проспекте 13. Эскиз проекта стилового реконструкции. Предложение автора статьи.

В данной работе была осуществлена попытка уйти от типового проектирования жилья по нормам и правилам (СНиПов) и осмыслить планировку квартир не по норме в м² на человека, а по размещению элементов структуры деятельности семьи как целостного развивающегося явления. Далее, здесь появилась квартира, с включенной в планировку частью, которая при надобности могла бы обособляться (например, для сдачи в наем). Данный принцип реконструкции здания будут перенесен и на остальные объекты квартала. Таким образом, данным проектом сделана реальная попытка создать среду, которая будет внешне нести смысл и принципы конструктивизма, а внутри нести принцип функционального соответствия социо-культурным требованиям города.

Еще несколько выводов:

- стиловая реконструкция с точки зрения восстановления полной функциональной структуры (элементы и их связи) крайне затруднена из-за отсутствия носителей культурных образцов ушедших эпох;
- стиловая реконструкция возможна в ограниченном диапазоне (функции, некоторые функциональные связи, принципы построения внешнего облика, части, детали, символы)
- стиловая реконструкция является экспериментальным методом создания искусственно - исторической среды.

Планировочный район в структуре крупнейшего города.

Семинар аспирантов Госстроя СССР, Кучино 8 ноября 1988 года.

Докладчик: Анна.

Анна: То, о чем я сейчас буду говорить касается темы моей диссертации, которая звучит следующим образом **«Формирование планировочных районов в структуре крупнейшего города (на примере Новосибирска)»**. Сейчас я бы хотела осветить один из методологических аспектов этой проблемы. Свое сообщение я бы назвала так "Планировочный район как метод управления планировочным развитием города". Свое сообщение я бы разделила на 4 части.

1. Градостроительство как сфера деятельности является неотъемлемой частью общего механизма социального управления.

2. Спецификой градостроительства является ориентация на пространственные и временные критерии эффективности.

3. Планировочное районирование выступает в градостроительной теории и практике как средство повышения эффективности функционирования города: снижение объемов непроизводительных общегородских связей в структуре города, повышение доступности мест приложения труда, культурно бытовых учреждений, рекреаций, сокращение дальности поездок, затрат времени на них, повышение комплексной застройки города.

4. Планировочное районирование является, таким образом, методом управления планировочным развитием города. Парадоксальность ситуации заключается в том что **объект** управления **планировочный район**, его генезис хорошо отслеживается, а **субъект** управления отсутствует. Логично предположить, что "нереализовываемость планировочного района", - не от того что плоха идея, а потому, что отсутствует механизм ее реализации. Очевидно, что необходимо вести поиски субъекта управления.

Рома: "Сама идея хороша - механизм не совершенен" - разверни идею.

Анна: Тема диссертации мне задана. Планировочный Район существует как понятие в теории и практике градостроительного проектирования, а в реальности - не существует. Практика реализации Планировочного Района насчитывает более 20 лет. Тем не менее, мы сегодня не имеем ни одного планировочного района. Градостроительная наука в отношении Планировочного Района развивалась следующим образом: совершенствовалась сама идея, делались попытки связать ее с процессами, происходящими в реальности. Я считаю такое развитие не совсем правильным. Несомненно, нужно изучить, какими частями реально функционирует крупнейший город. Но даже то, что мы имеем, заканчивается на стадии проектирования. И здесь необходимо рассмотреть, какую роль в планировании города играет генплан, как структурируется территория города для целей планирования, ведь на стадии планирования оперируют совсем иными, чем планировочные единицы, таксонами. Таким образом, Планировочный Район выпадает из реальных процессов планирования, оперативного руководства, учета контроля развития города. Он не может быть реализован вообще.

Ирина: Планировочный Район - это идея и эта идея не работает, опиши, что такое Планировочный Район.

Анна: Я как раз хочу продолжать свой доклад, в этом разобраться. В первой части тезисов я рассмотрела Планировочный Район как метод управления социальным развитием городов и тем самым задала рамки последующего рассуждения.

Далее на второй и третьих частях я рассматриваю генезис идеи Планировочный Район в проектирование и реальные процессы дифференциации территории города. Я сразу оговариваюсь, что окончательно рецепта пока нет, но я надеюсь получить его при завершении работы.

Наташа: Основная задача - реализовать проект Планировочного Района в жизнь?

Анна: Это - не основная задача. Хотя на данном этапе развития современного градостроительства такая задача может ставиться. Наука у

нас прикладная и в конечном итоге мы должны выйти на рекомендации, грамотные рекомендации. Я поняла, что те рекомендации, которые выдаем мы, абсолютно не приемлемы в сложившейся практике административного управления.

Рома: В каких городах ты рассматриваешь Планировочный Район: в новых или крупнейших?

ВВ: Какая разница.

Анна: Планировочный Район я рассматриваю для крупнейшего города. Но для первого посыла, который я здесь осуществила, это не имеет значения.

ВВ: Ситуация парадоксальная. В течении 50 лет архитекторы придумывали жизнь, чтобы удобнее было работать, придумывали дурацкие схемы и пытались их стране навязать. И тогда, когда видна мертвечина этой доктрины, все равно головной институт разрабатывает тему ... Просто удобно СНиП делать. А вот Аня это понимает и пытается, вот тут что непонятно, - придумать какой-нибудь путь, "что это является механизмом управления".

Анна: Ты не понял. Я задаю рамки последующих рассуждений. Мой посыл: "Градостроительство как часть механизма управления".

ВВ: Я это слышал. Но управления - чем? Каким городом? Развитием? Расселением? Мне кажется, это надо обсудить.

Наташа: Послушай до конца. Она не рассказала.

Рома: Откуда родом Планировочный Район?

ВВ: Необходимо понять конструкт. Где мы находимся? Что же с этим блоком делать?

Анна: Я хочу сказать, что градостроительство включает в себя и изучение реальности, и градостроительное проектирование, и реализацию. Вот эта реализация и должна быть включена в деятельность управления. Пока у нас все останавливается на проекте. Нет статистики. Проектирование осуществляется планировочными единицами, а планирование идет по административным единицам. Нет механизмов претворения проектов, которые, как я считаю, входят в механизм управления. Социальное управление воздействует на общество с целью его упорядочения, сохранения качественной специфики, совершенствования и развития. Градостроительство имеет ту же цель.

Сева: Градостроительство воздействует на общество, а не наоборот?

Анна: По моему, существует диалектическая связь. Я не отрицаю, что общество само рождает свои города. А как же человеческая деятельность? Существуют проекты, которые первоначально возникают как замысел, а потом реализуются.

ВВ: Ну, это же старая схема. Нас в школе так учили. 50 лет нам эта схема навязывалась. Но это не реально. Изобрели такую единицу - Планировочный Район, поскольку дальше не видят. Например, территория до реки....

Сева: Планировочный Район - район, который обрабатывается планировкой. У него структуры быть не может. Землемеры отвели участок. И это делается. Уже 50 лет делается... с 1932 года. Вы говорите: «Планировочный Район как метод социального управления», а вся практика показывает, что с помощью этого метода ничего не делается. Исходя из того, что Вы сказали, Планировочный Район - это не метод.

Анна: В том виде, в котором он существует сейчас - это, действительно, не метод. Я с Вами согласна.

Сева: Значит надо обсуждать ситуацию. А, может быть, дело не в Планировочном Районе? Может быть, ватман плохой? Необходимо показать успешность идей, как они трансформировались за 50 лет.

ВВ: Стоит ли говорить о том, чего нет.

Сева: У нее есть своя программа.

Анна: Продолжаю. Второе. Проблема районирования имеет два аспекта рассмотрения: первый аспект - как дифференцированность территории целого; второй аспект - как совокупность действий, направленных на совершенствование и преобразования взаимосвязей между частями целого. Оба аспекта должны быть тесно связаны. Попытка расчленить территорию города на части вызваны трудностями управления жизненными процессами и развитием материально-пространственной среды в крупном и монолитном городском образовании. Эти попытки непосредственно связаны с развитием

представления о планировочной структуре города, об отношениях между составляющими ее планировочными элементами. В 20-30-е годы, когда внимание уделялась трудовым связям и – поэтому – в теории разрабатывалась идея структурирования территории города замкнутыми промышленно-селитебными балансами, таким планировочным элементом явился промышленно-селитебный поселок. С укреплением промышленных районов, с ростом внимания к культурно-бытовым связям произошел переход к структурированию территории города замкнутыми культурно бытовыми балансами, имеющими иерархическую структуру, соподчиненную различным уровням обслуживания. Ведущим планировочным элементом стал комплексный промышленно-селитебный или планировочный район, имеющий в своем составе МПТ (места приложения труда) и отдыха, соподчиненный четвертой ступени обслуживания. Его величина жестко не регламентировалась: 100-300 тысяч жителей, 30-100 тысяч трудящихся в промышленной зоне города, максимальная трудозанятость своего населения 60 процентов. Принципиально важно, что речь шла не о замкнутости трудового баланса, а об обеспечении относительного соответствия мест труда в производственной зоне градообразующей части населения. Градостроительная теория и практика пошла по пути укрупнения планировочного членения. Во-первых, это вызвано необходимостью решения крупных городских проблем. Во-вторых, необходимостью взаимосвязанного развития города и сопряженной с ним сети населенных мест. Создание планировочных зон предусмотрено в крупнейших городах с населением более одного миллиона. Численность населения таких зон – от 300 до 1000 тысяч человек. Укрупнение величины планировочной единицы позволило более реально говорить об увеличении трудозанятости в планировочных границах. Обобщая сказанное, можно экстраполировать основные тенденции развития теории объекта управления – планировочного района...

Сева: Сотнями миллионов будем ворочать. До тех пор пока не будет гражданской войны или сами архитекторы не подохнут. То, что вы сегодня обсуждаете, уже антисоветски звучит.

Анна: Я не обсуждаю, а рассказываю о путях и тенденциях развития проектной практики.

Сева: Вы повторяете то, что говорили о себе те, кто это делал. Вы повторяете за теми, кто переписал это у них...

Анна: Что в таком случае вы предлагаете?

Сева: ...нет никакого теоретического анализа.

ВВ: Человек выйдет из своего дома и будет идти до своего предприятия 15 минут. Это цитирует Градов идеи Сакульского на 135-той странице своей «знаменитой» книги³⁹.

Сева: И это все, что есть за душой и было у советского проектировщика за 50 лет и больше ничего: трудозанятость и обслуживание 4-ой ступени. И это есть наша жизнь.

Анна: Да, это то, что я хотела вам сказать. Вы совершенно верно меня поняли.

Сева: А суть заключается в том, чтобы элементарные требования распространить на огромные территории, мультиплицировать единицу, например, аптеку или квартиру, или МПТ (место эксплуатации государством человека). И государство начинает плести сеть по всей территории страны, распространяя это для огромного числа людей.

ВВ: Лагерный принцип.

Сева: Да, лагерный. Бараки должны быть одинаковы. Какой смысл их индивидуализировать?

Анна: В мои планы не входило говорить что-нибудь новое. Я просто хотела раскрыть, что подразумевается сегодня в проектной практике под Планировочным Районом. В третьей части я буду говорить о процессах естественной дифференциации территории города. Территория города дифференцируется. Крупнейший город функционирует частями. Эти части – различных уровней крупности. Они воспринимаются и на уровне обыденного человеческого сознания.

³⁹ Градов Г.А. Город и быт. М., 1968.-249 с.

ВВ: Бархин написал книгу - "Архитектура и город". Забавная вещь! С Магнитки, Волгограда начинали строить линейные города. Понастроили, понатыкали забавных проектов ... А спустя 20 лет на этом материале они доказывают правомерность этой схемы. У Бархина это четко прослеживается, цитирую его довод по памяти: "Город всегда будет развиваться линейно, поскольку дерево всегда будет расти в длину, а если в ширину, то это уже не дерево, а пень...".⁴⁰

Анна: Это - замечательное лирическое отступление, но оно абсолютно не относится к теме разговора.

ВВ: Откуда у меня эта реплика? Я поясню. Как же так - профессионал, воспитанник нашей советской школы - и будет дифференцировать город как естественное образование? Вот если ты пояснишь, как это сделать?

Сева: Для меня это не убедительно, что город функционирует частями. Не верю. Если территория города дифференцируется, то в чем же проблема?

Анна: Боюсь, что вы не поняли. Давайте я расскажу, что я понимаю под дифференцированностью.

Сева: Я же специально задаю такой невоспитанный вопрос, для того, чтобы вызвать Вашу откровенность.

Анна: Мую откровенность можно вызвать и другим способом. Не обязательно же всех одинаково долбать. Кроме яркой индивидуальности должен быть и индивидуальный подход!

Сева: Я согласен.

Анна: Существует много исследователей, которые занимаются дифференциацией территории города. Та или иная дифференциация родом от основания, по которому она выполняется. Я могу утверждать, что все эти дифференциации могут быть сведены к двум моделям: первая дифференциация - средовая, она производится по принципу однородности: в городе выделяется концентрические зоны - это модель "центр-периферия".

Сева: Что в этих кольцах?

Анна: В зависимости от основания дифференциации - плотность застройки или интенсивность функционального использования территории... Признаки распределяются следующим образом: наиболее функционально насыщенная, менее функционально насыщенная... Следует другой принцип дифференциации - принцип связанности. Выделяются инфраструктурные оси и по связанности выделяются территории, которые насаживаются на эти оси. Так, у представителей этого направления - школы Т. Хегерстранда - существует "пространство деятельности" - концепция. "Пространство деятельности" - это территория, в пределах которой реализуется решение индивида о том, где жить, делать покупки и т.д. Это набор мест в городе связанных друг с другом: каждое из них характеризуется определенной полезностью. Пространство Деятельности имеет в плане форму сектора. Последователи этой школы в отечественной социальной географии - Барбаш Н.Б., Петров Н.В. (ИГ АН СССР). Известны самостоятельные исследования тяготеющие к этой школе: это работы К. Александера, Н. Рудневой (ЦНИИП градостроительства). Эти модели при формировании концепции планировочного районирования впервые были использованы в Едином генеральном плане г. Ленинграда и Ленинградской области. Произошло выделение секторов на территории города с наложением на средовую основу. Для выделения районов была определена различная градостроительная политика. Эти районы были названы планировочными районами.

Рома: Средовая модель очень старая.

Анна: Но от того, что она старая, она не перестала функционировать.

Ирина: Зачем ты об этих моделях рассказала? Они как-то работают на планировочное проектирование?

Анна: Я хотела рассказать о процессах естественной дифференциации территории города.

Лена: А естественная - это какая: первая или вторая?

⁴⁰ Бархин М.Г. Архитектура и город. М., Наука, 1979.-224 с. Сравните с текстом со страницы 45: *«Почему же так жизненна система линейного развития?.. позволю себе представить гипотезу, согласно которой происходит это в конечном счете по закономерностям, общим для всей живой природы. ... если бы оно <дерево> росло только концентрически, то получился бы не более чем пень, то есть малоудачное произведение рук человеческих <?!>».*

Анна: И первая и вторая.

ВВ: Описательная модель.

Рома: Можно пояснить по второй модели принцип деления на сектора?

Анна: Принцип связанности. Территория города неравномерно охвачена элементами инфраструктуры, в частности, транспортом. Территория в городе дифференцируется по отношению к тому или иному лучу инфраструктуры. Так образуются сектора. Очень хорошо иллюстрирует заданную схему - схема пассажиропотоков.

ВВ: Если правильно поняли, то граница секторов условна? Модель первая является альтернативой второй?

Анна: Они не являются альтернативными, поскольку не исключают друг друга.

ВВ: Если я помню, эти модели были разработаны Чикагской школой в 1926-1927 гг. И сейчас мы будем их вспоминать? До сих пор мы действовали независимо от этих моделей ... Эта схема первоначально отражала социальную дифференцированность - пять зон. В центре - концентрация негров и пуэрториканцев...

Анна: Действительно, данная модель описывает стратовые различия в американском городе. Потом она стала более общей, т.к. описывала и другие процессы, происходящие в городе...

ВВ: Потом появилась "центр-периферия". Понятие границы здесь размыто.

Сева: Это - не Анна...! Это она зачем-то использует как свидетельство дифференциации. А до 13-го года думали, что это не так?

ВВ: Почему такая дата? Возникновение первого градостроительного института в Чикаго. До этого градостроительства не было как дисциплины.

Сева: Вы ведь обсуждаете градостроительство как часть механизма социального управления, следовательно нужно брать от царя Гороха.

Ирина: Ты рассказываешь, в какой ситуации существуешь ты как градостроитель, поэтому ты обязана брать не с 1926 года, а раньше.

Сева: Эти модели описывают то, что у них в Америке существует, а не в Новосибирске.

Анна: Такие исследования были проведены в различных городах Союза, в том числе - в Новосибирске.

Ирина: А как эти модели работают в Тольятти?.

Сева: Поверх морфологии просто прорисовывается картина: точка, точка, запятая...Как этим пользуется Коган? Он стремится протянуть это за уши ко всем структурам. Какие он там делает исследования? Мы не видим. Они просто не опубликованы. Поскольку как только мы натягиваем эту схему на совершенно иначе созданные планировочные решетки, то ничего не получается. Ну, нет там никакого центра. Нет там периферии. Нет срединной зоны. Поскольку он рассматривает это морфологически. Если бы он задал такую схему как идеальный объект, то у него могли бы быть центральные функции, выделенные отдельно и просто причисленные к какой-то территории. К конкретной территории это отношения не имеет, напрямую не ложится. Территориально периферия может оказаться в центре города... Допустим, Вам поверили. Но есть особая точка зрения - ВещДок - вещественные доказательства. Но самое интересное теперь дальше. Что получается? С одной стороны, у Вас есть идея Планировочного Района, с другой стороны, - дифференциация территории. Таких схем можно 10000 придумать по разным основаниям, в зависимости от того, сколько мы специалистов привлечем с разными знаниями.

Анна: Давайте посмотрим на проблему Планировочного Района еще с одной точки зрения. Существуют районы в городе, которые действительно функционируют. Такими районами являются административные районы. Основной принцип деления на Планировочные Районы - разукрупнение уровней управления. Критерии: численность населения, численность работающих...

Сева: Административный район выделяется по количеству коммунистов, прикрепленных к райкому партии, а прикрепление осуществляется по месту работы.

Анна: Не надо. Откуда у вас такие сведения? Почему вы ставите под сомнения мои?

Сева: Из Политбюро.

Анна: Я слышала об этом, но я подвергаю это сомнению.

Сева: Работу делать вам. И Вы будете наткаться на плоды своих заблуждений.

Анна: Я держала в руках представления в Совет Министров о разделении районов...

Сева: Забудьте об этом. Существует партийный аппарат. Райком является стандартной ячейкой, но не может быть большим или маленьким, он стандартен как в армии, к нам может быть прикреплено определенное количество членов партии – коммунистов, с большим числом они не смогут работать. Поэтому, если вы возьмете Москву, то в центре, где много учреждений, районы маленькие, а в новых районах производства нет, поэтому они будут больше. Коммунисты прикрепляются по производственному принципу.

Анна: Почему же количество коммунистов не производное от количества трудящихся. Пока я такого документа, где бы указывались списки коммунистов порайонно, не видела.

Сева: Доказывать не буду.

Анна: По Вашей логике могут существовать чисто административные промышленные районы. В тех городах, которые я изучала, таких районов нет. Административные районы по численности не превышают 300 тысяч.

Сева: Что я проблематизировал? Помнишь? Не имеет отношения к численности населения административно-управленческий механизм. Все сделано для удобства функционирования партийной администрации.

Анна: Тем не менее, то, что сделано для удобства функционирования партийной администрации, отражается на планировочной структуре города. Я могу доказать. Многие уникальные объекты тяготеют к административным центрам районов. Положение партийного, советского центров определяет положение других объектов КБО на территории административного района. Это не всегда удобно для жителей и поэтому рационально с точки зрения планировки. Например, в Новосибирске граница между двумя административными районами проходит по ул. Советской. Улица Советская входит в «ядро» центра. Несмотря на это она трактуется как задворки административных районов.

Сева: Не надо здесь копать. Мысль простая и древняя как Русь. Вот Кремль в Москве построен как административный центр. Выделена территория для иерархических структур. Старая, как мир, концепция, но это не имеет ни какого отношения к функционированию района. Вот, например, у нас в Киеве – пустырь, а там возвышается райком. Здание 4-х этажное. От него в одну сторону – 10 км, в другую – 7 км. Там сделают площадь, туда подгонят улицу.

ВВ: Тоже самое в Новосибирске: здание обкома – на пустыре. Даже метро подогнали, не то, что улицу.

Сева: И архитектор начинает работать как складывалось веками. Отношения к жизни это уже не имеет никакого: в Лондоне – не так, в Нью-Йорке, Париже – не так...

Анна: В Филадельфии существует такая практика: население 200–300 тысяч должно купить себе Даун-Таун.

ВВ: В Колумбии – другая практика.

Ирина: Ты градостроитель. Ты прописала себе социо-культурные рамки. Рассматриваешь проблему районирования. Соотносишься с административной точкой зрения. А административная есть партийная точка зрения. С чем ты соотносишься еще?

Лена: Может, поучиться в Америке?

Сева: Чтобы обсуждать Америку, в частности, США, надо же еще выйти на такое основание, чтобы можно было рассматривать их практику и нашу на одной плоскости. То, что делает Глазычев, обсуждая программу метрополитен-единиц. Он взял такую глубину рассмотрения, когда уже не имеет значения, какой уровень привлекать. Он берет Древний Египет, Рим, США, наше недалекое прошлое. Тут пока мы не имеем такой возможности. Это наш советский опыт: планировочные и административные районы.

Наташа: Может быть, до конца дослушать доклад? Может быть, мы сбиваем ее с логики доклада? Мне важно понять целиком, что она делает. Мне до сих пор непонятно, каким образом архитектор может реализовать в жизнь свои замыслы?

Анна: Как архитектор я должна сказать, что существуют следующие проблемы: неупорядоченность функциональных связей, моноцентризм структуры крупнейшего города, чрезмерная переуплотненность центростремительных потоков, слабое развитие функций в периферийных районах, длительные утомительные передвижения к МПТ (2 часа туда и два часа обратно)... Я не считаю, что это во всех случаях целесообразно. Я не считаю, что проблема лишь в слабом развитии транспортной инфраструктуры. Я говорю о несовершенстве планировки города. Необходимо преодолеть моноцентризм структуры крупнейшего города. Этому благоприятствуют демократические подвижки в обществе. Я не хочу заключать отдельные части городской территории в жесткие рамки планировочных районов, как это принято сейчас. Я хочу создать возможности каждому человеку реализовать свои потребности: в МПТ, в КБО. А для того, чтобы определить ареалы, я предлагаю разобраться, каким частями функционирует крупнейший город. Я говорю о закономерностях, которые прослеживаются, а вы подвергаете это сомнению. Я доверяю тем людям, которые проводили эти исследования (Барбаш, Петров, Александр, Руднева). Я считаю, что мы должны подумать, как, изучив эти закономерности, претворить их в проект. Оптимизировать смысл деятельности градостроителя.

Сева: Отлично. Но тогда ты должна задать требования - какие условия мы должны считать благоприятными. Расскажи как вы будете задавать требования благоприятности. Но у вас не пройдет ход фиксации недостатков современного города и утверждения, что этого не должно быть.

Анна: Я буду действовать, отталкиваясь от того, что есть.

Сева: Но кто вам гарантирует, что не будет худших последствий? А вы знаете, что в Москве воздух на 120% отравлен? А вы рассуждаете, что кто-то куда-то перемещается. Слава Богу, что кто-то не попадет в центр.

Анна: Пока что все перемещаются именно через центр.

Сева: Кто вам такое сказал?

Анна: Это же очевидно для города с радиально кольцевой структурой.

ВВ: Вынуждены ездить через центр.

Сева: А если построить окружную дорогу, то не будут ездить через центр.

ВВ: В Москве зафиксировано это Коганом, Шпаковской...

Анна: Насколько мне известно, простое осуществление колец проблемы не снимает.

Сева: На примере Новосибирска вы хотите решить глобальные проблемы?.

Анна: Мы обсуждаем сейчас мою диссертацию? Нет? Тогда я тот вопрос снимаю.

Сева: Делают Планировочные Районы, которые никому не нужны. Хотя это сомнительно. Поскольку застройка проектируется в соответствии с ними. А домостроительные комбинаты и домостроительные тресты застраивают в соответствии с отклонениями.

Анна: Проблема, как мне кажется, все-таки в том, что негативные явления, которые мы связываем с крупнейшим городом, могли бы быть преодолены, если бы мы пошли на структурирование территории города планировочными ареалами. Вернемся к тому, что я не успела договорить. Я рассматривала, что такое сегодня планировочное и административное районирование. Цель планировочного районирования является разукрупнение территории города. Целью административного районирования - разукрупнение уровней управления на базе условного норматива закреплённости населения за данным уровнем. В рамках сложившейся ситуации предлагаю совместить границы Планировочного Района и административных районов. Это будет способствовать реализации Планировочных Районов.

ВВ: Это - серьезное совмещение. Есть ли прецеденты?

Анна: Да. Это сделано в Ленинграде, Грозном. Хочу подчеркнуть, что выявление секторов позволяет рассмотреть совместно Ленинград, Ленинградскую область...

Сева: Никто не определил границ функционирования города. Но административная граница существует. Не режет ли она по живому границу функционирования?

Анна: Такая проблема существует. Так, в Ленинграде граница агломерации «отсекает» в некоторых случаях части соседних областей, в других – наоборот, прикладывает части. Если в Ленинградском примере границы административных районов удалось скорректировать и они совпали с планировочными, то с границами области ничего сделать не удалось. Административное районирование определяет систему связей хозяйствования.

Сева: Возникает явный разрыв, только вы его пока не фиксируете. Не административное должно быть, а, например, граница объекта управления... Вы ее хотите провести по территории. А, может быть, это ошибочный заход. Хотя владеть территорией кто-то должен. Мы уже убедились, что нельзя владеть территорией всем вместе, получается этакая бесхозность, и надо выйти от управления такими вот функциями и процессами, которые с помощью этих функций формируются, к морфологическим границам – границам на территории. Нужно этот переход осуществить сразу, понимая, что объектом социального управления территория не является, а являются социальные процессы, только их нужно задать. А, может быть, не социальные процессы, а какие-то другие. И архитектор сам не может задать, ну, нет у него таких знаний и подготовки тоже нет, он анализирует ... он вроде землемера определяет границы природопользования ... для различных Планировочных Зон. Получается, что территория то – так нарезана, а функционирует – совершенно иначе, то есть, возникают какие-то мета-связи, и приходится с одного конца города добираться на другой и только потому, что я такой круг взял и определил как целое, а теперь говорю, что внутри меня есть такой пункт X, и какая разница, что расстояние до этого пункта очень большое, и это есть, и это ... все тут есть, потенциально я могу всем владеть, актуально – ничем, только не хватает суток, жизни, так надо переходить к этому... Но это же пропасть, – между средствами архитектора, который по территории метит, выстраивает – и средствами социального управления, которого у нас пока нет, но мы говорим, что должно быть. Пока что у нас все было совершенно адекватно. Но, видимо, помалось. А в концлагере это пока работает. Там ужасные последствия. И в Набережных Челнах это работало бы, но жизнь движется. Люди не могут быть в концлагере, еще хотели бы, но не могут. Это одна из проблем. Но эти модели? Я не знаю, как они действуют.

Анна: Я понимаю, что механически эти схемы перенести нельзя и выделить т.о. Планировочный Район. Я рассказала о двух механизмах дифференциации территории по ряду признаков. Механически перенеся эти схемы на территорию, мы не получим Планировочный Район.

Сева: Ну вот теперь обратите внимание, в чем у вас необходимость выделения Планировочного Района. Ну вот, была схема микрорайона Аберкромби – идея соседства (исходя из английских традиций) для города, а здесь какая идея? Социальная или другая?

Анна: Я хочу создать реальные возможности, чтобы человек мог пользоваться различными городскими благами. Я не хочу чего-то лимитировать, но возможность я хочу создать такое благо как возможности, предоставляет город в хорошем понимании этого слова.

Сева: А Планировочный Район причем?

Анна: А Планировочный Район рождается от того, что мы имеем сегодня – от города монолита. Я говорю о полицентричности города.

Сева: Ясно, вы говорите о том, что в каждом таком районе есть все. Не город в городе, а сетка городов.

НЕ.: Это спорно.

Сева: Вы хотите создать такую планировочную единицу...

Анна: Федерацию.

Сева: Федерация есть объединение. Но из чего она состоит? Из Планировочных Районов?

Анна: Здесь будет путаться Планировочный Район в первоначальном смысле этого слова...

ВВ: Нет не будет.

Сева: Федерацию... а зачем она?

- Анна: Максимум возможностей...
- Сева: Сколько должно быть единиц в федерации, что бы максимум?
- ВВ: Создается минимум людей и тогда максимум возможностей...
- Сева: Откуда модуль?
- Рома: Ты же говоришь о том, что такой территории положено иметь...
- Сева: Что значит - данной территории положено иметь?
- Анна: Создать МПТ, создать соответствующее обслуживание...
- Нина: А если обширная территория изрезана оврагами и она вклинивается в центр города?
- Лена: Ты предлагаешь создать систему маленьких городков? Зачем же тогда большой город?
- ВВ: На образцовых фермах так и живут...
- Сева: Все функции не возможны, значит вы предлагаете микрорайоны, жилые районы...
- Анна: Есть виды деятельности, которые нельзя реализовать на базе жилого района...
- Сева: Это понятно, не нужно консерватории, например...
- ВВ: И все это сделано так, чтобы им было не надо...
- Лена: МПТ? Что - везде понатыкаем по заводу?
- Анна: Речь идет не о промышленных зонах, а о МПТ.
- Сева: У нас все меньше будет промышленных предприятий... А если я не хочу работать? Я ведь могу купить акции и жить на ренту и дивиденды.
- Рома: В Америке многие работают надомниками с информационной сетью...
- Сева: Почитайте последние работы Тоффлера...
- Анна: Если существует такая связь: жилье - МПТ, то для нашей страны она надолго сохранится. До Тоффлера нам далеко.
- Сева: И вы хотите это расстояние все время держать?
- Анна: Я не хочу держать это расстояние и не хочу разрабатывать утопии...
- Сева: А насколько лет вперед вы разрабатываете?
- Анна: Сегодня и завтра надо делать то, то и то...
- Сева: Вы отдаете себе отчет в дистанции так называемого *внедрения*. Между разработками и внедрением - 50 лет. Вы должны смотреть на 50 лет вперед как минимум, поскольку вы обсуждаете *"принцип градостроительства как механизм социального управления"*. Может быть Ваши идеи где-то в чем-то благие, но пока что частично не адекватны перспективам развития, как социально-экономического, так и хозяйственного, основываются на том, что есть сейчас, изменений не учитывают, тем более не учитывают они *перестройки*. У вас же механизм социального развития? И главное, не понятна идея этого - Планировочный Район. Что за ней стоит? Какая реальность, которая будет ее формировать? Мы знаем, что его формировала одна реальность: надо дать работу домостроительным комбинатам, напичкать людьми - пускай вкальвают, делают цемент, на котором эти ДК будут делать эти Планировочные Районы. Я знаю, что с этим идиотизмом будет покончено когда-то, но если и архитекторы будут это поддерживать, то никогда не будет покончено... Ну, архитектору дадут по голове. Их просто выкинут и уже выкинули. Пособие дадут... Нет у нас идеи «Планировочный Район». Управленческой - нет. Если Вы рассматриваете этот район как какую-то единицу, следовательно, там должна быть своя административная структура. А на основании чего она возникает? Кто это такие? Что за люди? Что это за субсоциум, который там будет жить? И на основании чего он формируется?
- Анна: У нас сейчас существует местная территориальная власть...
- Сева: У нас ничего этого нет. Читайте газеты...
- ВВ: Есть управленческие единицы, но власти нет.
- Анна: Во всяком случае хозяйственную деятельность они координируют.
- ВВ: Тюмень - яркий пример. Ну, ничего не координируют! И не хотят.
- Сева: Это все ваши иллюзии, которые должны быть в 1988 году развеяны.
- Анна: А как же насчет лозунга "Вся власть - Советам". Все-таки, мы хотим наполнить существующие органы хозяйственного управления

содержанием. Так может быть рассматривать, что они будут координировать... И при этом условии...

Сева: Вот теперь вы должны обсуждать: Советы будут выполнять такую-то работу - и т.д. А существующая практика районного планирования или планировочного районирования складывается не адекватно практике работы Советов. Я не знаю, как она неадекватна. В чем? Тогда Вы ее можете менять.

ВВ: Задаешь так проблему и начинаешь работать в этом направлении...

Сева: Но это же нужно опять проанализировать. Потом показываем, что вся существующая практика Планировочных Районов опиралась на одни структуры власти, если Вы обсуждаете это как механизм управления - ведомственные и т.д. И здесь надо это очистить. Одно дело объявленный механизм, другое дело - реальный, с мафией, ведомствами, со всеми этими вещами... Вы думаете Вы это потянете? Я в этом сомневаюсь. И есть ли смысл за это хвататься в кандидатской. Но, в принципе, тему надо обсуждать. Поэтому надо двигаться, искать зоны возможного, то, что нужно сделать сейчас, на каком-то более ограниченном материале... Пространстве. Это надо локализовать.

ВВ: Но тема роскошная.

Сева: Тема - базовая. Поезжайте на игру "Город" с 5-го по 9-е декабря. Там Вы ознакомитесь с кое-чем, что касается города и его управления. По Вашим заявкам Вам бы это не помешало. И там вы получите душ Шарко относительно ваших иллюзий.

Наташа: Предположим, что все эти послышки правильны. Но как же ты будешь определять границы Планировочного Района?

Сева: Как образовались территории стран и государств? Кто сколько урвал.

Наташа: Но это же ненаучно.

Сева: Зато наукой разрабатывается оружие уничтожения врага. А эти вещи научно никогда не определяются. Анна этого не понимает.

Наташа: Мое субъективное мнение, что теории в градостроительстве быть не может.

Сева: Из чего она исходит? У нее есть человек, который должен трудиться, спать и кушать. А, оказывается, могут быть разные люди, страты, социо-культурные ориентации. Что есть коммуны, которые получают себе землю и живут там как они хотят, не по законам государства. И вот эту реальную жизнь пытаются подменить предельно примитивными порядками.

Наташа: А вот мне было приятно ехать по побережью Черного моря. Я готова была ехать 2 часа: корабли, пальмы и все такое...

Сева: Это когда-то обсуждал Генисаретский. Поскольку ткань города у нас однородна, "ни уму ни сердцу", то это превращается в "0 - транспортировку" (По Стругацкому).

Лена: В троллейбусе приятно ехать по центру Москвы.

Наташа: Невозможно учесть всего многообразия. Так в 1946-47 годах брали все колонии в Одессе и выселяли в Казахстан.

Руслан: Почему градостроительства не может быть?

Наташа: Это зависит от того, какие темы решает архитектор. Вот тема Романа - это то, что может быть применено в жизни. Я не претендую на истину. Вот город Бразилия проектировал и реализовывал один архитектор. Но лучше бы этого не делал.

Лена: Она хочет сказать, что архитектор один не может заниматься расселением людей.

Наташа: Это должна быть атмосфера... Чтобы улицы не были сделаны одним архитектором, а был город богатый не только людьми. Во-первых, здесь необходимо историческое развитие, чтобы было приятно жить, во-вторых, разные архитекторы.

Лена: И разные заказчики.

Наташа: Пусть районы неправильные, ошибочные, но в этом и есть прелесть.

Руслан: Один известный американский дизайнер оформил свою комнату от и до. Заходят в комнаты других его родственников - к бабушке, дедушке, сыну - а там бардак! Ну, говорят ему, вы же дизайнер, почему не делаете у них! А он отвечает, мол, я в это не буду лезть, пусть они сами...

Сева: Вы говорите, что не может быть градостроительства. Почему? Но только его содержание не исчерпывается деятельностью архитектора.

Лена: Кто сказал, что градостроительство – архитектурная наука?

ВВ: Только в нашей стране градостроительством занимается архитектор. И больше не в одной стране мира! Это запрещено!

Наташа: Даже микрорайоны нельзя давать проектировать одному архитектору. Пусть он даже гениальный!

Анна: Планировочный Район – это ареал, это – создание возможностей, а не стандарт по всей территории Союза.

Сева: Вам же придется перейти к его характеристикам, с одной стороны, с другой стороны придется задавать тот тип характеристик, который может быть обеспечен средствами архитектора. Вы же не определяете структуры власти? Вы можете мечтать о любых ареалах.

Анна: Я должна высказать свою точку зрения как планировщик, оперируя пространственно – временными критериями. А согласования этих точек зрения – следующий этап.

Лена: Мне кажется, задача должна выглядеть так: на основании исследований специалистов ты предлагаешь свою точку зрения как это воплотить в жизнь, в каких формах это выразить. Пока этих исследований нет.

ВВ: Позиция – я архитектор: как специалист, могу говорить о том, чтобы тебе сделать все хорошо. Фактически это позиция чиновника из административной системы, а это значит, что меня твое мнение не интересует. Хотя я апеллирую к тебе и спрашиваю: Как, тебе хорошо? А ты говоришь: "Нет!" А я говорю: "Ты не понимаешь, что тебе хорошо!" Мне кажется, Анна исходит из этой позиции.

Сева: Было бы хорошо, если бы она исходила из интересов архитектора. Вот, мол, архитекторы не имеют возможности работать, создавать шедевры. Это социо-культурно значимая позиция, работает на архитектуру. Есть еще идея-фикс: обязательно создавать какие-то ареалы и мыслить только этими категориями. Обойдутся, может быть, без вас? А вам будут поручать проектировать пороги.

Руслан: У нас во Фрунзе было три административных района. Но сняли Председателя Президиума Верховного Совета, и стало 4 административных района.

Анна: Ну, существовали какие-то пункты – по численности населения, трудящихся, которые они и выполнили.

Сева: Но это плоть от плоти нашей системы: паспортной и прочее. Как стадо тут всех держат. И это обосновывается всеми специалистами за кусок хлеба и колбасы – работай на оправдание их решений. Почему армия Швейцарии или Лихтенштейна – 12 человек? А у нас – 12 миллионов? Все. Вам надо ехать в Иркутск.

Лена: А Вам известно как Линч город рассматривает?

Сева: К Планировочному Району не апеллирует, поскольку не считает эту единицу адекватной архитектурной мыслимости. Материками же архитекторы не работают? Не работают. Ну, слишком большой! Может быть это проблематизировать. Может быть, Планировочный Район надо уменьшить? И показать реальные возможности архитектора, на что он может рассчитывать, чтобы не делать грубых ошибок, за которые его выкинут из этой жизни. В этом случае он будет работать на спасение. А с другой стороны, нужно показать, что ситуация меняется и может быть поставлены такие задачи... а, следовательно, нужно приращение профессиональных средств. Английская журналистка у Глазычева в 60-е годы обследовала угол квартала, знакомилась с людьми, жила... Оказывается, между двумя дверьми вся жизнь человеческая умещалась! И Фолкнер это делал... А там, в Новосибирске, анкеты пишут и думают, что они прикоснулись к чему-то вообще, а там, кроме как к собственной глупости и такой идиотской жизни... анкеты творить... А там Александер уже и с паттернами покончил. Между прочим, устраивает игры... Скамейку строил со своими на семинаре где-то на побережье... Ушел от глобала известнейший мыслитель. Не знаю, что останется в культуре: скамейка или "Заметки к синтезу формы". Мы же еще очень скромны. Нас не хватает ни на

глобализм, ни на локализм. Там нас Доксиадис обскакал, а там англичане, даже поляки. А мы в срединной зоне ошиваемся. Между двумя полюсами...

Лена: Но категории "сотни тысяч" обязательно присутствуют...

Сева: А иначе не значима работа. Если я думаю не о сотне тысяч, я не могу получить свою сотню рублей. А нужно стратегическое: общее понимание ситуации. Инерция еще будет некоторое время. Но вписываться в поворот все же необходимо. Я думаю, будет отмена ЦНИИП-ов, даже ЦНИИП-града.

ВВ: Это уже идет - планомерное уничтожение ЦНИИП-ов, видоизменение.

Сева: А государственная архитектурная служба может сохраниться, но лишь в порядке экспертизы, консультации, как при муниципалитетах. А у нас она действительно является механизмом управления. И это - сволочное дело, и с ним пора кончать, поскольку архитектор, как писал Глазьев, начинает кооперироваться с милиционером. Вспомните остекленные лоджии...

Рома: О системе заказов: заказ дает государство.

Сева: ЦК дает заказ ЦНИИПграду через ГОССТРОЙ... Мы когда-то давали справки в ЦК: тенденция этажности в странах Западной Европы: Франция, Англия... Мы написали то, что считали нужным: идет понижение. И все. Никто это не проверял. Там не пользуются этим представлением - "этажность". А у нас много псевдонаучных идеализаций. Вот если бы знать, зачем нужен этот идеальный объект - Планировочный Район, что с его помощью можно сделать.

Лена: Командовать. Тебе же сказали об этом в первых двух предложениях.

Сева: Командовать административными районами?

Лена: А она поможет...

Сева: Нет у нас никакого управления в стране. Но ответить на вопрос *зачем это представление нужно?* - необходимо. Ибо это - лишь идея. А пока на этот вопрос нет ответа.

ВВ: У меня есть ответ, ибо он начал семинар - Планировочный Район - это мертворожденное дитя и его надо «закопать».

Сева: Слово надо использовать, а идею надо сменить.

Руслан: После пятого семинара я застрелюсь.

Все...

